

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 4(96)*

Вологда ♦ 2018

Решением
Минобрнауки журнал
«Проблемы развития
территории» включен
в Перечень рецен-
зируемых научных
изданий, в которых
должны быть опу-
бликованы основные
научные результаты
диссертаций на соис-
кание ученой степени
кандидата наук, на
соискание ученой
степени доктора наук
по научным специ-
альностям: 08.00.00 –
экономические науки,
22.00.00 – социологи-
ческие науки

Журнал размещается
в следующих рефера-
тивных и полнотек-
стовых базах данных:
OCLC WorldCat, EBSCO,
ROAR, BASE, OpenAIRE,
RePEc, Ulrich's
Periodicals Directory,
ВИНИТИ РАН, Россий-
ский индекс научного
цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят
обязательное рецен-
зирование. Высказан-
ные в статьях мнения
и суждения могут
не совпадать с точкой
зрения редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг во-
просов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной обще-
ственности и практикующим работникам возможности знакомиться с результатами на-
учных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, прини-
мать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития
территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое разви-
тие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рациона-
лизации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гулин К.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет
Данубиуса Галати, Румынское агентство по
обеспечению качества в высшем образова-
нии, Бухарест, Румыния)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет
«Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. э. н., проф. (Федеральный
научно-исследовательский социологический
центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский го-
сударственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент, главный редактор
(Вологодский научный центр РАН, Вологда,
Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Универ-
ситет Париж 13 (Университет Париж-Север),
Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь,
к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Воло-
гда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Уни-
верситет Восточной Финляндии, Йоэнсуу,
Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт соци-
ологии Национальной академии наук Белору-
си, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный на-
учно-исследовательский социологический
центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский
научный центр РАН, Вологда, Россия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Вологодская госу-
дарственная молочно-хозяйственная акаде-
мия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного
редактора, к. ф. н. (Вологодский научный
центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., заместитель главного редактора,
д. э. н., доцент (Вологодский научный центр
РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий
государственный университет, Череповец, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский го-
сударственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт соци-
ально-экономических проблем народонасе-
ления РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петер-
бургский государственный аграрный универ-
ситет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт
проблем региональной экономики РАН,
Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Воло-
годский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргополова Е.В., д. с. н., доцент (Астрахан-
ский инженерно-строительный институт,
Астрахань, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Буда-
пешта, Колледж международного менедж-
мента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский госу-
дарственный университет, Курск, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Ин-
ститут социально-экономических и энергетич-
еских проблем Севера Коми научного центра
УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилов Е.А., к. э. н. (Вологодский научный
центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская го-
сударственная молочно-хозяйственная акаде-
мия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт
экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий
технический университет, Трнава, Словакия)

Соколов Л.И., д. т. н., проф. (Вологодский го-
сударственный университет, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт на-
роднохозяйственного прогнозирования РАН,
Москва, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Вологодский
научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Ин-
ститут проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский
научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Калачикова О.Н., Будилов А.П.

К вопросу об измерении миграционных процессов7

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Социально-экономическая ситуация в Вологодской области18

Цены на металлопродукцию25

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.

Новый подход к освоению северных и арктических территорий России:
локальная транспортная система.....26

Ворошилов Н.В.

Типология, проблемы и перспективы развития сельских территорий42

Мельников А.Е.

Тенденции развития экономики старопромышленных регионов России.....59

Овсипян М.В.

Проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации72

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Барсуков В.Н., Шабунова А.А.

Тренды изменения трудовой активности старшего поколения
в условиях старения населения87

Санкова Л.В., Мирзабалаева Ф.И.

Региональная асимметрия рынков труда и вызовы политике занятости 104

Устинова К.А.

Социально-демографический портрет современного предпринимателя..... 124

Гужавина Т.А.

Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния 136

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Шкулова Е.А.

Трансформация корпоративного опыта для управления
развитием территорий: возможности и ограничения..... 153

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Киреева А.А., Нурланова Н.К.

Организационно-экономические механизмы реализации
технологической модернизации регионов Казахстана 168

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

Основные тенденции социального самочувствия населения
Вологодской области в июне 2018 года 181

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

Китайско-российский научный семинар «Стратегия развития
сельского хозяйства и сельских территорий в новую эпоху»..... 188

Об участии сотрудников ВолНЦ РАН в Петербургском
международном экономическом форуме..... 189

К итогам II российской научной интернет-конференции «Проблемы
и перспективы развития научно-технологического пространства» 190

С заседаний ученого совета..... 193

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН 196

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ..... 198

CONTENT

<i>Kalachikova O.N., Budilov A.P.</i> The Issue of Measuring Migration Processes.....	7
MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS	
Socio-economic situation in the Vologda Oblast	18
Prices for metal products	25
SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES	
<i>Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N.</i> A New Approach to Developing Northern and Arctic Russian Territories: Local Transport System.....	26
<i>Voroshilov N.V.</i> Classification, Problems and Prospects for Rural Territory Development.....	42
<i>Mel'nikov A.E.</i> Development Trends in the Economy of Old-Industrial Russian Regions	59
<i>Ovsipyan M.V.</i> Saint Petersburg Agglomeration: Problems of Development.....	72
LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES	
<i>Barsukov V.N., Shabunova A.A.</i> The Trends in Changing Labor Activity of the Older Generation amid Population Ageing	87
<i>Sankova L.V., Mirzabalaeva F.I.</i> Regional Asymmetry of Labor markets and the Challenges to the Labor Policy.....	104
<i>Ustinova K.A.</i> A Socio-Demographic Image of a Modern Entrepreneur.....	124
<i>Guzhavina T.A.</i> Social Capital of the Rural Population: Assessment of Condition.....	136
TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT	
<i>Shkulova E.A.</i> The Transformation of Corporate Experience in Territorial Development Management: Opportunities and Limitations	153

FOREIGN EXPERIENCE OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

Kireeva A.A., Nurlanova N.K.

Institutional and Economic Mechanisms for technological Modernization of Regions in Kazakhstan	168
---	-----

CURRENT NEWS: FIGURES AND FACTS

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

Main Trends in the Social Well-Being of the Vologda Oblast Population in June 2018.....	181
--	-----

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

CONFERENCES, MEETINGS, SEMINARS

The Sino-Russian scientific seminar "Agriculture and Rural Territory Development Strategy in the New Era"	188
The team of VolRC RAS about the participation in Saint Petersburg international forum on Economics	189
The results of the II russian scientific internet conference "Problems and prospects of scientific-technological space development"	190
From the Academic Council Sessions	193
New VolRC RAS issues	196
GUIDELINES FOR THE AUTHORS	198

От редакции

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.1

УДК 314.72 | ББК 60.7

© Калачикова О.Н., Будилов А.П.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕРЕНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

КАЛАЧИКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: onk82@yandex.ru

БУДИЛОВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: volnc@ya.ru

Признание на государственном уровне миграционных проблем повлекло необходимость их глубокого исследования. Роль статистического изучения миграции для построения продуманной миграционной политики существенно возросла. Для определения предмета исследования в статье был проведен сравнительный анализ различных трактовок понятия «миграция» с точки зрения его изучения и оценки; рассмотрены официальные источники, содержащие данные, характеризующие миграцию, параметры контингентов мигрантов и потоки миграции. Было выявлено, что для статистических исследований наиболее полными с точки зрения определения критериев и параметров оценки формулировками понятия «миграция» являются предложенные в Энциклопедии статистических терминов (2011) и Л.Л. Рыбаковским (2016), дополненные критерием безвозвратности. Официальные данные, собираемые органами статистики, отвечают требованиям, предъявляемым к системам статистических показателей миграции населения и позволяют охарактеризовать различные стороны миграции населения как объекта исследования, однако требуют расширения. На

Цитата: Калачикова О.Н., Будилов А.П. К вопросу об измерении миграционных процессов // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.1

Citation: Kalachikova O.N., Budilov A.P. The issue of measuring migration processes. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.1

основе обобщения существующих систем показателей миграции и «увязки» их с концепцией трехстадийности миграционного процесса выявлено, что функционирующая система сбора данных позволяет изучить только вторую (основную) стадию – собственно перемещение населения. Такие значимые с точки зрения управления миграцией и равномерным развитием территорий вопросы, как формирование миграционной мобильности и интеграция прибывших в местное сообщество, рассматриваются эпизодично, преимущественно в рамках отдельных специальных проектов. Это обусловлено, во-первых, отсутствием единого концептуального подхода, во-вторых, отсутствием единого методического инструментария, в третьих, сложностью получения данных (ввиду необходимости применения социологических методов). На основе систематизации методического подхода Федеральной службы государственной статистики (Росстата), предлагаемых научным сообществом систем показателей миграции и с учетом концепции трехстадийности миграционного процесса была предложена общая система показателей миграции населения, включающая информацию о миграционных установках, собственно перемещениях населения и о приживаемости мигрантов на территории прибытия. Предложенная в работе система показателей миграции населения может представлять практический интерес для исследователей в области демографии, миграции и социологии, а также представителей органов власти, реализующих демографическую, миграционную и социальную политику.

Миграция, измерение миграции, миграционный процесс, показатели миграции, миграционная политика.

С самого начала своего появления человек постоянно находится в миграционном движении [1; 2]. Его форма, масштаб, интенсивность и последствия всегда были во внимании ученых и государственных деятелей, однако регулярное изучение рассматриваемого явления стало проводиться только начиная со второй половины XIX века в странах Западной Европы и США [3; 4].

В XX веке исследование миграции встало на новый виток развития. Связано это главным образом с существенно выросшими масштабами и темпами миграционных процессов, изменением их причин и высокой ролью миграции для развития не только отдельных государств, но и регионов мира. Сегодня миграция – главный источник формирования демографических ресурсов и качества человеческого капитала [5]. Ввиду этого начиная с 90-х гг. XX века миграционные проблемы и необходимость их изучения были признаны на государственном уровне и стали частью государственной политики в нашей стране.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ

от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017), управление миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов должно проходить в соответствии с потребностями экономики, к которой глобальные вызовы предъявляют высокие требования. Развитие экономики будет невозможно без высокого качества человеческого потенциала и достаточности демографических ресурсов. В концепции к приоритетным задачам социально-экономического развития относятся преодоление негативных демографических тенденций, стабилизация численности населения и обеспечение ее роста, а также создание условий для повышения качества жизни населения с обеспечением высокой профессиональной и территориальной мобильности трудовых ресурсов и формированием профессиональной культуры, ценностных ориентиров в сфере труда и предпринимательской деятельности [6].

Отмеченная в концепции долгосрочного социально-экономического развития значимость «территориальной мобильности» для решения социально-экономических и демографических задач развития страны обусловила принятие Правительством РФ Кон-

цепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом РФ 13.06.2012.

В концепции подчеркивается особая роль внутренней миграции и отмечаются ее неблагоприятные тенденции: население Российской Федерации отличается более низкой территориальной мобильностью (в том числе на локальном уровне) в сравнении с другими странами. Причины обусловлены большими издержками на переселение, неразвитостью транспортной сети, ограниченностью рынка арендуемого жилья, высокой стоимостью жилья и его аренды, низкими доходами большей части населения. Основным вектором межрегиональных внутренних миграций остается движение с Востока в Центр и в Московский регион, что усиливает дисбаланс распределения населения по территории Российской Федерации.

Акцентируется внимание, что для информационно-аналитического обеспечения реализации государственной миграционной политики Российской Федерации необходимо развитие системы статистического наблюдения на основе административных систем учета населения и системы выборочных исследований по вопросам внутренней и международной миграции [7].

В связи с этим весьма важное значение получает уточнение понимания миграции с точки зрения определения параметров ее изучения и оценки.

Существуют различные трактовки понятия «миграция населения». Сам термин «миграция» происходит от латинского слова «migration» и при прямом переводе означает «перемещение, переселение». Основная масса работ, посвященных определению данного понятия в отечественной науке, относится к 60–70 гг. XX века, однако новые варианты толкования встречаются и сегодня. Практически все ученые предлагают рассматривать миграцию в узком и широком смысле. В *табл. 1* представлены наиболее известные определения миграции, встречающиеся в научной литературе.

Проанализировав дефиниции, предложенные учеными, можно отметить, что, как правило, они не дают четкого понимания, какие именно параметры должны быть учтены при статистическом изучении миграции. Главным образом это связано с тем, что ученые предлагают трактовки понятия миграции, подразумевающие смешение таких явлений, как «перемещение», «миграционная мобильность», «миграционный процесс», «миграционное движение». В предлагаемых определениях практически нет конкретных критериев для установления четких границ места и времени, которые с точки зрения статистического изучения имеют первостепенную роль.

Для статистических исследований наиболее корректным представляется определение, предложенное в Энциклопедии статистических терминов (2011 год), а также уточненное в 2016 году понятие, данное Л.Л. Рыбаковским. Предлагаемые в этих источниках широкие определения «миграции» являются традиционными и позволяют охватить различные виды миграции, а узкие, в свою очередь, предоставляют возможность конкретизировать объект исследования в территориальных и временных границах, благодаря чему можно четко разграничить миграцию и территориальное перемещение.

Однако, по нашему мнению, для социально-экономического развития территорий важно оценивать перемещения человеческих, в первую очередь, трудовых ресурсов, участвующих в производстве ВРП. С этой точки зрения территории будут стремиться привлечь и закрепить мигрантов, т. е. сделать их перемещение безвозвратным. Длительность пребывания, позволяющая назвать его безвозвратным, установлена действующим законодательством, и с 2011 года «безвозвратную миграцию» формируют не только зарегистрированные по месту жительства, но и зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. Ранее статистический учет мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания, охватывал лишь тех, кто зарегистрирован на срок от 1 года и более.

Таблица 1. Подходы к определению понятия «миграция»

Автор	Определение	
	в широком смысле	в узком смысле
В.И. Переведенцев (1975)	Один из видов мобильности, а именно пространственная мобильность, совокупность всяких перемещений людей в пространстве	Совокупность переселений людей, т. е. таких их перемещений по территории, которые неразрывно связаны со сменой ими мест жительства на относительно продолжительный срок
Б.С. Хорев (1978)	Межпоселенные безвозвратные и возвратные передвижения населения, связанные со сменой места приложения труда	Обычно связанные с переменной постоянного места жительства (т. е. с переездом из прежнего места проживания в новое место проживания) передвижения населения
Демографический энциклопедический словарь (1985)	Перемещения людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменной места жительства навсегда или на более или менее длительное время	«Собственно» миграция, совпадающая с постоянной (безвозвратной) миграцией населения
Л.Л. Рыбаковский (1987)*	Любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности	Законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, т. е. в буквальном смысле слова означает переселение
Энциклопедия статистических терминов (2011)	Перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территориальных единиц	Понятие, включающее в себя наиболее важные с точки зрения общественного развития перемещения, которые сопровождаются пересечением административно-территориальной границы и переменной обычного (постоянного) места жительства на более или менее длительное время, или навсегда в течение определенного периода времени – так называемого миграционного интервала
Л.Л. Рыбаковский (2016)	Совокупность фиксируемых различными способами как безвозвратных, так и возвратных перемещений между разными населенными пунктами	Совокупность регистрируемых безвозвратных перемещений, совершаемых между разными населенными пунктами

* Данной формулировки также придерживаются такие ученые, как В.А. Ионцев, Т.Н. Юдина, С.В. Рязанцев, В.И. Моисеенко.
Составлено по: [8–17].

Саму последовательность действий человека с момента возникновения желания поменять место жительства до его приживаемости на новом месте рассматривают как процесс, в котором четко выделяется три стадии¹.

Первая стадия (исходная, или подготовительная) представляет собой процесс формирования миграционной мобильности (подвижности) населения, которая зависит от демографических, этнических, генетических и социально-экономических и ряда других характеристик.

Вторая стадия (основная, или собственно переселение) – это совокупность переселений, совершающихся в определенное время в рамках той или иной территории.

¹ Концепция трехстадийности миграционного процесса была сформулирована в конце 1970-х гг. известными российскими учеными Т.И. Заславской и Л.Л. Рыбаковским.

Третья стадия (заключительная, или завершающая) представляет собой процесс приживаемости мигрантов на новом месте жительства, приспособления мигранта к новым условиям жизни (адаптация) и его устройство на новом месте. В таком случае, приживаемость характеризует процесс приспособления к новому месту жительства и обществу мигрантов, близких к коренному населению по культурному уровню, этническому и религиозному признакам [18]. В случае значительных социокультурных различий она может быть представлена как ассимиляцией, так и сосуществованием культур в рамках общего нормативно-правового поля.

Концепция трехстадийности миграционного процесса, на наш взгляд, имеет важное значение для изучения миграционных процессов, в том числе и с позиции их измерения и оценки. Поэтому для получения на-

дежной и всеобъемлющей информации о миграционном процессе (что необходимо для построения и реализации государственной миграционной политики) проведем анализ достаточности традиционно измеряемых параметров (показателей) для отражения стадий миграционного процесса. В данной статье будет рассмотрена система показателей внутренней миграции.

Официальные данные о мигрантах и миграционных потоках (которые являются по-

казателями миграции или становятся ими после их обработки) публикуются Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) в ее основных изданиях (табл. 2).

Данные, собираемые Росстатом, в целом дают возможность изучать миграцию, ее отдельные составляющие в разрезе различных классификационных признаков, позволяют осуществлять мониторинг контингентов мигрантов и миграционных потоков по отдельным территориям и стране в целом. Однако

Таблица 2. Официальные издания - источники показателей внутренней миграции

Издание	Состав показателей		Территориальный разрез показателей	Периодичность выпуска
Российский статистический ежегодник	1) шахматный баланс внутрироссийской миграции по федеральным округам (в том числе для городского и сельского населения); 2) миграционный прирост на 1000 человек населения		Российская Федерация, федеральный округ	Ежегодно
Регионы России. Социально-экономические показатели	1) коэффициент миграционного прироста на 10000 человек населения; 2) число прибывших и выбывших по направлениям перемещения – в пределах региона, из других регионов России		Субъект РФ	Ежегодно
Демографический ежегодник	Общие итоги миграции	1) численность прибывших и выбывших всего, в том числе в пределах РФ; 2) абсолютное значение миграционного прироста, в том числе в пределах РФ; 3) прибывшие, выбывшие, миграционный прирост по субъектам РФ; 4) коэффициент миграционного прироста по субъектам, для городской и сельской местности	Российская Федерация, федеральный округ, субъект РФ (городская и сельская местность)	Ежегодно
	Структурные характеристик миграционных потоков	1) прибывшие по субъектам РФ; 2) прибывшие по видам регистрации; 3) прибывшие по срокам регистрации; 4) выбывшие по субъектам РФ; 5) выбывшие по видам выбытия; 6) выбывшие по срокам выбытия; 7) распределение прибывших по возрасту: всего, мужчины, женщины: в пределах России, из зарубежных стран; 8) распределение выбывших по возрасту: всего, мужчины, женщины: в пределах России; 9) распределение миграционного прироста населения по полу и возрастным группам, в том числе в пределах России		
	Миграционные потоки	внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия (шахматный баланс по федеральным округам), все население, городское и сельское население		
Статистический бюллетень «Численность и миграция населения РФ»	Дополняет данные, приводимые в Демографическом ежегоднике: в бюллетене публикуются комбинационные таблицы, позволяющие изучить состав и структуру мигрантов по целям поездок, уровню образования, причинам смены места жительства		Российская Федерация, субъект РФ	Ежегодно
Доклад «Социально-экономическое положение России»	Общие итоги миграции		Российская Федерация, субъект РФ	Ежемесячно

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 08.06.2018).

публикуемые показатели, к сожалению, не достаточны и не полным образом позволяют оценить структуру мигрантов по ряду социально-экономических признаков: брачному статусу, семейной структуре мигрантов, грамотности, образованию, источнику дохода, экономической активности, занятости, виду деятельности, профессии и др., поэтому требуют расширения.

В научной среде существуют различные классификации систем показателей миграции, разработанные на основе данных, собираемых органами статистического учета. Наиболее значимы и полноценны среди них системы, представленные Л.Л. Рыбаковским и А.У. Хомра.

Л.Л. Рыбаковский для внутренней миграции выделяет показатели общего объема миграции населения, относительные показатели миграции и показатели структуры миграционных потоков [19]. А.У. Хомра предлагает учитывать также показатели плотности, которые характеризуют величину численности мигрантов в расчете на 1 кв. км территории, и показатели нагрузки мигрантов на трудоспособное и занятое население [20].

Как указывалось ранее, для целей статистического исследования важно понять, насколько предлагаемые показатели отражают стадии миграционного процесса, чтобы понять, какие этапы и насколько могут быть статистически изучены. Проведенный анализ показал, что достаточно разработана система показателей для второй стадии миграционного процесса (переселение), являющейся основной. На третьей стадии (приживаемость) предлагается расчет только одного показателя – коэффициента приживаемости, а подготовительная (исходная) стадия может быть изучена только с помощью социологических методов. На наш взгляд, особого внимания требуют показатели первой и третьей стадий, не входящих в действующую систему мониторинга миграции. Предлагаем для первой подготовительной стадии рассматривать уровень готовности населения к переезду и его факторы (табл. 3). При оценке мобильности населения важно оценить степень его привя-

занности к месту проживания через ценность и самоидентификацию, чувства по отношению к нему. Чем крепче человек эмоционально «привязан» к месту, тем ниже вероятность переезда, что на уровне населения территории предлагается оценить с помощью коэффициента готовности, рассчитанного как соотношение числа жителей, для которых слабо выражена ценность места проживания и которые выражают готовность к смене места жительства, и числа жителей, имеющих сильную связь с территорией проживания и не готовых к переезду (или только в случае вынужденных чрезвычайных обстоятельств), умноженное на 100. Значения, превышающие 100%, будут свидетельствовать о преобладании готового к перемещениям населения над «немобильным» (и наоборот).

Благополучие третьей стадии для мигрантов не всегда гарантировано даже социокультурным сходством. В связи с этим более информативной будет оценка толерантности принимающего сообщества. Предлагается рассматривать констатирующий показатель распределения мнений о мигрантах (позитивное/нейтральное/негативное) и коэффициент миграционной напряженности, рассчитанный как соотношение числа жителей, не одобряющих въезд на территорию мигрантов, готовых при тех или иных обстоятельствах предпринять какие-либо шаги против прибывших, и числа жителей, нейтрально и позитивно настроенных на приезд мигрантов, умноженное на 100. Значения, превышающие 100, будут свидетельствовать о «закрытости» сообщества, преобладании неблагоприятного отношения к «приезжим». Кроме того, в данном вопросе всегда есть две стороны – прибывшие и принимающие, приживаемость мигрантов зависит и от них самих и их стратегий поведения. В зависимости от двух возможных вариантов интеграции предполагается наличие пассивных и активных стратегий вхождения в принимающий социум или сознательного отгораживания, сохранения локальной самобытности. Для каждой конкретной ситуации должны выявляться причины эксклюзии

Таблица 3. Показатели, характеризующие совокупность мигрантов как объект статистического исследования

Стадия миграционного процесса	Группа показателей	Наименование показателя	Методика расчета
Первая стадия (исходная, или подготавливаемая)	Миграционная мобильность	Ценность места проживания, идентификация себя с ним	Доля населения в совокупности мигрантов и коренного населения
		Намерения (готовность) смены места жительства	
		Коэффициент готовности к миграционной мобильности	Соотношение числа жителей, для которых слабо выражена ценность места проживания и которые выражают готовность к смене места жительства, и числа жителей, имеющих сильную связь с территорией проживания и не готовых к переезду (или только в случае вынужденных чрезвычайных обстоятельств), умноженное на 100
	Причины смены места жительства или отказа от него	Факторы, мотивы, детерминанты и стимулы (по группам: психологические, социальные, экономические)	Доля населения в совокупности мигрантов и коренного населения
Представления о лучшем месте для переезда (набор характеристик, выявленных качественными методами)			
Вторая стадия (основная, или собственно переселение)	Показатели общего объема миграции населения	Количество прибывших мигрантов	Число мигрантов, прибывших в данный регион на постоянное место жительства (зарегистрировавшихся по месту проживания), за определенный период
		Количество выбывших мигрантов	Число мигрантов, выбывших из данного региона на постоянное место жительства (снявшихся с учета по месту жительства), за определенный период
		Сальдо миграции, чистая миграция, нетто-миграция или миграционный прирост/убыль (если показатель положительный, используется термин «миграционный прирост», если отрицательный – «миграционная убыль»)	Рассчитывается как разница между количеством прибывших и выбывших мигрантов за определенный период для региона (города, района). Формула для расчета: $MP (MU) = П - В$
		Валовая миграция (брутто-миграция или миграционный оборот)	Рассчитывается как сумма прибывших и выбывших мигрантов. Формула для расчета: $VM (MO) = П + В$
		Количество временно прибывших мигрантов, или зарегистрированных по месту пребывания	Число мигрантов, прибывших в данный регион (город, район) временно (зарегистрировавшихся по месту пребывания), за определенный период
		Коэффициент интенсивности по прибытию	Рассчитывается путем деления количества прибывших мигрантов в регион (город, район) за год на среднегодовую численность постоянного населения и умножается на 10 тыс. (или 1 тыс.). Формула для расчета: $K = П / Чн \times 10000$ (или на 1000)
		Коэффициент интенсивности по выбытию	Рассчитывается путем деления количества выбывших мигрантов в регион (город, район) за год на среднегодовую численность постоянного населения и умножается на 10 тыс. (или 1 тыс.). Формула для расчета: $K = В / Чн \times 10000$ (или на 1000)

Вторая стадия (основная, или собственно переселение)	Показатели общего объема миграции населения	Коэффициент миграционного прироста	Рассчитывается путем деления абсолютного показателя миграционного прироста в регионе (городе, районе) за год на среднегодовую численность постоянного населения и умножается на 10 тыс. (или на 1 тыс.). Формула для расчета: $K = MP / Чн \times 10000$ (или на 1000)
		Коэффициент интенсивности миграционного оборота	Рассчитывается путем деления абсолютного показателя миграционного прироста в регионе (городе, районе) за год на среднегодовую численность постоянного населения и умножается на 10 тыс. (или на 1 тыс.). Формула для расчета: $K = MO / Чн \times 10000$ (или на 1000)
		Коэффициент результативности миграционного обмена (КРМС)	Определяется как частное от деления числа выбывших на число прибывших в промилле. Каждый регион (город, район) вселения связан с множеством регионов (городов, районов) выхода. КРМС рассчитывается с каждым из них.
		Коэффициент интенсивности межрегиональных связей (КИМС)	Рассчитывается для миграционных потоков (по прибытию, выбытию, обороту). Для расчетов за основу берутся данные статистики за определенный период по количеству мигрантов, а также по среднегодовой численности постоянного населения регионов. Формула для расчета: $m_{ji} = M_{ji} / S_j$; где m_{ji} – показатель интенсивности вселения в j -й район переселенцев из i -го района выхода; M_{ji} – численность мигрантов, прибывших из i -го района выхода в j -й район вселения; S_j – численность населения j -го района вселения
	Показатели структуры миграционных потоков	Территориальная структура потока прибывших или выбывших мигрантов, а также миграционного прироста	Определяется как отношение абсолютной численности прибывших, выбывших или миграционного прироста из каждой страны или региона к общей численности прибывших, выбывших или миграционного прироста, умноженное на 100%
		Возрастная структура потока прибывших или выбывших мигрантов, а также миграционного прироста	Определяется как отношение абсолютной численности прибывших, выбывших и миграционного прироста по каждой возрастной группе к общей численности прибывших, выбывших и миграционного прироста, умноженное на 100%
		Половая структура потока прибывших, выбывших мигрантов и миграционного прироста	Определяется как отношение абсолютной численности прибывших, выбывших и миграционного прироста мужчин и женщин к общей численности прибывших, выбывших и миграционного прироста, умноженное на 100%
		Образовательная структура потока прибывших мигрантов, выбывших мигрантов и миграционного прироста	Определяется как отношение абсолютной численности прибывших, выбывших и миграционного прироста по каждой образовательной группе к общей численности прибывших, выбывших и миграционного прироста, умноженное на 100%
		Структура прибывших мигрантов, выбывших мигрантов по причинам миграции*	Определяется как отношение абсолютной численности прибывших или выбывших мигрантов по данной причине к общей численности прибывших или выбывших, умноженное на 100%
	Показатели плотности миграции населения	Численность мигрантов в расчете на 1 кв. км территории по прибытию	Определяется как отношение численности прибывших мигрантов к площади территории
Численность мигрантов в расчете на 1 кв. км территории по выбытию		Определяется как отношение численности выбывших мигрантов к площади территории	

		Численность мигрантов в расчете на 1 кв. км территории брутто-миграции	Определяется как отношение брутто-миграции (миграционного оборота) к площади территории
		Численность мигрантов в расчете на 1 кв. км территории нетто-миграции	Определяется как отношение нетто-миграции (сальдо миграции) к площади территории
	Показатели нагрузки мигрантов	Коэффициент нагрузки мигрантов трудоспособного возраста	Определяется как отношение численности мигрантов за границами трудоспособного возраста к численности мигрантов в трудоспособном возрасте, умноженное на 1000
		Коэффициент общей нагрузки мигрантов на трудоспособное население	Определяется как отношение численности мигрантов к численности населения в трудоспособном возрасте, умноженное на 1000
		Коэффициент нагрузки трудовых мигрантов на занятое население	Определяется как отношение численности трудовых мигрантов к численности занятого населения территории, умноженное на 1000
		Коэффициент нагрузки мигрантов в трудоспособном возрасте на население территории в трудоспособном возрасте	Определяется как отношение численности мигрантов в трудоспособном возрасте к численности населения в трудоспособном возрасте, умноженное на 1000
Третья стадия (заклЮчительная, или завершающая)	Относительные показатели миграции	Коэффициент приживаемости	Определяется как отношение миграционного прироста к валовой миграции в регионе (городе, районе) за год и умножается на 10 тыс. (или 1 тыс.)
	Толерантность коренных жителей и конфликтность мигрантов	Доля населения, проявляющего положительное/нейтральное/негативное отношение к мигрантам	В процентах от числа опрошенных
		Коэффициент миграционной напряженности	Соотношение числа жителей, не одобряющих въезд на территорию мигрантов, готовых при тех или иных обстоятельствах предпринять какие-либо шаги против прибывших, и числа жителей, нейтрально и позитивно настроенных на приезд мигрантов, умноженное на 100
	Стратегии адаптации мигрантов	Линии поведения (активно-интеграционная, пассивно-интеграционная, активно-барьерная, пассивно-барьерная)	Доля в совокупности мигрантов
	Причины вероятной эксклюзии прибывших, в том числе ментального, административного, нормативно-правового, экономического характера	Факторы (стимулы и детерминанты) интеграции мигрантов в принимающее сообщество	Доля в совокупности мигрантов и коренного населения
	Оценка мер миграционной политики		
<p>Источник: Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. М.: Наука, 2001. 114 с. [19], Хомра А.У. Миграция населения: вопросы теории, методика исследования. Киев: Наукова Думка, 1979. 346 с. [20] (показатели второй стадии миграционного процесса); предложения авторов (показатели первой и третьей (кроме коэффициента приживаемости) стадий).</p> <p>* Может рассматриваться и как показатель первой стадии миграционного процесса.</p>			

мигрантов (как постфактум, так и возможные), а также факторы инклюзии. Это позволит предупредить и нивелировать возможные негативные последствия миграции. На данной стадии важно обеспечить обратную связь от населения для органов власти о реализуемых мерах миграционной политики, поэтому их оценку, предложения целесо-

образно включить в систему мониторинга миграционного процесса. Представляется важным отметить, что понимание процессов формирования миграционной мобильности и интеграции мигрантов является стратегически важным для разработки эффективной политики и управления территориальным развитием страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
2. Корепина Т.А. Сравнительный анализ подходов к моделированию миграции // Вопросы территориального развития. 2017. № 1. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2132> (дата обращения 08.06.2018).
3. Zlotnic H. Trends of international migration since 1965, what existing data reveal. *International Migration*, 1999, vol. 37, pp. 21–61.
4. Castles S., Miller M.J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. London: MacMillan Press Ltd., 2009, pp. 326–327.
5. Леонидова Г.В., Панов А.М., Попов А.В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения // Проблемы развития территории. 2013. № 4. С. 49–57.
6. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (действующая редакция от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Ваше право. Миграция. 2012. № 13.
8. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
9. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 258 с.
10. Валентей Д.И. Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. 251 с.
11. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.
12. Ионцев В.А., Саградова А.А. Введение в демографию. М.: ТЕИС, 2002. 636 с.
13. Юдина Т.Н. Миграция. Словарь основных терминов. М.: РГСУ, 2007. 472 с.
14. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. 525 с.
15. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004. 285 с.
16. Энциклопедия статистических терминов. Т. 5. Демографическая и социальная статистика. М.: Росстат, 2011. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/stbook11/tom5.pdf (дата обращения 08.06.2018).
17. Рыбаковский Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 78–83.
18. Рыбаковский Л.Л. Практическая демография. М.: ЦСП, 2005. 280 с.
19. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. М.: Наука, 2001. 114 с.
20. Хомра А.У. Миграция населения: вопросы теории, методика исследования. Киев: Наукова Думка, 1979. 346 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калачикова Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: onk82@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-20.

Будилов Александр Павлович – инженер-исследователь отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: volnc@ya.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

THE ISSUE OF MEASURING MIGRATION PROCESSES

The recognition of migration problems at the state level has necessitated their in-depth study. The role of statistical research into migration in developing proper migration policy has increased significantly. To determine the subject of the research, the article provides a comparative analysis of different interpretations of the concept of migration in terms of its study and assessment; official sources containing data characterizing migration, parameters of migrant population and migration flows are covered. It has been revealed that the most complete in terms of defining the evaluation criteria and parameters for statistical studies are the interpretations of migration proposed in the Encyclopedia of Statistical Terms (2011) by L.L. Rybakovsky (2016) supplemented by the criterion of irrevocability. Official data collected by statistical institutions meet the requirements of the system of statistical indicators of population migration and characterize various aspects of population migration as a research object, but they require expansion. Based on generalizing the existing systems of migration rates and their "linkage" with the concept of a three-stage migration process, it has been revealed that the functioning system of data collection helps study only the second (main) stage – the actual population movement. Issues such as formation of migration mobility and integration of newcomers to the local community, which are important from the point of view of migration management and uniform territory's development, are covered sporadically, mainly within the framework of separate special projects. First, this is due to the absence of a unified conceptual approach, second, due to absence of a single methodological tool, and third, due to complexity of obtaining data (the need for using sociological methods). Based on systematizing the methodological approach of the Federal State Statistics Service (Rosstat), the systems of migration rates proposed by the scientific community and taking into account the concept of a three-stage migration process, the authors develop a general system of migration rates including information on migration attitudes, actual population movements and migrants' adaptation in a new place. The proposed system of population migration rates may be of practical interest for researchers in demography, migration, and sociology, as well as for the representatives of public authorities implementing demographic, migration, and social policy.

Migration, measurement of migration, migration process, migration rates, migration policy.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kalachikova Olga Nikolaevna – Ph.D. in Economics, Deputy Director for Research. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: onk82@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-20.

Budilov Aleksandr Pavlovich – Research Engineer at the Department of Living Standards and Lifestyles Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: volnc@ya.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Мониторинг перемен: основные тенденции

ВолНЦ РАН продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области.

↗ Тенденции развития экономики РФ в январе–мае 2018 года отражают стабилизацию экономического роста. Среди позитивных изменений следует назвать рост объема промышленного производства (на 3,2%), продукции сельского хозяйства (на 2,5%), грузооборота транспортных предприятий (на 3,1%), ввода в действие жилья (на 9,7%), розничной торговли (на 2,4%; табл. 1).

Аналогичные тенденции характерны для Вологодской области: промышленное производство выросло на 5,6%, выпуск сельскохозяйственной продукции увеличился на 3,5%, грузооборот транспортных предприятий – на 13,1%, ввод в действие жилых домов – на 28,6%, оборот розничной торговли – на 1,6%.

↘ Необходимо отметить снижение активности в сфере строительства и реконструкции сооружений инфраструктуры в стране. В целом по российской экономике спад составил 0,9%, в Вологодской области он достиг 25,7%.

↗ Сопоставление показателей января–мая 2018 года с аналогичным периодом 2008 года, когда в реальном секторе экономики наблюдались самые высокие темпы роста за последние 15 лет, показывает, что в стране значительно увеличился ввод в действие жилых домов (на 46%), производство сельскохозяйственной продукции (на 23,6%), объем розничной торговли (на 11,1%), грузооборот транспортных предприятий (на 9,7%).

В Вологодской области ситуация не столь позитивная: существенный прирост наблюдается только в сфере транспортных грузоперевозок (на 16,4%). Менее выраженный рост зафиксирован в промышленности (на 1,3%) и сфере строительства – ввод в действие жилых домов увеличился на 5,9%.

↘ Среди негативных явлений, произошедших в экономике Вологодской области за 2008–2018 годы, можно отметить большое снижение объема выполненных строительных работ (на 42,3%), розничной торговли (на 14,4%), продукции сельского хозяйства (на 8,8%).

Таблица 1. Основные показатели экономического развития

Показатель	Январь–май 2018 г. к январю–маю 2017 г., %			Январь–май 2018 г. к январю–маю 2016 г., %			Январь–май 2018 г. к январю–маю 2008 г., %		
	РФ	ВО		РФ	ВО		РФ	ВО	
Объем промышленного производства	103,2	105,6	●	105,0	105,4	●	104,5	101,3	●
Объем продукции сельского хозяйства	102,5	103,5	●	103,1	102,7	●	123,6	91,2	●
Грузооборот транспортных предприятий	103,1	113,1	●	110,3	102,9	●	109,7	116,4	●
Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство»	99,1	74,3	●	95,0	193,2	●	63,3	57,7	●
Ввод в действие жилых домов	109,7	128,6	●	96,0	61,3	●	146,0	105,9	●
Объем розничной торговли	102,4	101,6	●	101,6	96,9	●	111,1	85,6	●

● – Показатели ниже средних по РФ; ● – Показатели выше средних по РФ.
Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе–мае 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 93 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

- ↘ – тенденции ухудшения ситуации;
- ↗ – тенденции улучшения ситуации;
- – ситуация существенно не изменилась.

Таблица 2. Динамика промышленного производства

Вид экономической деятельности	Январь–май 2018 г. к январю–маю 2017 г., %			Январь–май 2018 г. к январю–маю 2016 г., %			Январь–май 2018 г. к январю–маю 2008 г., %		
	РФ	ВО		РФ	ВО		РФ	ВО	
Обрабатывающие производства, в том числе:	104,4	106,1	●	109,2	107,1	●	109,3	98,9	●
Обработка древесины и производство изделий из дерева	104,7	109,0	●	111,7	112,6	●	110,9	118,4	●
Целлюлозно-бумажное производство	107,5	104,2	●	120,7	96,4	●	93,6	109,4	●
Химическое производство	102,5	121,6	●	111,2	124,9	●	129,7	136,5	●
Металлургическое производство	106,2	102,9	●	109,0	103,2	●	104,1	96,0	●
Производство машин и оборудования	95,1	83,3	●	111,3	76,2	●	77,0	93,2	●
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	102,0	99,6	●	104,0	91,4	●	102,8	114,0	●

● – Показатели ниже средних по РФ; ● – Показатели выше средних по РФ.
 Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе–мае 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 93 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

⬆ В российской промышленности в январе–мае 2018 года увеличение объема выработки демонстрируют целлюлозно-бумажные (на 7,5%), металлургические (на 6,2%), деревообрабатывающие (на 4,7%) и химические (на 2,5%) производства. В целом по стране объем продукции обрабатывающих производств увеличился на 4,4% по сравнению с аналогичным периодом 2017 года. По виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» прирост составил 2% (табл. 2).

Положительные тенденции демонстрируют обрабатывающие предприятия Вологодской области, увеличившие выпуск продукции на 6,1%. Прирост наблюдается по химическим (на 21,6%), деревообрабатывающим (на 9%), целлюлозно-бумажным (на 4,2%) и металлургическим производствам (на 2,9%).

⬇ Негативные явления нашли отражение в деятельности машиностроительных предприятий РФ и Вологодской области – снижение объемов производства составило 4,9 и 16,7% соответственно. В регионе незначительный спад имеет место по виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» (спад на 0,4%).

⬆ В январе–мае 2018 года относительно аналогичного периода 2008 года в промышленности РФ существенный прирост продемонстрировали обрабатывающие производства (на 9,3%) в целом и химические (на 29,7%) и деревообрабатывающие производства (на 10,9%) в частности.

В Вологодской области положительные изменения имеют место среди химических (прирост на 36,5%), деревообрабатывающих (18,4%), целлюлозно-бумажных (9,4%) производств. По виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» увеличение составило 2,8% в РФ и 14% в Вологодской области.

⬇ В то же время в целом по стране снизился выпуск целлюлозно-бумажной продукции (на 6,4%). В машиностроении наблюдается негативный тренд, характерный как в целом для РФ, так и для Вологодской области: спад составил 23 и 6,8% соответственно.

⬆ В социальной сфере РФ в январе–апреле 2018 года наблюдались положительные явления. В частности, по отношению к аналогичному периоду 2017 года на 3,8% выросли реальные располагаемые денежные доходы населения. Уровень безработицы по состоянию на конец мая снизился на 0,5 п. п. (с 5,2 до 4,7%; табл. 3).

⬇ Обратная ситуация имеет место в Вологодской области. В январе–апреле реальные располагаемые денежные доходы населения снизились на 8,3%, а уровень безработицы к концу мая вырос на 0,6 п. п. (до 5,2%). В апреле 2018 года среднедушевые денежные доходы населения

Таблица 3. Показатели социального развития

Показатель	Территория	Год								2018 г. к 2017 г., %	2018 г. к 2008 г., %
		2008	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Реальные располагаемые денежные доходы в январе – феврале, %	ВО	105,6	112,3	109,7	99,2	104,2	103,7	90,0	91,7	×	×
	РФ	108,4	102,2	105,9	97,9	97,6	95,2	96,0	103,8	×	×
Среднедушевые денежные доходы в феврале, руб.	ВО	10484	15965	19273	22651	27800	27921	25812	25096	97,2	239,4
	РФ	14889	21792	22333	28320	30569	31342	30493	33069	108,4	222,1
	ВО/РФ, %	70,4	73,3	86,3	80,0	90,9	89,1	84,6	75,9	×	×
	Отклонение ВО/РФ, руб.	-4405	-5827	-3060	-5669	-2769	-3421	-4681	-7973	×	×
Величина прожиточного минимума в I кв., руб.	ВО	4464	6381	6927	7954	10149	10241	10356	10507	101,5	235,4
	РФ	4402	6307	7095	7688	9662	9776	9909	10038	101,3	228,0
Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума	ВО	2,3	2,5	2,8	2,8	2,7	2,7	2,5	2,4	×	×
	РФ	3,4	3,5	3,1	3,7	3,2	3,2	3,1	3,3	×	×
Уровень безработицы в I кв., %	ВО	5,6	5,8	7,7	6,1	6,8	7,3	4,6	5,2	0,6	-0,4
	РФ	6,4	5,4	5,2	4,9	5,6	5,6	5,2	4,7	-0,5	-1,7
	ВО/РФ, п. п.	-0,8	0,4	2,5	1,2	1,2	1,7	-0,6	0,5	×	×

Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе–мае 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 93 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

в Вологодской области (25096 руб.) лишь в 2,4 раза превысили величину прожиточного минимума в I квартале (10507 руб.), в то время как в среднем по стране значение коэффициента выше и составляет 3,3 раза.

По итогам января–мая 2018 года можно сделать вывод о некоторой стабилизации социально-экономического развития РФ и Вологодской области. Однако на данный момент оно незначительно и нестабильно, поэтому отсутствие целенаправленных мер поддержки со стороны органов власти в дальнейшем может обусловить замедление темпов роста российской экономики.

Стабилизация экономики требует появления новых точек роста и разработки новых механизмов развития, в которых основное внимание должно быть уделено мерам по стимулированию потребительского спроса, поддержке уровня доходов населения и переориентации объема бюджетных расходов на социальные нужды, обеспечению номинального роста заработной платы в бюджетной сфере и пенсий.

*Материал подготовил
А.Е. Мельников
младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН*

Рис. 1. Социальное настроение¹ (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю напряжение, раздражение» и «испытываю страх, тоску»), раз

Показатель социального настроения жителей Вологодской области в I полугодии 2018 года существенно не менялся: доля положительных суждений в 3 раза превышает удельный вес негативных оценок.

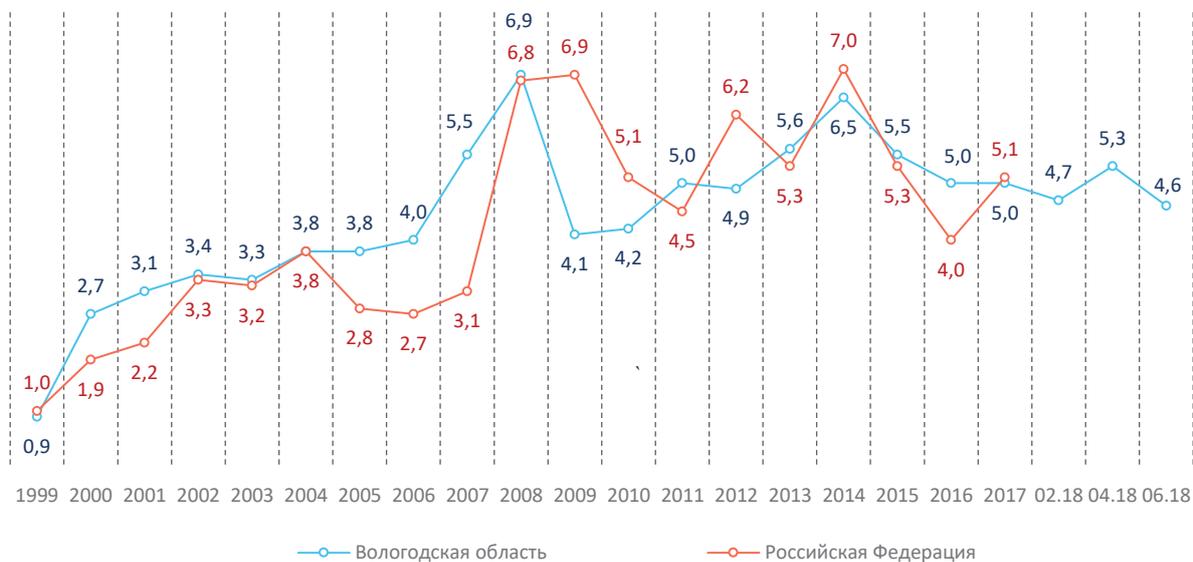

Рис. 2. Запас терпения населения (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть нельзя»), раз

В апреле – июне 2018 года показатель запаса терпения жителей Вологодской области уменьшился с 5,3 до 4,6 раза, что соответствует уровню начала года.

¹ Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра.

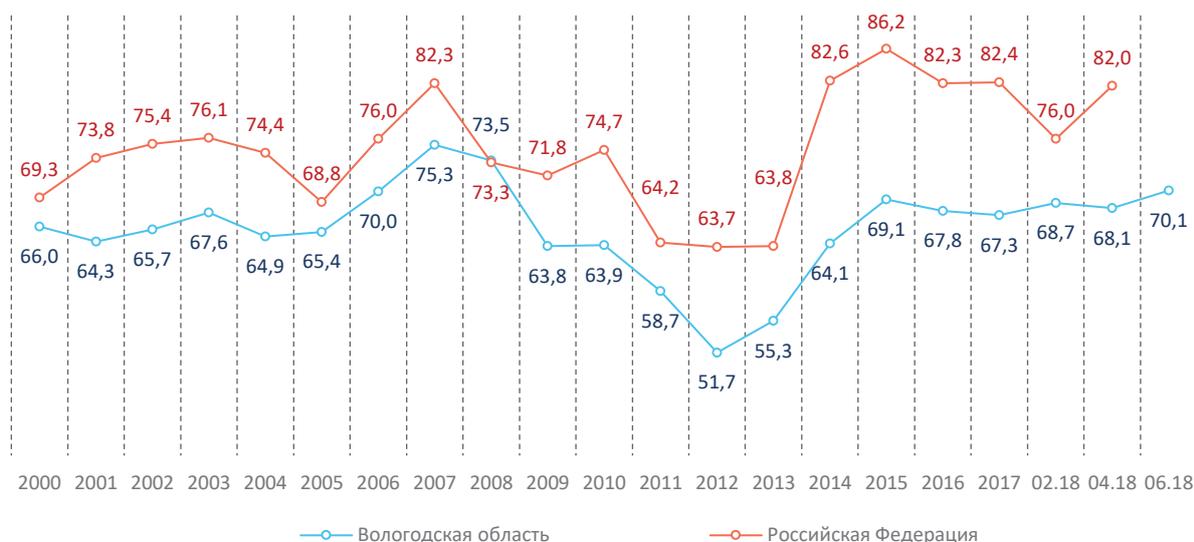

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В июне 2018 года по сравнению с апрелем уровень одобрения деятельности Президента РФ жителями Вологодской области незначительно возрос (на 2 п. п., с 68 до 70%).

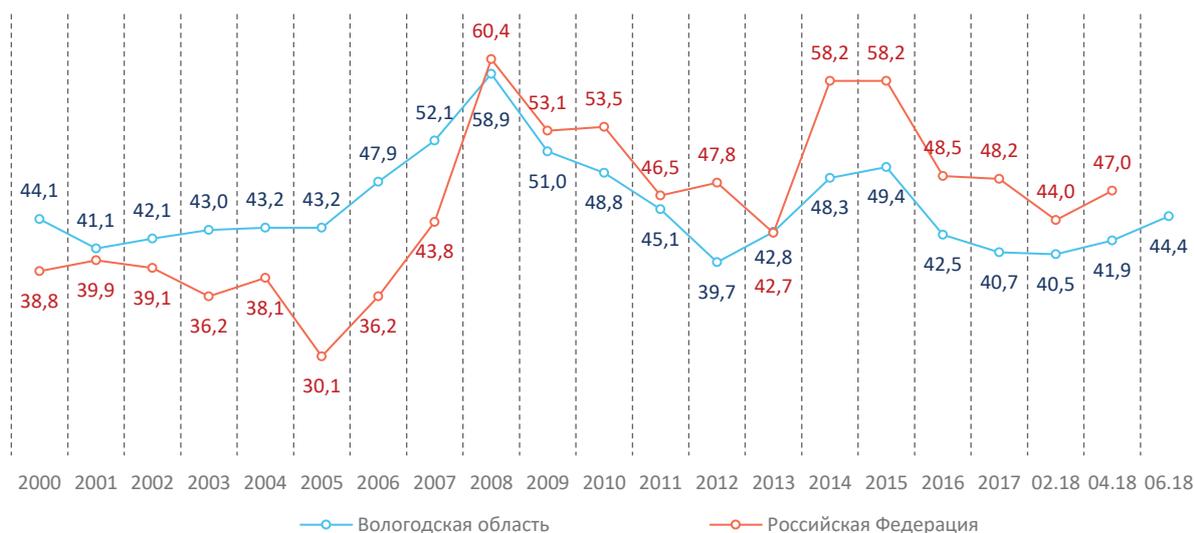

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

За последние два месяца доля положительных оценок жителями региона деятельности Правительства РФ незначительно увеличилась (на 2 п. п., с 42 до 44%).

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

С апреля по июнь 2018 года оценки уровня социальной напряженности в Вологодской области не изменились. Доля жителей региона, отмечающих вероятность протестных выступлений, составляет 21%, а удельный вес населения, выразившего готовность принять в них участие, находится на уровне 16–17%.

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

С начала 2018 года удельный вес положительных и отрицательных характеристик экономической ситуации в регионе остается стабильным: доля положительных оценок составляет 11–12%, отрицательных – 35–36%. При этом в апреле – июне 2018 года отмечается незначительный рост удельного веса нейтральных суждений (на 3 п. п., с 38 до 41%).

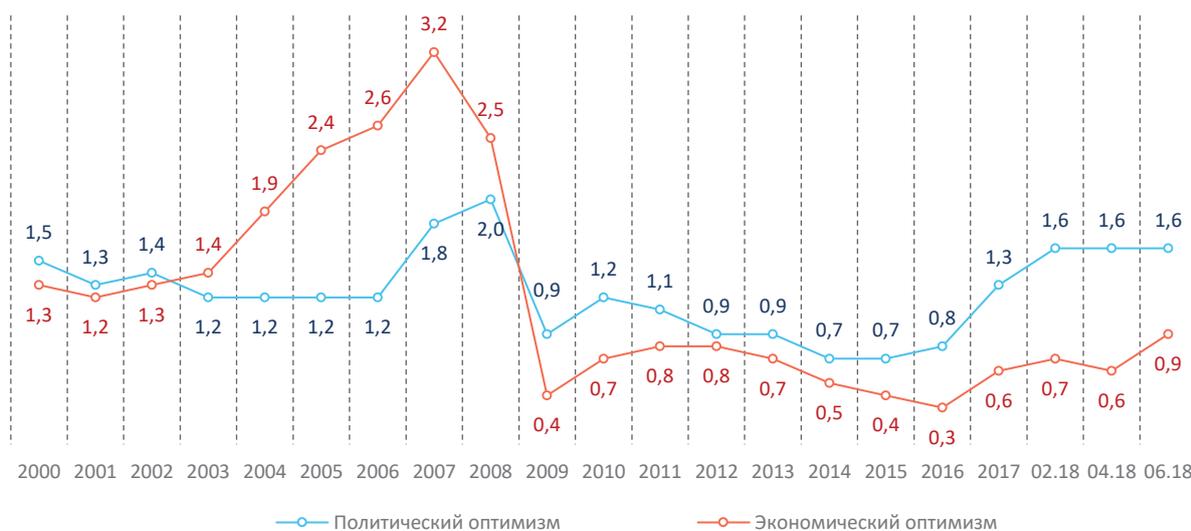

Рис. 8. Индексы политического и экономического оптимизма² (соотношение позитивных и негативных ожиданий), раз

В период с апреля по июнь 2018 года отмечается повышение уровня экономического оптимизма: соответствующий индекс увеличился с 0,6 до 0,9 раза. Индекс политического оптимизма остается стабильным с начала года (1,6 раза).

Материал подготовила

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

² Индекс политического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс экономического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

**Цены на металлопродукцию на мировом рынке¹ за тонну
(на начало июля соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2018 г. в %	
					к 2017 г.	к 2016 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	718	625	563	114,9	127,5
Лист оцинкованный	Долл. США	775	710	608	109,2	127,5
Лист горячекатаный	Долл. США	625	523	473	119,5	132,1
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	580	473	470	122,6	123,4
Конструкционные профили	Долл. США	770	615	628	125,2	122,6
Сортовой прокат	Долл. США	683	545	523	125,3	130,6

**Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало июля соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2018 г. в %	
					к 2017 г.	к 2016 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	49040	38336	41066	127,9	119,4
Лист оцинкованный	Руб.	61412	49494	51242	124,1	119,8
Лист горячекатаный	Руб.	45174	34307	37313	131,7	121,1
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	39662	31429	39983	126,2	99,2
Балка и швеллер	Руб.	52844	51223	44657	103,2	118,3
Круг	Руб.	38946	37175	37525	104,8	103,8
Уголок	Руб.	43069	38730	33926	111,2	126,9

На мировом рынке металлопродукции в начале июля 2018 года зафиксирован существенный рост цен в долларовом выражении на все виды металлопроката по сравнению с тем же периодом 2017 года. Цены на различные виды «плоского» и «длинного» проката выросли на 9–25%.

На российском рынке в рассматриваемом периоде также отмечается значительный рост цен на металлопрокат. Продукция «плоского» проката подорожала на 24–32%, «длинного» – на 3–26%.

Источники: Аналитика. Мировые цены / Информационно-аналитическое агентство рынка черных и цветных металлов. URL: <http://www.metaltorg.ru/worldprice/main.php>; Аналитика. Динамика цен / Информационно-издательская служба «Металлоснабжение и сбыт». URL: <http://metalinфо.ru>

Обзор подготовил
Е.В. Лукин
кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник
заместитель заведующего отделом
ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Страны ЕС.

Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.2
УДК 910.3+625+627 | ББК 26.890

© Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.

НОВЫЙ ПОДХОД К ОСВОЕНИЮ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: ЛОКАЛЬНАЯ ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА¹

ЗАМЯТИНА НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 141825, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1
E-mail: regional_consulting@mail.ru

ПИЛЯСОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Институт регионального консалтинга
Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
E-mail: regional_consulting@mail.ru

Цель исследования состоит в научном обосновании правомерности нового подхода к освоению северных и арктических территорий России через формирование и развитие именно локальной, а не международной транзитной или национальной транспортной системы. Для реализации данной цели используются методы сравнительного институционального анализа, качественной социологии, статистического и картографического анализа и другие. Авторы статьи предлагают новый концептуальный подход к освоению северных и арктических территорий через существенно большую, чем это принято сегодня, опору на местную

Цитата: Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новый подход к освоению северных и арктических территорий России: локальная транспортная система // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 26–41. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.2

Citation: Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. A new approach to developing northern and arctic russian territories: local transport system. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 26–41. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.2

¹ Статья отражает результаты работы авторов по гранту РФФИ № 18-05-00600 «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез»; по гранту РГО-РФФИ № 17-05-41168 «Зональная мультимодальная транспортная система как основа новой комплексной схемы размещения и развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока».

специфику, интересы и институты. Конкретизация этого подхода осуществляется через локальную транспортную систему. Основная идея статьи состоит в том, что филигранный учет местного знания и институтов в развитии транспортных систем Севера и Арктики, эта своеобразная «транспортная антропология» – очень динамично развивающееся в последние годы за рубежом исследовательское направление – способны существенно повысить эффективность и придать новую инновационную динамику процессу освоения территорий Севера и Арктики России. В контексте этой парадигмы разбираются основные принятые стратегические документы федерального уровня по развитию транспорта и делается вывод о наличии в них значительного числа мифов (устаревших представлений), от которых необходимо избавляться для выхода на более современные, адекватные вызовам времени, представления о развитии транспорта Севера и Арктики. В результате сопоставления российских реалий с мировым опытом сделан вывод о необходимости существенной модернизации теоретического багажа и концептуальных подходов к современному транспортному освоению территорий Севера и Арктики России – прежде всего в результате существенно большего учета в этом процессе местной специфики и даже, более того, переворота всей пирамиды стратегического планирования (не «сверху вниз», а «снизу вверх», от местных сообществ, ландшафтов и институтов). В этом революционном процессе смены представлений существенную роль может сыграть новое понятие локальной транспортной системы. Дальнейшие перспективы данного исследования связаны с масштабной программой экспедиционных обследований районов-ключей на сибирском и дальневосточном Севере и в Арктике, запланированных на лето–осень 2018 года.

Локальная транспортная система, освоение «снизу», мифы микро- и макроуровня, промышленно-транспортное освоение Севера.

Введение

После серьезных работ классиков советской освоенческой школы К.П. Космачева, Б.П. Орлова, Б.Б. Прохорова и др. [1; 2, с. 80–91; 3; 4, с. 107–110; 5, с. 57–64; 6; 7; 8, с. 8–11; 9, с. 15–17; 10; 11, с. 103–116; 12; 13] 1960–1980-х годов возникла длительная «пауза». Сегодня разрозненные усилия исследователей – представителей различных школ, федеральных корпораций и органов власти, региональных и местных властей, местных сообществ и предпринимателей не консолидированы системным представлением о новой природе современного процесса освоения пространств Севера и Арктики России и его новых законах. Современное освоение Арктики и Севера России остается без должного теоретического и методологического аппарата, исследования в этой области ограничиваются частными темами (обеспеченность ресурсами, особенности развития коренных народов, отток молодежи и т. п.). Новой теории освоения, адекватной современным реалиям глобализации, постиндустриальной трансформации, много-

акторности участников данного процесса с характерным для них плюрализмом государственной, корпоративной и коллективной собственности, истощенности многих прежних ранее освоенных природных активов Арктики и Севера и постепенного сдвига на шельф, пока не предложено.

Проблема состоит не только в отсутствии или слабости обобщающих работ – она заключается в фундаментальной невозможности «лобового» применения зарубежных теорий региональной науки к арктическим и северным условиям в силу доминирования других факторов развития, других социально-экономических процессов. Современная методологическая база, теория и инструментарий зарубежной региональной науки (понимаемой как комплекс наук, направленных на изучение регионального развития, включающий экономические, экономико-географические, социологические и другие подходы и методы) сформированы на материале плотно населенных территорий с густой сетью городских поселений (преимущественно

в Западной Европе и Северной Америке) и ни в какой мере не учитывает реалии освоения экстремальной арктической и северной зоны. Зарубежные же «североведческие» теории имеют частный, дробный, не концептуальный характер и потому не адекватны широте и разнообразию российских арктических и северных пространств. Стоит задача с учетом достижений советской освоенческой школы и новых современных условий, в которых развертывается данный процесс, сформировать новые концептуальные представления о его закономерностях и природе.

Новизна постановки задачи

Очевидно, что эта масштабная и амбициозная задача не может решаться в отрыве от рассмотрения вопросов транспортного освоения Севера и Арктики. Ведь одной из ярких характерных особенностей пионерного освоения этих районов является нерасторжимая связь хозяйства с транспортными системами – до такой степени, что можно говорить о едином промышленно-транспортном комплексе. Неслучайно докторская диссертация крупнейшего знатока советского Севера С.В. Славина так и называлась «Промышленно-транспортное освоение Севера» [14].

Но если на этапе пионерного ресурсного освоения нерасторжимая связь, почти «слиянность», промышленного освоения и транспортного обустройства абсолютно объективны и неизбежны, то на следующих стадиях освоения все уже не так однозначно. Фронтальная «слиянность» хозяйства и транспорта разрывается, и транспортная инфраструктура начинает «жить собственной жизнью», производить собственные экономические эффекты, притягивать собственных инвесторов и природопользователей.

Транспортная тема развития Севера и Арктики раскрывалась в последние 20 лет в многочисленных работах [15]. Анализ трудов по освоению Севера и Арктики, проведенный нами по базе данных e-library – www.elibrary.ru осенью 2017 года, выявил более 30 работ, посвященных темам транспортных проектов, транспортной логистике, интермодальной

системе перевозок, в целом транспортной инфраструктуре хозяйственного освоения и ее отдельным объектам (аэродромные комплексы, ледокольный флот, морской флот и др.). Они в существенной степени сохраняют прежние заблуждения и традиции: во-первых, транспортные системы Севера и Арктики понимаются просто как недоразвитые варианты центральной России; во-вторых, весь процесс транспортного освоения строится «сверху (от национального масштаба мегапроектов, которые погружаются в территорию дислокации как «соборы в пустыне», в очень слабой увязке с социальными ожиданиями и потребностями местных сообществ).

Действительно, большинство транспортных стратегий и стратегий регионального развития в России на сегодняшний день базируются на исследованиях общегосударственной транспортной системы и/или ее региональных компонентов. Естественно, что при таком подходе теряются важные и очень широкие амплитуды «вариации» местных транспортных систем – в их отступлении от среднестатистического ранжира.

Привычная пирамида, когда происходила развертка перспективных транспортных направлений «сверху», из центра, когда только центр определял новые направления движения грузовых и пассажирских транспортных потоков, новые направления транспортного освоения Севера и Арктики, должна быть радикально пересмотрена.

Новизна нашего подхода состоит как раз в том, чтобы перевернуть пирамиду освоения и начать ее строить «снизу» – с локального уровня, с местного сообщества, затем в результате его комплексируя с федеральной инфраструктурой и проектами, поднимаясь на уровень регионального и зонального освоения пространств всего Севера и Арктики. Из капилляров локального освоения собирается региональное и зональное.

«Большое» освоение мегапроектов и федеральных трасс-коридоров развития может быть успешным только при опоре на «малое», на освоение «снизу», усилиями местных сообществ и предпринимателей. Этот взгляд «изну-

три», «снизу» тотчас же обнажает те свойства транспортных систем Севера и Арктики, которые ранее не признавались важными, например, мощную опору на внедорожные, не привязанные к дорожному полотну, виды транспорта (при взгляде «сверху» они кажутся малозначимыми); комплексный характер в смысле теснейшей увязки не только с развитием производственной сферы, но и в плане воздействия на местную социально-культурную сферу и ключевые институты локальных сообществ.

В духе новой теории эндогенного экономического роста новая схема транспортного освоения территорий Севера и Арктики должна строиться «снизу», от локальных транспортных систем, когда даже к крупным транзитным магистралям «снизу» подбираются необходимые новые отрезки «дообустройства», «дostroительства», является в новых условиях более оправданной и более эффективной (например, именно так проектируется строительство железной дороги Белкомур: путем дотягивания двух новых участков, которые пролегают между сегодня

уже существующими, но малодеятельными участками железной дороги). Но для этого важно расстаться со многими интеллектуальными заблуждениями, которые сильно тормозят назревший прорыв в представлениях о процессе транспортного освоения слабо обжитых экстремальных пространств России.

Развенчание мифов о развитии локальных транспортных систем Арктики и Севера России

Анализ стратегических документов развития транспорта федерального уровня (все документы изучались с изменениями по состоянию на конец 2017 года²) позволяет обозначить несколько широко распространенных мифов, которые существенно сковывают и ограничивают развитие транспортных систем в силу интеллектуальной «зашоренности» лиц, принимающих решения. Среди этих мифов можно выделить две основные группы: некорректные представления «микроуровня» и некорректные идеи о развитии транспорта Севера и Арктики «макроуровня».

² Федеральный закон № 24-ФЗ от 7 марта 2001 г. «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации»; Федеральный закон № 17-ФЗ от 10 января 2003 г. «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»; Федеральный закон № 18-ФЗ от 10 января 2003 г. «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»; Федеральный закон № 87-ФЗ от 30 июня 2003 г. «О транспортно-экспедиционной деятельности»; Федеральный закон № 257-ФЗ от 8 ноября 2007 г. «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон № 261-ФЗ от 8 ноября 2007 г. «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон № 145-ФЗ от 17 июля 2009 г. «О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2001 г. № 848 «О федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)»; Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 303 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы»; Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 319 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы».

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 877-р «Об утверждении Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 2146-р «Об утверждении Программы деятельности Государственной компании «Российские автомобильные дороги» на долгосрочный период (2010–2020 годы); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2010 г. № 2205-р «Об утверждении Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 327-р «О Стратегии развития внутреннего водного транспорта Российской Федерации на период до 2030 года».

Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 45 «Об утверждении транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года»; Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 23 апреля 2010 г. № 319 «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года»; Концепция комплексного развития контейнерного бизнеса в холдинге «РЖД»: утв. ОАО «РЖД» от 6 октября 2011 г. № 256; Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года: одобр. Морской коллегией при Правительстве Российской Федерации 28 сентября 2012 г.

Мифы «микроуровня»

1. Очень традиционный приоритет на формирование единой дорожной сети круглогодичной доступности при существенной недооценке потенциала развития внедорожных видов транспорта, «легких», маневренных форм транспортного обустройства пространства в виде паромов, маломоторной авиации и др., даже упоминание про которые полностью отсутствует во всех федеральных транспортных программах и стратегиях. Эти представления унаследованы еще из индустриального времени, когда безусловным приоритетом было обеспечить каждое поселение круглогодичной наземной транспортной сетью. Впоследствии стало очевидно, что во многих случаях это не только нерационально, но и просто невозможно с учетом масштаба проблем, связанных с российскими дорогами, особенно на территориях Севера и Арктики.

Необходим переход к существенно более гибкой схеме, когда развитие локальной транспортной системы и обеспечение доступности не увязываются однозначно лишь с развитием всепогодных наземных видов транспорта, а когда доступность становится результатом эффективного взаимодействия («стыковки») нескольких видов транспорта (в том числе и внедорожных), различных акторов транспортной системы. Отразить это в федеральных документах необходимо, т. к. в реальности на территориях Севера и Арктики многие «альтернативные» виды транспорта уже оказываются задействованы для обеспечения доступности и для перевозок мелких партий грузов.

2. Во многих федеральных стратегических документах по развитию транспорта бездорожье считается серьезным ограничением для перехода к инновационной модели социально-экономического развития страны. То есть бездорожье и «бездорожные» транспортные системы по умолчанию считают неинновационными. Однако это верно, только если подходить к развитию транспортно слабообустроенных пространств Севера и Арктики «по меркам» Центральной России,

многие регионы которой уже имеют относительно высокий уровень транспортной освоенности. Но все изменится, если признать, что территории Севера и Арктики нуждаются в другом подходе, в других принципах, в другой модели транспортного обустройства, в которой бездорожье является органичной, составной частью, а не негативно воспринимаемым феноменом.

Именно условия бездорожья делают вынужденным применение инновационных видов техники. Так, например, именно в Арктике, а не в «штатных» инновационных центрах Подмосковья более активно развивается применение дронов (беспилотных летательных аппаратов) для доставки грузов (в конце 2017 года «Газпромнефть» впервые применила мультикоптер для доставки груза со складской площадки «Газпромнефть-Снабжение» в Ноябрьске (ЯНАО) на Спорышевское месторождение в сложных погодных условиях³).

Другое направление инновационного поиска – необычные сочетания, уникальные комбинации видов транспортных средств, специфицированных по сезонам и по ландшафтными зонам. Нетривиальность, поисковый характер задачи комбинации транспортных средств в условиях Сибири и Дальнего Востока отмечались даже Президентом РФ: «Сегодня нужно четко знать: какой транспорт, какие маршруты наиболее востребованы и удобны для той или иной территории. В первую очередь, конечно, для жителей отдаленных районов. К примеру, на Крайнем Севере в отсутствие железнодорожного сообщения и автодорог основные объемы перевозок грузов и пассажиров обеспечиваются в летний период речным транспортом. При этом их себестоимость в десятки раз ниже, чем при использовании единственно альтернативного авиационного транспорта. В то же время в каждом регионе нужно добиваться оптимального сочетания внутри- и межрегиональной транспортной инфраструктуры»⁴.

³ http://corp.cnews.ru/news/top/2017-11-20_gazprom_neft_vpervye_dostavila_gruz_na_mestorozhdenie

⁴ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24671>

3. Многие федеральные документы в неявном виде «проводят» идею о низкой мобильности российского населения. Однако опять же эти выводы имеют очень условный характер. По официальной статистике, действительно, российскому населению не хватает мобильности (например, при сравнении с уровнем американской мобильности, когда трудовые миграции, а не государственные программы становятся главным демпфером безработицы), но если брать «антропологические» оценки мобильности, например, населения Севера и Арктики, то, наоборот, окажется, что мобильность оленеводов, охотников исключительно велика, просто это другая мобильность с использованием немаршрутных транспортных средств, которая не фиксируется официальной статистикой.

Внутри местной общности людей уровни мобильности также могут радикально различаться. Например, газовики, горняки, военные или нефтяники гораздо мобильнее других групп населения, потому что с большей вероятностью могут себе позволить купить билет на вертолет/самолет или приобрести автомобиль повышенной проходимости. Разумеется, различается и деловая мобильность разных профессиональных групп. По мере снижения дохода роль профессиональных поездок снижается. Наконец, особая форма мобильности населения Севера и Арктики – это вахтовые поездки.

4. В некоторых федеральных документах обозначается курс на «переход от преимущественно экстенсивной к интенсивной модели развития транспортной системы на основе инновационных прорывных технологий, обеспечивающих повышение качества транспортных услуг»⁵. Здесь по умолчанию признается, что интенсивная модель развития – это хорошо, а экстенсивная модель – это плохо. Однако для многих локальных транспортных систем Севера и Арктики это вовсе не так. Здесь экстенсивное бездорожье сохра-

няется на долгосрочную перспективу, и к этой реальности нужно адаптироваться и приспосабливаться. А это означает необходимость задействовать как традиционный, так и альтернативный транспорт.

Мифы макроуровня

5. В некоторых документах утверждаются приоритеты прямых авиатрасс и минимизации стыковых авиамаршрутов. Однако схема беспосадочных авиаперевозок, которая была флагманской в последние советские десятилетия, в силу своей негибкости и неспособности быстро реагировать на частые радикальные изменения текущей мировой экономической и политической конъюнктуры в развитых странах замещается сетевой схемой транспортных систем с возвышением роли хабов, транспортно-логистических центров всех видов. И эта тенденция обозначается не только в пассажирских авиаперевозках, но в целом в пассажирском и грузовом транспорте.

6. В некоторых стратегических документах ставится акцент на «концентрации ресурсов на приоритетных направлениях» развития одного конкретного вида транспорта. Однако реальностью настоящего времени являются эффекты гибкой комбинаторики видов транспорта, коллективного обучения с пилотным экспериментированием, умных технологий и кадров, постоянных инноваций. Именно с ними связывается динамичное развитие транспортных систем всех видов. В этих условиях искать драйверы развития в старых эффектах, значимость которых уже существенно ослаблена, будет абсолютно неверно. Транспортным системам Севера и Арктики нужны для динамичного развития уже совсем новые эффекты и новые драйверы.

Мировой опыт и российские реалии

В мировой практике сложились две идеологии развития транспортных систем – «сверху» и «снизу». При взгляде «сверху» видны только «гладкие» транспортные каналы национального и международного масштаба. Это слабо расчлененное «макропространство» прямых рейсов, полимагистралей, обеспечи-

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года».

вающих экономические эффекты на масштабе, объеме пассажирских и грузовых операций.

Наоборот, при взгляде «снизу» то же пространство вдруг обретает структурность, становится расчлененным на транспортные отрезки, хабы и логистические центры. Это «микространство» сетевых схем, мульти-модальных пассажирских и грузовых перевозок, где транспортные системы всех уровней обеспечивают получение эффекта экономии на диверсификации маршрутов и грузов.

В России по-прежнему развитие транспортных систем опирается на госплановскую идеологию планирования «сверху», в которой транспортное планирование ведется от территорий более высокого таксономического уровня к районам более низкого таксономического уровня. Если говорить упрощенно, это означает акцент на прямое сообщение и прямые рейсы: негибкая схема с экономией на объеме операций.

С другой стороны, в США и странах Европейского союза утверждается развитие транспортных систем «снизу», с эффектами экономии на «капиллярных» решениях.

В чем принципиальное различие планирования «сверху» и «снизу»? Планирование «сверху» идет от потоков грузов – отталкиваясь от крайних точек отправления и доставки – и с минимальным вниманием к «обрастанию» транспортной системы дополнительными звеньями. Госплановский «полководец» определяет из Москвы трассировку дороги, вид необходимого транспорта и состав перевозимых грузов, мало заботясь об особенностях социальной среды пролегания проектируемой трассы, о сопряжении ее с уже имеющимися местными дорогами, интересами местных сообществ в вопросах транспортной доступности и так далее.

Может возникнуть вопрос: у наших соседей на зарубежном Севере не было примеров «колониального» строительства дорог и «безжизненных» трасс? Нужно честно сказать, что планирование «сверху» и порожденная им неэффективная транспортная сеть – беда не только России. Наши зарубежные коллеги честно пишут: «Колониальная политика по

отношению к коренным народам, проживающим в удаленных общинах, связанных через воздушную транспортную сеть, ориентированную на нужды колониальной администрации, а не на внутреннюю связанность, оставила наследие, которое и сегодня живет через сложившиеся способы мобильности и торговли» [16, с. 29]. В этой «колониальной» схеме, например, линейные «эстафеты» передачи грузов и пассажиров от крупной тыловой базы дальше более мелкой форпостной и локальной базе никак не увязаны между собой: попасть в пункты, расположенные на соседних «эстафетах», можно только вернувшись в форпостную, а чаще крупную, тыловую базу.

Но здесь есть одно существенное уточнение. Речь идет о субсидируемых государством воздушных, наземных перевозках. Но и на Аляске, и на севере Канады есть важный демпфер, которого нет в России: это частные, личные самолеты, нерегулярные частные перевозки, которые амортизируют, смягчают исходно «колониальную», иерархическую схему.

Но строить на Севере, в Арктике (в суровых низкоплотностных пространствах) транспортные пути иначе возможно. Планирование «снизу» идет от территории, а не от потока груза: для каждой точки территории находится «выход» в глобальные транспортные сети. И, до тех пор пока такое сопряжение не обеспечено, десятилетиями могут идти дискуссии о целесообразности нового дорожного строительства. Пример по строительству в долине реки Макензи, Канада, как раз из этой области. На Севере нельзя без необходимости «бросаться», будучи в плену «полководческой» логики, трансконтинентальными магистралями.

Новая трасса уже на стадии проектирования, то есть исходно, мыслится как многоцелевая структура не только для переброски грузов из пункта А в пункт Б, но и для прочного комплексирования с уже имеющимися постоянными и сезонными дорогами, веками существующими здесь местными, в том числе аборигенными, сообществами, направлениями традиционных маршрутов кочевания коренных малочисленных народов.

В результате формируется оптимизированная структура транспортной сети: с одной стороны, минимизируется неустойчивость дальних трасс, «провисающих» между пунктом отправления и пунктом назначения над малонаселенными и лишенными инфраструктуры территориями, с другой – повышается доступность малонаселенных участков территории. Во многом это обеспечивается за счет «сетевой» (ячеистой) структуры транспортной сети с использованием множества промежуточных хабов и хордовых отрезков транспортных сетей.

Последнее обстоятельство наглядно демонстрирует *рис. 1*: уровень транспортной доступности отдельных участков территории даже Центральной России – тех, что расположены вне приоритетных дальних полимагистралей – равен уровню транспортной доступности наиболее удаленных участков Лапландии, при том что плотность населения этих «недоступных» участков России намного выше, чем плотность участков с аналогичной транспортной доступностью на севере Скандинавии, где малодоступны только действительно практически безлюдные территории. Это произошло именно потому, что местные соображения, местные интересы, местная уже имеющаяся дорожная сеть при прокладке магистральных трасс мало принимались во внимание.

Рисунок 1 дает представление о различиях транспортной проницаемости территорий Европы и прилегающих к ней стран. От многих других карт эту отличает обращенность к уровню локальных мест и транспортных систем, транспортная проницаемость которых оценивается не «сверху», а «снизу».

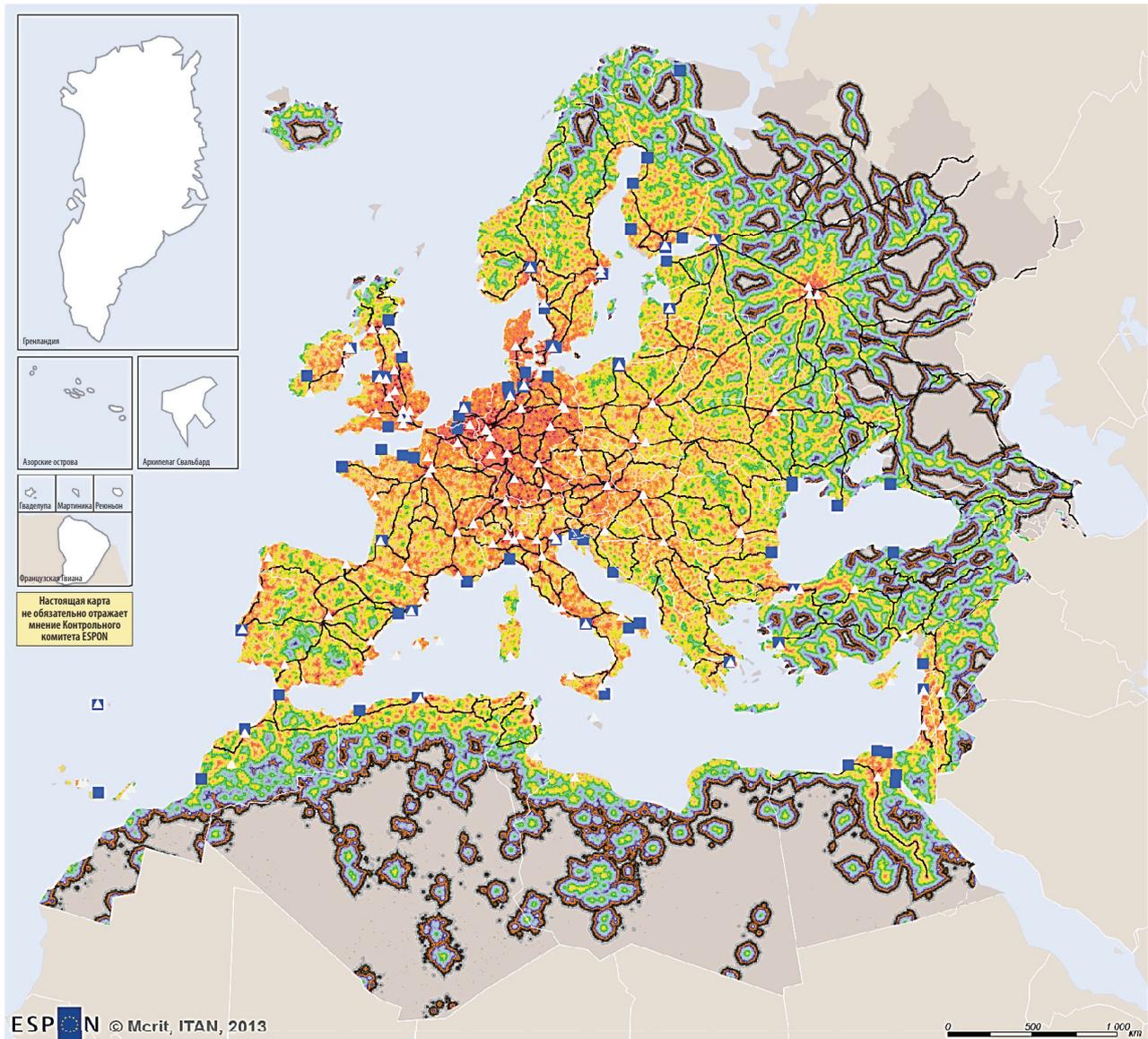
При этом плохую российскую транспортную обустроенность нельзя списать только на низкую плотность, потому что в Северной Европе плотность населения ниже, чем в Центральной России (*рис. 2*), а дорожная обустроенность – лучше.

Освоение новых территорий традиционно увязано с развитием транспорта. Однако реализация новых транспортных проектов (и, главное, поддержание в работоспособ-

ном состоянии уже созданной транспортной инфраструктуры) в условиях Севера и Арктики сопряжена с большими затратами. В частности, вечная мерзлота требует применения особых технологий, что существенно удорожает конструкцию (так, в частности, во время строительства железной дороги на полуострове Ямал полотно укладывалось на специальную пенополистирольную подушку⁶). Нельзя недооценивать затраты не только на сооружение, но и на содержание дорог в условиях Севера: высокий износ материала на морозе и в ходе многократных циклов замерзания/оттаивания, нестабильность подстилающей поверхности (для территорий с вечной мерзлотой в норме колебания уровня дневной поверхности в течение года на высоту нескольких сантиметров – тундра «дышит» в процессе замерзания и оттаивания породы). Это обстоятельство ставит под большие сомнения экономическую окупаемость многих уже построенных «жестких» транспортных путей (железные дороги, асфальтовые автодороги) в условиях Севера и Арктики и, тем более, строительство новых.

Так, в частности, в прессе проходили сообщения о том, что «в ОАО «РЖД» считают, что «Обская – Бованенково», которая строилась как технологическая линия, в принципе не может окупиться. К такому выводу пришли специалисты Гипротранстэи, проводившие первичный анализ предложения «Газпрома». «Планируемый грузопоток по этой линии – немногим более 3 млн тонн в год, этого недостаточно даже для того, чтобы просто содержать дорогу, – заявил «Гудку» начальник отдела инвестиционного проектирования и оценки эффективности проектов Гипротранстэи Максим Фейло. – При балансовой стоимости дороги 130 млрд руб. на одну лишь амортизацию ежегодно придется отчислять свыше 5 млрд руб.». Генеральный директор ЯЖДК Якоб Крафт указал на связанные

⁶ Железная дорога «Обская – Бованенково» // Газпром: официальный сайт. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/mega-yamal/obskaya-bovanenkovo>

Транспортная проницаемость (в минутах)

Информация в растровых ячейках соответствует 5x5 км, дополнена информацией из национальных источников ESPON Space. В соседних странах транспортная проницаемость рассчитывается в соответствии с показателем ICON (расстояние до ближайших аэропортов, железнодорожных вокзалов, автомагистралей, измеряемое по относительному пассажиропотоку)

- Главные железнодорожные магистрали
- △ Крупные аэропорты (2 и более млн пассажиров в год)
- Крупные порты (Классификация «Порты мира»)

Рис. 1. Транспортная «проницаемость» локальных территорий для автодорожного, железнодорожного транспорта и аэропортов, 2010 год, мин.

Источник: ITAN Integrated Territorial Analysis of the Neighbourhoods. Main Report. Applied Research 2013/1/22. Final Report. Version 11/03/2015 2014. 56p (программа ESPON).

с этим сложности: «Стоимость эксплуатации энергетического оборудования в полярном климате превышает среднесетевую в 2,5–3 раза, а содержание пути – в пять раз»⁷.

Содержание дорог с твердым покрытием также влечет дополнительные затраты; неслучайно в зарубежных странах в арктических условиях (вне зависимости от уровня развития

⁷ Нагрузка по себестоимости // Гудок. 27.10.2009. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=714136>

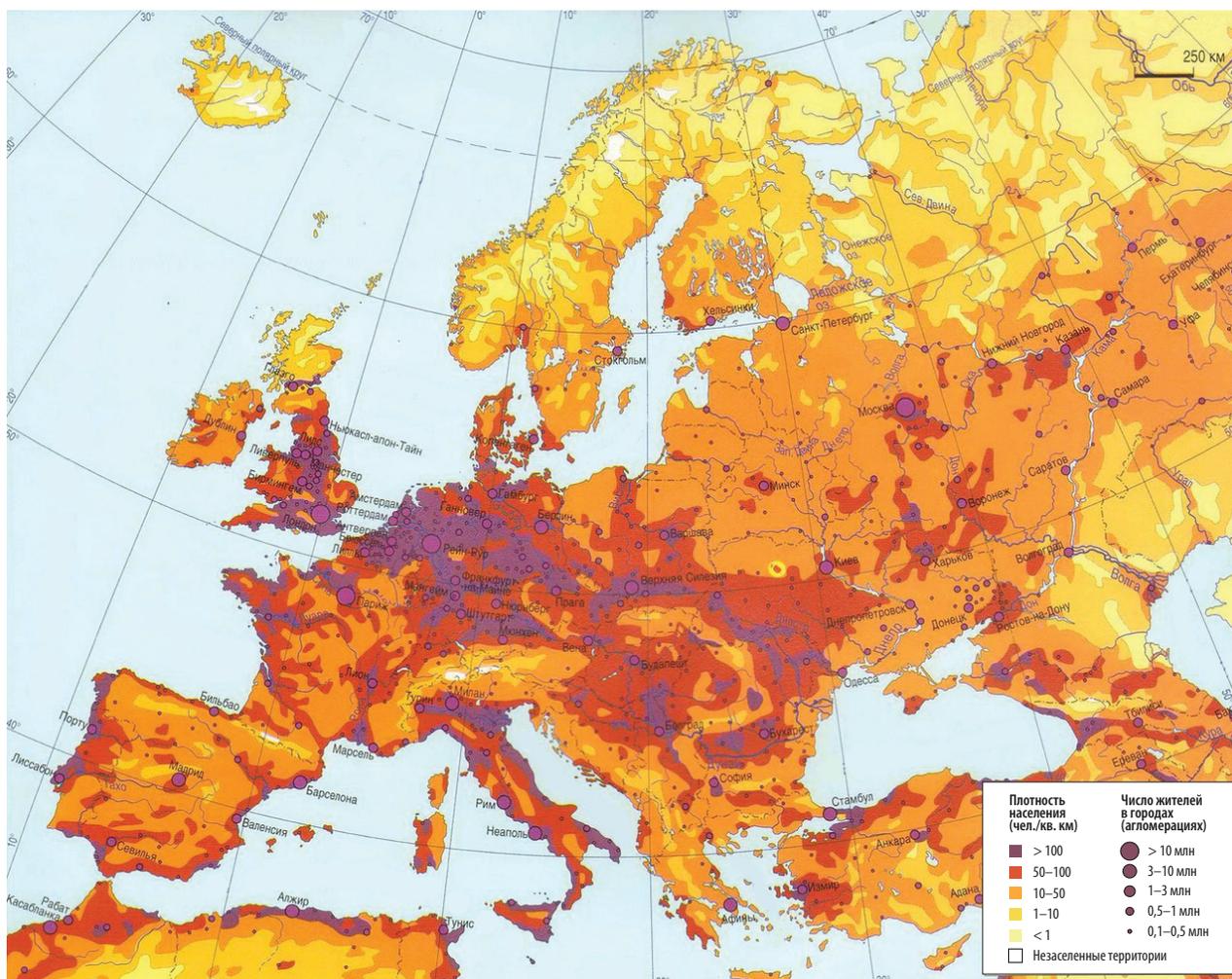

Рис. 2. Сравнительная плотность населения европейской России и зарубежной Европы

Источник: Population density 2012: Average number of persons per km² at NUTS3 level. Nordregio.

URL: <http://www.nordregio.se/en/Maps/01-Population-and-demography/Population-density-2012>

Таблица 1. Структура дорожной сети избранных зарубежных арктических территорий по типу полотна

Территория	Общая длина автодорог, км	В том числе с покрытием, км		Доля автодорог с твердым покрытием, %	Год
		твердое покрытие	гравий		
Юкон, Канада	4813	2364	2449	49,1	2016–2017
Северо-Западные территории, Канада	2204,9	1032,4	1172,5	46,8	2014
Аляска, США	9026,8	6014,1	3012,7	66,6	2016

Составлено по: данные официальных отчетов соответствующих территориальных органов власти. URL: <http://www.eco.gov.yk.ca/stats/1471.html>; <http://www.assembly.gov.nt.ca/taled-documents/nwt-transportation-report-card-2015>, 2017; Alaska Infrastructure Report Card. URL: <https://www.infrastructurereportcard.org/wp-content/uploads/2016/10/Alaska-RC.pdf>

страны) часто предпочитают эффективность престижу: в районах с суровым климатом преобладают дороги с гравийным покрытием, менее подверженные деформациям (табл. 1); очевидно, что для многих территорий Севера и Арктики России содержание именно гравийных дорог (во всяком случае, на второстепен-

ных направлениях) предпочтительнее сооружения «полноценных» асфальтовых.

Между тем в России безоговорочно упор делается на сооружение дорог с твердым покрытием безотносительно к местным условиям как более «правильных», престижных, улучшающих «отчетность». Парадоксально,

что во многих северных регионах России доля дорог с твердым покрытием больше, чем в зарубежных регионах-аналогах (табл. 2).

Таблица 2. Доля автодорог с твердым покрытием в избранных российских северных регионах, 2016

Регион	Доля автодорог с твердым покрытием, %
Ненецкий АО	69,3
ЯНАО	92,8
Республика Саха (Якутия)	39,7
Магаданская область	91,7
Чукотский АО	32,1

Сдвиг интереса в сторону наиболее «престижных» дорог приводит к тому, что все усилия по поддержанию в рабочем состоянии дорожной сети бросаются именно на эти дороги, тогда как поддержание остальных проводится по остаточному принципу, и качество «нетвердых» дорог значительно хуже, чем оно могло бы быть при должном содержании.

Локальная транспортная система

Локальный подход к развитию транспортных систем был впервые рассмотрен в отечественной науке в 2008 году в диссертационной работе А.Н. Приваловского «Типология локальных транспортных систем России» [17]. В работе была впервые предложена типология локальных транспортных систем на уровне экономических микрорайонов страны, были изучены закономерности их пространственной организации.

Согласно определению Приваловского, локальные транспортные системы являются составной частью региональных транспортных систем и общей транспортной системы России. Они обслуживают в основном внутренние связи производственных и социальных объектов, систем расселения и обеспечивают при этом выход к магистральным и транзитным путям сообщения. Тем самым локальные транспортные системы содействуют вовлечению в общий процесс хозяйственного освоения территории страны даже самых отдаленных ее местностей.

Локальная транспортная система – это высокоспецифичное, эволюционирующее во

времени сопряжение различных видов транспорта и акторов в конкретной административно-территориальной единице пространства (как правило, размера муниципального района с расположенными внутри него городскими округами), нацеленное обеспечить мобильность пассажиров и грузов в результате процесса постоянного технологического, организационного и институционального обновления. В этом нашем определении ново то, что данная система понимается как высокодинамичная (меняющаяся во времени); что сама ее эволюция в существенной степени определяется происходящим внутри нее инновационным процессом, процессом постоянного внедрения новшеств в институты, технологии, виды техники, трассировки транспортных путей и др., сконцентрированного на клетке муниципального образования; что специфичность этой системы прежде всего определяется конкретным сочетанием здесь задействованных видов транспорта (транспортных средств); что она нацелена одновременно обеспечить доступность пространства для граждан и грузов для их потребителей.

Обращение к локальной транспортной системе, фокусировка исследовательского внимания именно на ней, а не на национальной или региональной транспортной системе, что было принято многие десятилетия, является для Севера и Арктики новым. Это взгляд «снизу», от почвы, от «капиллярных» зимников и грунтовых дорог, от тех низовых локальных транспортных систем, которые потом, соединяясь друг с другом, формируют региональные, национальные транспортные сети. Такой подход (можно назвать его «транспортной антропологией») постепенно завоевывает признание в зарубежной экономической географии; и в России в последнее десятилетие выполнен ряд научных работ по локальным транспортным системам. Его преимуществом является следующее:

- здесь не теряются «народные» виды транспорта, например, маломоторный воздушный и водный, гужевой, снегоходный и др.;
- на практике реализуется исключительно популярный в современной общественной

науке принцип полимасштабности, многоуровневости, глокальности: когда за лесом не теряются деревья, глобальные трассировки не заслоняют первичные атомарные кирпичики местных транспортных систем, из которых слагаются любые, самые крупные трансконтинентальные наземные магистрали;

– осуществляется важная увязка самого транспортного канала с «подстилающей поверхностью» местной системы расселения, экономики, сообщества.

Новое освоение пространств и ресурсов Севера и Арктики требует новую трассировку местных круглогодичных и сезонных дорог, десятилетиями адаптированных под прежнюю модель хозяйственного развития. Понять направления их необходимой трансформации без взгляда «снизу», вне парадигмы «локальности», невозможно.

Взгляд на освоение Севера и Арктики от локальной транспортной системы хорошо диагностирует местные разрывы (а, как правило, в каждой локальной системе есть один или несколько таких критических разрывов), которые тормозят развитие и нередко просто не видны при взгляде «сверху». Из теории инноваций хорошо известно, что именно такие разрывы / бутылочные горлышки (gaps) есть сильнейший стимул для изобретения различного рода новшеств для их преодоления.

Из стратегических документов развития российского транспорта известны несколько типов таких разрывов, но, конечно, при взгляде «снизу» их типология может стать существенно более детальной и развернутой (например, инвентаризация многочисленных «бутылочных горлышек» автомобильных дорог общего пользования местного значения конкретного муниципального образования). Это ограничения пропускной способности участков железной дороги, подходящих к речным и морским портам, ограничения пропускной способности отрезков автомобильных дорог у пограничных пунктов пропуска,

обмелевшие участки внутренних водных путей, малые и быстро мелеющие реки и др.⁸

При локальном подходе вопросы обустройства транспортной системы, ее интеграции в систему более высокого порядка и в сложившуюся социальную и институциональную среду адресуются непосредственно местным сообществам, а не исключительно центральным или региональным органам стратегического планирования, что, в свою очередь, позволяет максимально учесть местную специфику, очень динамично и постоянно меняющиеся локальные условия и сложившиеся неформальные институты. Локальный подход позволяет учесть то, что «не видно с высоты» региона.

Локальные транспортные системы Севера и Арктики включают:

- транспортную инфраструктуру;
- транспортные средства, используемые на данной территории, всех форм собственности, легальные и нелегальные;
- хозяйствующие субъекты (компании, подразделения государственных организаций и частных лиц), обеспечивающие передвижение пассажиров и грузов на данной территории, а также осуществляющие деятельность в сопутствующих и смежных сферах экономики (снабжение топливом, запчастями, ремонт, обеспечение питания, медицинской и технической помощи на трассе и т. п.) с учетом структуры и форм собственности;
- локальную производственную базу развития транспорта: материальные ресурсы и инфраструктуру, которые задействованы или могут быть задействованы в производстве, ремонте и обслуживании транспортных средств, транспортной инфраструктуры и перевозок;
- систему связи и навигации;
- систему информационного обеспечения и инновационного развития транспорта (доступность сети интернет, спектр социальных контактов, местные научные и образовательные организации, в том числе ведомственные и др.);

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года»; Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 319 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы».

– систему нормативного регулирования транспорта (контролирующие органы, организации регистрации транспортных средств и т. д.);

– неформальную институциональную систему регулирования транспорта, включая местные ценностные нормы и поведенческие установки (уровень доверия, уровень взаимопомощи, готовность включиться в процесс обеспечения движения, например, готовность пассажиров «толкать» застрявший автобус, уровень готовности на неформальные экономические отношения, уровень бережливости, принятые в обществе нормы безопасности и т. п.);

– группы потребителей услуг локальной транспортной системы с разным набором и уровнем специфических требований, предъявляемых к средствам транспорта (уровень комфорта, проходимости, безопасности), – вахтовики, дети, коренные жители и др.

Такая расширительная трактовка локальной транспортной системы находится абсолютно в фарватере современных представлений мировой общественной науки о местной производственной системе, о региональной инновационной системе (РИС). В смысле направления переинтерпретации это единый ряд феноменов. Во всех трех случаях объект исследования – локальная транспортная система, РИС или местная производственная система – включает не только собственно производственные элементы, но и всю совокупность элементов, в своем взаимодействии определяющих эффективность конечного результата, рассматривается в процессе своей эволюции при перевернутой привычной пирамиде, т. е. «снизу», от почвы, от «капиллярных» зимников и грунтовых дорог, от тех низовых систем, которые потом, соединяясь в сети друг с другом, формируют региональные и национальные феномены.

В современной науке это заключается в изучении локальной транспортной системы Севера и Арктики как техносциального феномена (что является нормой в акторно-сетевом анализе) и означает включение в анализ не только собственно транспортной и про-

изводственной сферы, но и многих других элементов, влияющих на транспортную доступность: система законодательного регулирования и местных институциональных условий использования транспорта, структура местных производительных сил (в частности, роль крупных ресурсных корпораций в местной экономике), специфические механизмы взаимодействия, согласованность поведенческих стереотипов и ценностей, доминирующих в локальном сообществе с транспортной инфраструктурой. Такая интеграция исследований транспорта и институциональной среды развития локальных транспортных систем, экономики, технологических, культурных и институциональных аспектов местного развития представляется существенно назревшей. Ведь в условиях Севера и Арктики именно транспортная инфраструктура выступает в качестве основного фактора, детерминирующего сценарий социально-экономического и культурного развития местных сообществ. При этом речь идет не только об очевидном влиянии инфраструктуры на сырьевую экономику (например, ввод в эксплуатацию тех или иных месторождений), но именно о ее влиянии на весь сложный комплекс развития местных сообществ как системы взаимодействий между отдельными людьми, технологиями, инфраструктурой, включая культурные и институциональные аспекты.

Заключение

Сегодня актуальность нового освоения и даже реиндустриализации территорий Севера и Арктики практически не вызывает сомнения. В последние годы на государственном уровне принят целый ряд документов по их освоению, включая Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2020 года. Однако до сих пор нет фундаментального научного представления о современных принципах освоения удаленных территорий страны.

Разрозненные усилия исследователей – представителей различных школ, федеральных корпораций и органов власти, региональ-

ных и местных властей, местных сообществ и предпринимателей не консолидированы системным представлением о принципах нового освоения северных пространств России, об их новых законах. Перед Россией стоит задача формирования системных концептуальных представлений о новой природе современного процесса освоения пространства Севера и Арктики, адекватных современным достижениям мировой общественной науки, которые до настоящего времени не выработаны.

Для разработки эффективных прикладных мер по освоению Севера и Арктики следует заново открыть еще советскую северо-

ведческую школу, но не просто вернуть ее, а радикально, творчески переработать с учетом современных вызовов и наработок мировой науки. Возвращение прежней освоенческой парадигмы, которая мощно развивалась в исследовательском сообществе экономико-географов советского времени и была забыта временно в кризисные 1990-е годы, в радикально обновленном виде сегодня необходимо. И очень важным элементом в этой работе является переосмысление новой природы и новой роли локальных транспортных систем в современном освоении Севера и Арктики России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 144 с.
2. Дубнов А.П., Кин А.А., Орлов Б.П. Программно-целевой подход к освоению новых территорий // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1972. № 1. Вып. 1. С. 80–91.
3. Прохоров Б.Б. Медико-географическая информация при освоении новых районов Сибири. Новосибирск: Наука, 1979. 204 с.
4. Витязева В.А. Проблемы комплексного освоения новых районов (на примере Европейского Северо-Востока СССР) // Актуальные вопросы советской географической науки. М.: Наука, 1972. С. 107–110.
5. Сигалов М.Р., Плисецкий Е.Л. Хозяйственное освоение новых территорий // Изв. АН СССР. Серия «География». 1987. № 3. С. 57–64.
6. Географические проблемы районов нового освоения: тез. докл. Всесоюз. конф. / отв. ред. А.И. Чистобаев. Л.: ГО СССР, 1986. 172 с.
7. Бурханов В.Ф. Современные проблемы освоения Севера СССР. М.: Изд. МГУ, 1970.
8. Агафонов Н.Т. Некоторые географические аспекты нового освоения // Географические проблемы районов нового освоения: тез. докл. Всесоюз. конф. Л.: ГО СССР, 1986. С. 8–11.
9. Литовка О.П. Концептуальные основы формирования расселения в районах нового освоения // Географические проблемы районов нового освоения: тез. докл. Всесоюз. конф. Л.: ГО СССР, 1986. С. 15–17.
10. Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. 153 с.
11. Сысоев А.А. Экономико-географические аспекты изучения баз освоения // Теория хозяйственного освоения территории. Иркутск, 1979. С. 103–116.
12. Агранат Г.А. Зарубежный Север: опыт освоения. М.: Наука, 1970. 414 с.
13. Агранат Г.А. Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера. М.: Наука, 1984. 200 с.
14. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.
15. Хозяйство и население. Т. 3 // География Сибири в начале XXI века / отв. ред. Н.М. Сысоева, С.В. Рященко. Новосибирск: Гео, 2014. 250 с.
16. Berman M. Remoteness and Mobility: Transportation Routes, Technologies, and Sustainability in Arctic Communities // Вестник Бурят. ун-та. 2003. № 2. С. 29.
17. Приваловский А.Н. Типология локальных транспортных систем России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: ИГРАН, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Замятина Надежда Юрьевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Россия, 141825, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1. E-mail: regional_consulting@mail.ru. Тел.: +7(499) 129-19-93.

Пилясов Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, генеральный директор. Автономная некоммерческая организация «Институт регионального консалтинга». Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. E-mail: regional_consulting@mail.ru. Тел.: +7(495) 424-03-73.

Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N.

A NEW APPROACH TO DEVELOPING NORTHERN AND ARCTIC RUSSIAN TERRITORIES: LOCAL TRANSPORT SYSTEM⁹

The purpose of the study is to scientifically substantiate the validity of a new approach to developing Russian Northern and Arctic territories through formation and development of a local, rather than international transit or national transport system. To achieve this goal, we apply the methods of comparative institutional analysis, qualitative sociology, statistical and cartographic analysis, and others. The authors propose a new conceptual approach to the development of Northern and Arctic territories through a much greater reliance on local specific features, interests, and institutions than is accepted today. The specification of the approach is carried out through the local transport system. The main idea of the article is that “filigree” accounting of local knowledge and institutions in the development of transport systems of the North and the Arctic; this kind of “transport anthropology” – a research direction dynamically developing in recent years abroad – can significantly improve efficiency and give a new innovative performance to the development of Russian Northern and Arctic territories. In the context of this paradigm, the main strategic documents of the federal level on transport development are analyzed. It is concluded that there is a significant number of myths (outdated ideas), which must be got rid of in order to reach more modern ideas about the development of transport of the North and the Arctic, more appropriate to the challenges of time. Based on the results of comparison of Russian realia with the global experience it is concluded that there is a need for significant modernization of theoretical knowledge and conceptual approaches to modern transport development in Northern and Arctic territories in Russia, primarily through much more significant consideration of local specific features during this process, and turning the whole pyramid of strategic planning upside down (“bottom-up”, rather than “top-down”; from local communities, landscapes, and institutions). This revolutionary process of change in perceptions provides a significant role for the new idea of the local transport system. Further research prospects are associated with a large-scale program of expeditionary surveys of key areas in Siberian and Far-Eastern North and in the Arctic planned for summer–autumn of 2018.

Local transport system, “bottom-up” development, myths at micro- and macro-level, commercial and transport development of the North.

⁹ The article illustrates the results of the authors’ work on the Russian Foundation for Fundamental Research grant no. 18-05-00600 “New theory of Arctic and Northern development: multi-scale interdisciplinary synthesis”; on the Russian Foundation for Fundamental Research grant no. 17-05-41168 “Zonal multi-modal transport system as the basis for a new complex scheme of location and development of productive forces of Siberia and the Far East”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zamyatina Nadezhda Yur'evna – Ph.D. in Geography, Leading Research Associate. M.Yu. Lomonosov Moscow State University. 1, Leninskie Gory, Moscow, 141825, Russian Federation. E-mail: regional_consulting@mail.ru. Phone: +7(499) 129-19-93.

Pilyasov Aleksandr Nikolaevich – Doctor of Geography, Professor, Director General. Independent noncommercial organization “Institute of Regional Consulting”. 32, Nakhimovskii avenue, Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: regional_consulting@mail.ru. Phone: +7(495) 424-03-73.

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.3

УДК 332.1 (470.2) | ББК 65.050.23 (2Рос-12)

© Ворошилов Н.В.

ТИПОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ВОРОШИЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: niks789@yandex.ru

Большую часть территории России составляют сельские территории (территории вне городских населенных пунктов), в которых проживает 26% населения страны. Несмотря на то что эти территории выполняют важные общегосударственные функции (обеспечение продовольственной безопасности, сохранение связности пространства, историко-культурного наследия, поддержание экологического равновесия, создание условий для восстановления здоровья и отдыха населения и др.), в их развитии накопилось множество системных проблем (значительная убыль населения, слабое развитие и разрушение производственной деятельности и инфраструктуры и т. д.). Следует также указать и на фактическое отсутствие комплексной и системной государственной политики развития сельских территорий. Кроме того, сельские территории существенно различаются по природно-географическим, демографическим и экономическим параметрам. И далеко не во всех из них основным видом деятельности является сельское хозяйство. В связи с этим важным является анализ особенностей, проблем развития сельских территорий (на примере субъектов Северо-Западного федерального округа), а также определение направлений их развития на долгосрочную перспективу, что и явилось целью данной статьи. В ходе исследования предложена типология сельских территорий (муниципальных образований с преобладанием сельского населения) субъектов Северо-Западного федерального округа по критериям периферийности и экономической специализации, выявлены основные внутрорегиональные и внутрирайонные особенности их развития, предложены специфические направления и инструменты развития для каждого типа, что и составляет научную новизну работы. Для достижения поставленной

Цитата: Ворошилов Н.В. Типология, проблемы и перспективы развития сельских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 42–58. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.3

Citation: Voroshilov N.V. Classification, problems and prospects for rural territory development. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 42–58. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.3

цели использованы такие научные методы, как экономический, статистический и компаративный анализ, методы обобщения и экспертного опроса, монографический метод. Показано, что наиболее развитыми являются муниципалитеты с агропромышленной специализацией (доля таких в субъектах Северо-Западного федерального округа 18%); достаточно высокие параметры характерны также для добывающих территорий (их доля 9%); наименее развитыми являются территории, относящиеся депрессивному агропромышленному типу (их доля 26%). Результаты проведенного исследования могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов власти, а также служить базой для дальнейших исследований по данной тематике, касающихся совершенствования механизма управления развитием сельских территорий.

Сельские территории, муниципальные образования, социально-экономическое развитие, типология, Северо-Западный федеральный округ, Вологодская область.

Сельские территории (территории вне городских населенных пунктов), являются особым и приоритетным объектом управления и предметом научных исследований. На 1 января 2018 года 26% населения России проживало в сельской местности, а подавляющее большинство (81%) муниципальных образований составляют сельские поселения. Вместе с тем в развитии сельских территорий России накопилось множество проблем: наблюдаются негативные тенденции в экономическом развитии; крайне остро стоят проблемы безработицы и демографии, отмечается низкий уровень развития инженерной и иной инфраструктур и др. С принятием в 2003 году Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – 131-ФЗ) по всей стране была сформирована двухуровневая система местного самоуправления – район и входящие в его состав городские и сельские поселения, которые также стали самостоятельными муниципальными образованиями со своим кругом функций, задач и полномочий. Однако, как показывают многочисленные исследования российских ученых, по-настоящему эффективный, приближенный к населению уровень власти пока не удалось создать в силу разных причин.

Следует также отметить, что в 2000-е годы на федеральном уровне была начата реализация национальных проектов, ведомственных, государственных программ развития агропромышленного комплекса, в том

числе направленных на обеспечение устойчивого развития сельских территорий. Однако практика их реализации позволяет говорить об отсутствии комплексного подхода к развитию сельских территорий, единого понимания и сформированных концептуальных основ региональной политики в отношении сельских территорий. Поэтому важной научной задачей является исследование внутрирегиональных и внутрирайонных особенностей развития сельских территорий и на этой основе научное обоснование рекомендаций по совершенствованию федеральной и региональной социально-экономической политики в части развития сельских территорий. Отмеченные обстоятельства обусловили актуальность данного исследования, целью которого является анализ особенностей, проблем развития сельских территорий субъектов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) и определение направлений их развития на долгосрочную перспективу.

Сельская местность (сельские территории) – единый социально-экономический, территориальный, природный и историко-культурный комплекс, включающий сельское население, совокупность общественных и производственных отношений, связанных с его жизнедеятельностью, а также территорию и материальные объекты, на ней расположенные [1].

Исследованиями вопросов и проблем комплексного и устойчивого развития сельских территорий занимается множество российских ученых, в частности С.В. Киселев, В.К. Крутиков, А.В. Мерзлов, Ф.З. Мичурина, Т.В. Мо-

розова [2], Т.Г. Нефедова [3], В.В. Пациорковский [4], И.В. Палаткин [1], О.В. Пантелеева [5], И.В. Стародубровская [6], А.И. Трейвиш, А.Я. Троцкий [7], В.И. Фролов и др., на труды которых мы и опирались в своем исследовании. Рассматриваются данные вопросы и в исследованиях Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ранее – ИСЭРТ РАН) [8; 9]. Исследователями рассмотрены методологические аспекты анализа, вопросы экономического и социального развития сельских территорий, предложены различные пути, механизмы, инструменты их развития. В рамках разработки подходов к типологизации территорий наиболее полная и современная сетка экономических микро-районов (части территории субъектов РФ в границах нескольких муниципальных районов и городских округов) разработана Е.Е. Лейзеровичем [10; 11]. Вместе с тем пока еще недостаточно подробно рассмотрены вопросы разработки типологии и анализа особенностей социально-экономического развития именно сельских территорий, в том числе на примере крупных макрорегионов.

В странах Европейского Союза развитие сельских территорий осуществляется на наднациональном уровне в рамках Единой аграрной политики ЕС (Common Agricultural Policy – CAP), составной частью которой является политика в области развития сельских районов, которая финансируется за счет Европейского сельскохозяйственного фонда развития сельских районов (EAFRD): на сумму 100 миллиардов евро с 2014–2020 годов, при этом каждая страна ЕС получает финансовые ассигнования. Государства-члены и регионы разрабатывают свои программы развития сельских районов на основе потребностей их территорий в рамках следующих приоритетов ЕС: содействие передаче знаний и инноваций в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и сельских районах; повышение жизнеспособности и конкурентоспособности всех видов сельского хозяйства, а также содействие инновационным технологиям фермерских хозяйств и устойчивому лесопользованию;

восстановление, сохранение и укрепление экосистем, связанных с сельским и лесным хозяйством; содействие социальной интеграции, сокращение масштабов нищеты и экономическое развитие в сельских районах. Также создана Европейская сеть по развитию сельских районов (The European Network for Rural Development – ENRD) – это структура, объединяющая все заинтересованные стороны и направленная на достижение улучшенных результатов развития сельских районов. Одной из ключевых технологий реализации проектов в сфере сельского развития является проект ЛИДЕР (LEADER), который представляет собой локальный метод развития и используется уже в течение 20 лет для привлечения местных субъектов к разработке и реализации стратегий, принятия решений и распределения ресурсов для развития их сельских районов. Он реализуется примерно 2600 местными группами действий (LAG), охватывает более 54% сельского населения в ЕС и объединяет заинтересованные стороны общественности, частного сектора и гражданского общества в определенной территории [12–15]. Более подробно данные вопросы рассмотрены, например, в монографии известного итальянского ученого Ф. Мантино [16]. Специальная государственная политика по развитию сельских территорий есть и во многих других странах мира [17].

Вместе с тем следует отметить, что единого определения термина «сельские территории», «сельская местность» не сложилось как в отечественной, так и в зарубежной практике. Для отнесения территории к сельской в ряде стран мира заложены такие критерии, как плотность и численность населения, характеристика расселения, плотность застройки, специализация на сельском хозяйстве и др. В российских нормативно-правовых актах под сельским территориями как правило понимаются «территории сельских поселений и соответствующие межселенные территории» или «сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района, а также сельские населенные пункты и ра-

бочие поселки, входящие в состав городских округов (за исключением городских округов, на территории которых находятся административные центры субъектов РФ), городских поселений и внутригородских муниципальных образований г. Севастополя, на территории которых преобладает деятельность, связанная с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции» (Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»).

В данном исследовании под сельскими территориями (сельской местностью) понимались сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района, а также сельские населенные пункты, входящие в состав городских округов, городских поселений (то есть вся территория вне городских населенных пунктов).

Ключевой проблемой развития большинства сельских территорий России является неблагоприятная демографическая ситуация: значительное сокращение численности населения, обусловленное как естественной убылью, так и высоким миграционным оттоком населения. Все это приводит к «вымиранию» целых населенных пунктов, потере управляемости территориями. Так, за 27 лет (1990–2017 гг.) численность сельского населения субъектов Северо-Западного федерального округа сократилась на 19% (в Мурманской области – на 42%, в Псковской области – на 40%; в Республике Коми, Архангельской области и Ненецком автономном округе – на 36–38%; табл. 1). Незначительное сокращение за данный период сельского населения в целом по России (на 3%) обусловлено вхождением в состав России в 2014 году Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

В большинстве субъектов СЗФО (за исключением Калининградской и Ленинградской областей и Ненецкого АО) отмечается убыль сельского населения: в среднем по

округу в 2016 году она составила 3,8 промилле (табл. 2), в то время как городское население выросло на 4,6 промилле. Наибольшая убыль сельского населения в 2016 году наблюдалась в Архангельской области и Республике Карелии (23,5 и 17,5 промилле соответственно).

В 2006 году на территории субъектов СЗФО было образовано 1836 муниципальных образований. За 10 лет в результате объединения поселений, районов и городских округов их число сократилось на 403 (табл. 3). Данные процессы в СЗФО были обусловлены прежде всего тем, что изначально подавляющее число сельских и городских поселений было сформировано в середине 2000-х годов в соответствии со 131-ФЗ как правило в границах территорий бывших городских и сельских советов, существовавших еще с советского периода. И соответственно за 15–20 лет после распада СССР данные территориальные единицы утратили немалую часть населения ввиду высокой естественной и миграционной его убыли. Поэтому дальнейшее функционирование таких малонаселенных муниципалитетов представлялось экономически нецелесообразным, и, соответственно, наименее населенные и наименее развитые муниципалитеты стали объединяться с другими, соседними муниципалитетами. Наиболее активно данные процессы проходили в Вологодской, Псковской и Новгородской областях. Кроме того, в Калининградской области ряд муниципальных районов был преобразован в городские округа путем объединения всех поселений, входящих в район, и ликвидации поселенческого уровня управления. На конец 2016 года наибольшее число муниципальных образований создано в Вологодской области (218), наименьшее – в Ненецком АО (21).

Особенностью субъектов СЗФО по-прежнему является преобладание малонаселенных муниципальных образований в их общем числе. В большинстве (42%) сельских поселений регионов СЗФО численность жителей в них не превышает 1 тыс. чел., а максимальная доля таких малонаселенных поселений отмечается в Ненецком АО и Республике Коми (89 и 69% соответственно). Самые крупные по

Таблица 1. Динамика численности постоянного населения Российской Федерации и субъектов Северо-Западного федерального округа за 1990–2017 гг. (на конец года), тыс. чел.

Территория	1990 год		2017 год			2017 год к 1990 году, %	
	все население	сельское население	все население	сельское население	доля сельского населения, %	все население	сельское население
Российская Федерация	148273,7	38868,7	146877,1	37605,9	25,6	99,1	96,8
Северо-Западный ФО	15311,0	2703,4	13955,7	2180,2	15,6	91,1	80,6
Республика Карелия	791,5	143,8	622,4	121,9	19,6	78,6	84,8
Республика Коми	1239,9	297,3	840,8	184,1	21,9	67,8	61,9
Архангельская область	1569,0	410,8	1154,9	254,1	22,0	73,6	61,8
Ненецкий АО	51,7	18,7	44,1	12,0	27,2	85,3	64,1
Архангельская область (без АО)	1517,3	392,2	1110,8	242,1	21,8	73,2	61,7
Вологодская область	1353,8	461,6	1176,7	325,0	27,6	86,9	70,4
Калининградская область	890,6	187,6	994,7	219,6	22,1	111,7	117,1
Ленинградская область	1675,2	568,0	1813,7	656,5	36,2	108,3	115,6
Мурманская область	1188,8	100,0	753,2	57,8	7,7	63,4	57,8
Новгородская область	751,9	226,4	606,3	175,9	29,0	80,6	77,7
Псковская область	842,9	307,8	636,2	185,3	29,1	75,5	60,2
г. Санкт-Петербург	5007,5	0,0	5356,8	0,0	0,0	107,0	–

Составлено по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 2. Основные демографические показатели развития сельских территорий России и субъектов Северо-Западного федерального округа в 2016 году

Территория	Коэффициенты прироста численности населения, промилле				
	общего			естественного	миграционного
	всего населения	городского населения	сельского населения		
Российская Федерация	1,8	3,4	-3,0	-0,02	1,8
Северо-Западный федеральный округ	3,3	4,6	-3,8	-0,8	4,1
Республика Карелия	-4,4	-1,2	-17,5	-2,8	-1,6
Республика Коми	-7,4	-5,6	-13,6	0,8	-8,1
Архангельская область, включая Ненецкий АО	-7,1	-2,7	-22,4	-1,5	-5,6
Ненецкий АО	2,3	3,0	0,4	9,5	-7,3
Архангельская область без Ненецкого АО	-7,5	-2,9	-23,5	-1,9	-5,6
Вологодская область	-3,2	-0,4	-10,6	-1,8	-1,5
Калининградская область	10,0	11,3	5,5	-0,1	10,1
Ленинградская область	7,3	4,5	12,4	-4,8	12,1
Мурманская область	-6,0	-6,5	-0,1	-0,3	-5,7
Новгородская область	-5,2	-5,3	-4,9	-5,8	0,6
Псковская область	-6,5	-3,8	-13,2	-6,8	0,3
г. Санкт-Петербург	10,6	10,6	–	2,1	8,5

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar

численности населения сельские поселения (более 10 тыс. жителей) имеются в Ленинградской и Новгородской областях, а также в Республике Коми (их доля в общем числе муниципалитетов составляет соответственно 7,3, 2,0 и 0,7%; табл. 4).

За межпереписной период (2002–2010 гг.) количество жилых сельских населенных пун-

ктов в субъектах СЗФ30 сократилось на 2126 единиц, или 8% (табл. 5). В свою очередь 6330 населенных пунктов потеряли постоянное население (рост безлюдных пунктов за период составил 48,5%). Во всех субъектах (за исключением Ненецкого АО) выросло и количество малонаселенных пунктов (с числом жителей менее 10 человек). В Вологод-

Таблица 3. Динамика числа муниципальных образований субъектов СЗФО (на конец года), единиц

Территория	2006 год			2016 год					2016 год к 2006 году, %	
	Всего	МР	СП	Всего	МР	ГО	ГП	СП	Всего	СП
Российская Федерация	24207	1793	19919	22327	1784	567	1589	18101	92,2	90,9
Северо-Западный ФО	1836	147	1313	1433	146	53	206	917	78,1	69,8
Республика Карелия	127	16	87	126	16	2	22	86	99,2	98,9
Республика Коми	211	15	175	185	14	6	14	151	87,7	86,3
Архангельская область	250	20	197	226	20	8	21	177	90,4	89,8
Ненецкий автономный округ	21	1	18	21	1	1	1	18	100,0	100,0
Архангельская область (без автономного округа)	229	19	179	205	19	7	20	159	89,5	88,8
Вологодская область	372	26	322	218	26	2	22	168	58,6	52,2
Калининградская область	36	3	10	32	3	19	6	4	88,9	40,0
Ленинградская область	222	17	142	217	17	1	64	135	97,7	95,1
Мурманская область	42	5	10	40	5	12	13	10	95,2	100,0
Новгородская область	221	21	178	142	21	1	19	101	64,3	56,7
Псковская область	244	24	192	136	24	2	25	85	55,7	44,3
г. Санкт-Петербург	111	–	–	111	–	–	–	–	100,0	–

Источник: Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2017 года / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/mes_upr2017.rar

Примечание: МР – муниципальный район; ГО – городской округ; ГП – городское поселение; СП – сельское поселение.

Таблица 4. Группировка числа сельских поселений по численности населения, проживающего в них, % к их общему числу по субъекту РФ

Территория	Численность населения муниципалитета, тыс. чел.					
	до 0,5	0,5–1,0	1,0–3,0	3,0–5,0	5,0–10,0	более 10,0
Российская Федерация	16,2	29,0	39,6	7,7	5,9	1,7
Северо-Западный ФО	15,8	26,3	41,6	9,6	5,2	1,4
Республика Карелия	17,4	27,9	48,8	5,8	0,0	0,0
Республика Коми	33,8	35,1	24,5	3,3	2,0	0,7
Архангельская область	23,7	34,5	29,9	10,2	1,7	0,0
Ненецкий автономный округ	27,8	61,1	11,1	0,0	0,0	0,0
Архангельская область (без АО)	23,3	31,4	32,1	11,3	1,9	0,0
Вологодская область	11,3	30,4	41,1	10,1	7,1	0,0
Калининградская область	0,0	25,0	25,0	50,0	0,0	0,0
Ленинградская область	0,7	5,8	51,1	19,0	16,1	7,3
Мурманская область	10,0	30,0	40,0	20,0	0,0	0,0
Новгородская область	13,9	27,7	49,5	5,0	2,0	2,0
Псковская область	2,4	15,3	65,9	9,4	7,1	0,0

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar

ской, Архангельской, Новгородской и Псковской областях на 8–12% сократилось число населенных пунктов с жителями. Наибольший рост нежилых населенных пунктов отмечался в Республике Коми и Калининградской области (в 2,1 и 4,5 раза соответственно).

Таким образом, в силу северного положения территории СЗФО для большинства муниципалитетов данного округа характерны малонаселенность и очень низкая плотность населения. Это является одним из факторов,

ограничивающих возможности и перспективы их социально-экономического развития в связи со слабой финансово-экономической базой таких муниципалитетов, сложностью развития централизованной инженерной инфраструктуры, слабой освоенностью и связностью пространства и отсюда непривлекательностью таких территорий для инвесторов и мигрантов.

Сельские территории (сельские муниципальные образования) значительно различа-

Таблица 5. Количество сельских населенных пунктов РФ и субъектов СЗФО по итогам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., единиц

Территория	2002 год			2010 год			2010 год к 2002 году, %			
	число НП (с жителями)	в т. ч. с числом жителей менее 10	число НП без населения	число НП (с жителями)	в т. ч. с числом жителей менее 10	доля, %*	число НП без населения	число НП (с жителями)	в т. ч. с числом жителей менее 10	число НП без населения
Российская Федерация	142203	34003	13086	133708	36225	27,1	19416	94,0	106,5	148,4
Северо-Западный ФО	25824	10645	3986	23698	11257	47,5	5920	91,8	105,7	148,5
Республика Карелия	681	174	94	667	203	30,4	109	97,9	116,7	116,0
Республика Коми	712	86	17	684	98	14,3	36	96,1	114,0	211,8
Архангельская область	3410	1330	547	3122	1429	45,8	848	91,6	107,4	155,0
Ненецкий АО	43	3	0	40	2	5,0	1	93,0	66,7	–
Архангельская область (без АО)	3367	1327	547	3082	1427	46,3	847	91,5	107,5	154,8
Вологодская область	6416	3046	1625	5875	3228	54,9	2131	91,6	106,0	131,1
Калининградская область	1075	95	4	1055	105	10,0	18	98,1	110,5	450,0
Ленинградская область	2771	726	137	2731	738	27,0	151	98,6	101,7	110,2
Мурманская область	106	12	29	98	20	20,4	14	92,5	166,7	48,3
Новгородская область	3333	1417	460	3034	1542	50,8	694	91,0	108,8	150,9
Псковская область	7320	3759	1073	6432	3894	60,5	1919	87,9	103,6	178,8

Примечание: НП – населенный пункт.
* Доля населенных пунктов с числом жителей менее 10 в общем числе населенных пунктов с жителями.
Источник: Переписи населения / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm

ются по множеству параметров, характеризующих как объективные природно-климатические условия и имеющиеся на территории ресурсы (потенциал), так и достигнутый уровень социально-экономического развития. В связи с этим при реализации федеральной и региональной социально-экономической политики по развитию сельских территорий важно учитывать особенности и условия различных типов территорий.

В настоящее время в зарубежной и российской практике сложилось множество подходов к типологизации территорий. Наиболее актуальными для целей настоящего исследования являются типологии по периферийности (удаленности от городов) и их экономической специализации.

Выделение типа сельской территории по периферийности может проводиться в соответствии с определенными критериями (табл. 6).

Различия в параметрах и динамике социально-экономического развития во многом определяются также сложившейся пространственной и отраслевой структурой хозяйства муниципальных образований (их отраслевой

специализацией). Для определения отраслевой (или по видам экономической деятельности) специализации территорий (муниципальных образований) могут применяться показатели: коэффициент локализации, коэффициент душевого производства, межрайонной товарности, индексный метод, рассчитываемые по валовой товарной продукции, основным промышленным фондам, численности промышленно-производственного персонала (ППП), численности занятых. Значения коэффициентов, равные или более 1, свидетельствуют о наличии специализации по данному виду деятельности. В представленном исследовании рассчитывались коэффициенты локализации по показателю «среднесписочная численность работников организаций по видам экономической деятельности».

В целях проведения типологизации сельских территорий СЗФО была сформирована выборка из 133 «сельских» (с долей сельского населения более 50%) муниципальных районов и городских округов (что составляет 2/3 от числа всех районов и городских округов в субъектах СЗФО) [18].

Таблица 6. Структура внутрорегионального пространства сельской периферии

Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Сельские территории, входящие в состав агломераций. Сельские территории, центром которых являются большие и крупные города	Сельские территории, расположенные в зоне активного влияния крупного либо большого города	Сельские территории, центром которых является малый или средний город	Сельские территории, находящиеся вне зоны активного влияния города и соседствующие с сельскими территориями I порядка	Сельские территории, находящиеся вне зоны активного влияния города и соседствующие с сельскими территориями II порядка	Сельские территории, удаленные от городов региона
Примечание: принято различать следующие классификации городов: города с населением до 50 тыс. жителей обычно относят к малым, от 50 до 100 тыс. – к средним, от 100 до 250 тыс. – к большим, от 250 тыс. до 1 млн – к крупным, свыше 1 млн – к крупнейшим (города-миллионеры). Зона влияния города определяется следующими радиусами: для города с населением более 1 млн чел. – 70–80 км; 250 тыс. – 1 млн чел. – 50–60 км; 100–250 тыс. чел. – 30–40 км; менее 100 тыс. чел. – 20–25 км. Источник: Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.					

Далее рассмотрим особенности социально-экономического развития различных типов сельских территорий. Для этого проводился анализ в соответствии со следующим подходом. Были отобраны 10 ключевых показателей (представлены в примечании к таблице 7), характеризующих развитие муниципалитетов. По каждому району по каждому показателю рассчитывалось соотношение значения в районе (городском округе) со средним значением по соответствующему субъекту РФ. Далее рассчитывалось среднее арифметическое соответствующих соотношений по муниципалитетам, относящихся к каждому типу (результаты полученных значений представлены в табл. 7).

В ходе изучения особенностей социально-экономического развития сельских муниципальных образований СЗФО в разрезе их типов установлено, что:

- согласно типологии по периферийности наиболее развитыми являются территории, прилегающие к крупным и большим городам (ближняя периферия 1 порядка), в которых объем производства продукции сельского хозяйства превосходит значения в среднем по региону в 4,04 раза, ввод жилья – в 1,91 раза (см. табл. 7); немного от них отстают прилегающие к ним ближние территории 2 порядка; более низкий уровень развития характерен для муниципалитетов дальней периферии и ближней периферии 3 порядка;

- согласно типологии по экономической специализации наиболее развитыми явля-

ются муниципалитеты с агропромышленной специализацией, в которых, в частности, объем производства сельхозпродукции превосходит средний по субъектам РФ уровень в 3,93 раза, обеспеченность населения жильем – в 1,21 раза, среднедушевой объем доходов местного бюджета – в 1,22 раза; достаточно высокие параметры характерны также и для добывающих территорий, в которых отмечаются наибольшая доля собственных доходов местного бюджета (37%), размер заработной платы и объем отгрузки продукции; наименее развитыми являются территории, относящиеся к депрессивному агропромышленному типу.

Актуальной научной и практической задачей является также оценка уровня социально-экономического развития поселений с точки зрения выявления проблем социально-экономического развития именно на внутрирайонном территориальном уровне. Для этого проводилась группировка поселений ряда муниципальных районов различных субъектов СЗФО по уровню социально-экономического развития на основе предложенной ранее методики [20], сущность которой заключается в расчете интегрального показателя уровня развития муниципалитетов, агрегирующего исходные статистические показатели, и выделении на его основе пяти групп территорий. Для исследования внутрирайонных (поселенческих) особенностей социально-экономического развития сельских территорий были отобраны 16 «сель-

Таблица 7. Среднее по типам территорий соотношение показателей социально-экономического развития сельских муниципальных образований со значениями данных показателей в среднем по соответствующему субъекту СЗФО по итогам 2015 года, %

Тип территории	ПН	ОСХ	ОЖ	И	Д	СД*	ЗП	ОВ	ВЖ	ОТ
Типы сельских территорий по периферийности (удаленности от городов)										
Ближняя периферия 1 порядка (5% от их общего числа)	104,4	403,6	108,8	59,3	104,3	35,3	95,7	41,9	190,9	55,0
Ближняя периферия 2 порядка (18%)	113,3	201,7	114,1	38,6	104,3	29,3	93,5	49,5	100,3	37,5
Ближняя периферия 3 порядка (37%)	72,1	173,4	112,2	44,3	112,0	25,9	96,6	44,7	55,9	35,2
Средняя периферия 1 порядка (7%)	45,0	188,2	130,2	16,5	132,4	23,4	83,3	44,3	88,8	28,2
Средняя периферия 2 порядка (6%)	48,9	157,2	131,7	27,4	129,3	24,9	88,3	69,8	72,0	29,1
Дальняя периферия (27%)	35,2	152,6	171,8	21,2	141,4	23,5	83,9	44,0	63,1	23,7
Типы сельских территорий по экономической специализации										
Преимущественно аграрная специализация (24% от их общего числа)	58,1	265,1	116,3	33,9	127,8	22,9	85,5	41,9	75,7	26,0
Агропромышленная (18%)	72,4	393,2	121,1	51,3	122,2	26,7	84,1	49,0	87,2	36,2
Депрессивная агропромышленная (26%)	36,8	118,5	125,7	13,5	120,2	24,1	82,9	45,0	54,1	12,2
Добывающая (9%)	133,8	145,2	108,2	47,6	104,1	37,0	101,5	49,6	68,5	74,8
Преимущественно промышленная (19%)	92,1	95,7	111,3	37,3	116,4	26,9	99,4	50,7	83,0	62,3
Сервисная (4%)	48,2	104,2	133,5	59,5	129,0	28,0	100,1	50,6	96,3	23,8
Примечание: ПН – плотность населения; ОСХ – объем производства продукции сельского хозяйства в расчете на 1 жителя; ОЖ – обеспеченность населения жильем; И – объем инвестиций на 1 жителя (без малых предприятий); Д – доходы местного бюджета на 1 жителя; СД – доля собственных доходов бюджета; ЗП – среднемесячная заработная плата; ОВ – обеспеченность населения врачами; ВЖ – ввод в действие жилых домов на 1 жителя; ОТ – объем отгрузки товаров собственного производства на 1 жителя. * Представлено абсолютное значение в среднем по группе муниципалитетов, а не соотношение со средним значением по региону, в %. Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm										

ских» муниципальных районов различных субъектов СЗФО, относящихся ко всем типам территорий. Пример такой группировки по Нюксенскому району Вологодской области представлен в *табл. 8*. На 1 января 2017 года в данном районе проживало 8629 жителей (все население сельское) и функционировало 4 поселения. Центральным поселением (в нем расположен административный центр района) является Нюксенское сельское поселение. Из таблицы 14 видно, что различия поселений по значению интегрального показателя составляют 2,29 и 3,56 раза.

На основе проведенного анализа в целом по субъектам СЗФО можно сделать следующие выводы:

– поселения рассматриваемых районов различных субъектов СЗФО существенно различаются по уровню развития (соотношение между максимальным и минимальным значениями интегрального показателя составляют от 1,35 до 24,17 раза), сельские поселения существенно отстают по уровню развития от городских поселений;

– наиболее развитым является, как правило, поселение, в котором располагается административный центр муниципального района;

– наименьшая дифференциация в уровне развития характерна для поселений муниципальных районов, относящихся к ближней периферии 3 порядка и характеризующихся преимущественно аграрной специализацией, а также для районов ближней периферии 2 порядка с преимущественно аграрной или промышленной специализацией, районов ближней периферии 1 порядка с добывающей специализацией; наибольшая дифференциация характерна для поселений районов, относящихся к средней периферии 1 и 2 порядка, с преимущественно аграрной или агропромышленной специализацией, а также для районов дальней периферии и ближней периферии 3 порядка с депрессивной агропромышленной специализацией.

На примере Вологодской области были проанализированы зависимости между уровнем развития «сельских» муниципальных районов и параметрами их демографическо-

Таблица 8. Группировка поселений Нюксенского муниципального района Вологодской области по уровню социально-экономического развития

Уровень	1 способ (стандартизация относительно средних значений показателя)	2 способ (стандартизация относительно максимального/минимального значений показателя)
Высокий	–	Нюксенское СП (0,828)
Выше среднего	Нюксенское СП (1,135)	–
Средний	–	Городищенское СП (0,541)
Ниже среднего	–	Востровское СП (0,327) Игмасское СП (0,233)
Низкий	Городищенское СП (0,733) Востровское СП (0,655) Игмасское СП (0,495)	–
Макс./мин., раз	2,29	3,56

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

го развития в разрезе различных типов территорий. Данные таблицы 10 позволяют сделать вывод о том, что с удалением от крупных городов (Вологда и Череповец) значения демографических показателей ухудшаются. Так, в Вологодском районе за 2000–2016 гг. численность населения выросла на 2,8% (табл. 9), а в Череповецком – сократилась на 6%; в прилегающих к ним районам (ближняя периферия 2 порядка) – сократилась в среднем на 16%. В 4 из 5 районов данных групп в 2016 году наблюдался миграционный прирост населения. В это время в наиболее удаленных районах области (дальняя периферия) численность населения сократилась уже на 26%, и во всех из них наблюдалась миграционная убыль населения. Такая же закономерность наблюдается и со значением интегрального показателя уровня социально-экономического развития районов.

Относительно особенностей демографического развития районов в зависимости от их экономической специализации наиболее благоприятная ситуация складывается в районе с преимущественно аграрной специализацией (Вологодском районе), в котором растет численность населения и наблюдается миграционный прирост. Несколько хуже ситуация в группе с агропромышленной специализацией, численность населения в среднем по районам которой снизилась за 2000–2016 гг. на 16% (табл. 10). Наиболее проблемными являются 5 районов с депрессивной агропромышленной специализацией, которые за

2000–2016 гг. в среднем потеряли 27% населения. Эти же районы характеризуются и самым низким общим уровнем социально-экономического развития.

Таким образом, для районов Вологодской области с большей численностью населения характерен более высокий уровень их социально-экономического развития. Кроме того, чем выше уровень развития района, тем более благоприятная (или менее негативная) складывается в нем демографическая ситуация.

Проведенный анализ развития сельских территорий субъектов Северо-Западного федерального округа показал наличие множества проблем в их развитии и несовершенства существующих подходов к управлению процессами в данных территориях.

Региональная политика развития сельских территорий Российской Федерации должна быть направлена на создание условий для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни, что позволит сохранить социальный и экономический потенциал сельских территорий и обеспечить выполнение ими общенациональных функций: производственная, демографическая, трудоресурсная, пространственно-коммуникационная, сохранение историко-культурных основ идентичности народов, поддержание социального контроля и освоенности сельских территорий.

В соответствии с Указом Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ госу-

Таблица 9. Динамика численности населения и уровня развития муниципальных районов Вологодской области за 2000–2016 гг. (типология по периферийности)

Тип территории по периферийности	Район	Значение интегрального показателя уровня развития			Численность постоянного населения на конец года, чел.			Мигр. прирост/убыль населения, чел.
		2000 год	2010 год	2016 год	2000 год	2016 год	2016 год к 2000 году, %	
Ближняя периферия 1 порядка	Вологодский	1,405	1,310	1,368	51108	52539	102,8	260
	Череповецкий	1,354	1,056	0,988	41656	39205	94,1	16
	Итого по данному типу	1,379	1,183	1,178	92764	91744	98,9	276
Ближняя периферия 2 порядка	Грязовецкий	1,150	1,132	1,358	42895	32730	76,3	-173
	Усть-Кубинский	0,813	0,955	0,791	9545	7843	82,2	30
	Шекснинский	1,222	1,595	1,392	35830	33415	93,3	272
	Итого по данному типу	1,061	1,227	1,180	88270	73988	83,8	129
Ближняя периферия 3 порядка	Бабаевский	0,930	0,909	0,866	25607	19831	77,4	-7
	Белозерский	0,878	0,861	1,004	22321	15141	67,8	-98
	Великоустюгский	1,141	1,047	1,108	66609	54616	82,0	-37
	Вытегорский	0,957	0,857	0,828	32589	24581	75,4	-38
	Кирилловский	0,872	0,865	0,949	19114	15077	78,9	69
	Никольский	0,693	0,741	0,743	27135	20115	74,1	-75
	Тотемский	1,036	0,960	1,112	26850	22751	84,7	-89
	Харовский	0,895	0,979	0,951	21288	14456	67,9	-102
Итого по данному типу	0,925	0,902	0,945	241513	186568	77,2	-377	
Средняя периферия 1 порядка	Междуреченский	0,840	0,869	1,217	7887	5533	70,2	-40
	Устюженский	0,857	0,883	0,868	22291	17127	76,8	-57
	Вожегодский	0,818	0,715	0,804	19392	14826	76,5	-20
	Сямженский	0,755	0,725	0,833	10607	8161	76,9	-11
	Итого по данному типу	0,817	0,798	0,931	60177	45647	75,9	-128
Дальняя периферия	Бабушкинский	0,756	0,715	0,730	15545	11812	76,0	-26
	Вашкинский	0,937	0,749	0,782	10330	6927	67,1	-20
	Верховажский	0,766	0,779	0,874	16582	13017	78,5	-45
	Кичм.-Городецкий	0,709	0,649	0,716	22845	16096	70,5	-183
	Нюксенский	0,928	0,784	1,080	11938	8629	72,3	-123
	Тарногский	0,861	0,901	1,041	15622	11491	73,6	-55
	Чагодощенский	1,202	1,446	1,060	16001	12345	77,2	-131
	Итого по данному типу	0,880	0,860	0,897	108863	80317	73,8	-583
	Кадуйский	1,655	1,439	1,217	19224	16961	88,2	59
	Сокольский	1,265	1,329	1,234	59502	49077	82,5	-119
	По районам	0,988	0,971	0,997	670313	544302	81,2	-743
	г. Вологда	–	–	–	305545	320702	105,0	-1029
	г. Череповец	–	–	–	314551	318856	101,4	30
	По области	–	–	–	1290409	1183860	91,7	-1742

Рассчитано по: Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели 2000–2016: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2017. 293 с.
Примечание: в Кадуйском и Сокольском районах Вологодской области преобладает городское население, поэтому при анализе сельских территорий области они не учитывались.

дарственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» одним из принципов такой политики является дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей. Соответствен-

но, важной является, на наш взгляд, необходимость реализации дифференцированного подхода и к развитию различных типов сельских территорий.

Известный исследователь сельских территорий И.В. Стародубровская [6] предлагает рассматривать такие типы территорий как растущие, сжимающиеся и реструктуризирующиеся.

Таблица 10. Динамика численности населения и уровня развития муниципальных районов Вологодской области за 2000–2016 гг. (типология по специализации)

Тип территории по специализации	Район	Значение интегрального показателя уровня развития			Численность постоянного населения на конец года, чел.			Мигр. прирост (+) / убыль (-) населения, чел.
		2000 год	2010 год	2016 год	2000 год	2016 год	2016 год к 2000 году, %	2016 год
Преимущественно аграрная	Вологодский	1,405	1,310	1,368	51108	52539	102,8	260
	Верховажский	0,766	0,779	0,874	16582	13017	78,5	-45
Агропромышленная	Грязовецкий	1,150	1,132	1,358	42895	32730	76,3	-173
	Междуреченский	0,840	0,869	1,217	7887	5533	70,2	-40
	Тарногский	0,861	0,901	1,041	15622	11491	73,6	-55
	Тотемский	1,036	0,960	1,112	26850	22751	84,7	-89
	Усть-Кубинский	0,813	0,955	0,791	9545	7843	82,2	30
	Устюженский	0,857	0,883	0,868	22291	17127	76,8	-57
	Череповецкий	1,354	1,056	0,988	41656	39205	94,1	16
	Шекснинский	1,222	1,595	1,392	35830	33415	93,3	272
	итого по данному типу	0,989	1,015	1,071	219158	183112	83,6	-141
Преимущественно промышленная	Вожегодский	0,818	0,715	0,804	19392	14826	76,5	-20
	Вытегорский	0,957	0,857	0,828	32589	24581	75,4	-38
	Харовский	0,895	0,979	0,951	21288	14456	67,9	-102
	Чагодощенский	1,202	1,446	1,060	16001	12345	77,2	-131
	итого по данному типу	0,968	0,999	0,911	89270	66208	74,2	-291
Сервисная	Бабаевский	0,930	0,909	0,866	25607	19831	77,4	-7
	Белозерский	0,878	0,861	1,004	22321	15141	67,8	-98
	Великоустюгский	1,141	1,047	1,108	66609	54616	82,0	-37
	Кирилловский	0,872	0,865	0,949	19114	15077	78,9	69
	Нюксенский	0,928	0,784	1,080	11938	8629	72,3	-123
	итого по данному типу	0,949	0,893	1,001	145589	113294	77,8	-196
Депрессивная агропромышленная	Бабушкинский	0,756	0,715	0,730	15545	11812	76,0	-26
	Вашкинский	0,937	0,749	0,782	10330	6927	67,1	-20
	Кич-Городецкий	0,709	0,649	0,716	22845	16096	70,5	-183
	Никольский	0,693	0,741	0,743	27135	20115	74,1	-75
	Сямженский	0,755	0,725	0,833	10607	8161	76,9	-11
	итого по данному типу	0,770	0,716	0,761	86462	63111	73,0	-315
	Кадуйский	1,655	1,439	1,217	19224	16961	88,2	59
	Сокольский	1,265	1,329	1,234	59502	49077	82,5	-119
	по районам	0,988	0,971	0,997	670313	544302	81,2	-743
	г. Вологда	–	–	–	305545	320702	105,0	-1029
	г. Череповец	–	–	–	314551	318856	101,4	30
	по области	–	–	–	1290409	1183860	91,7	-1742

1. Растущие территории – территории, в которых развитие ассоциируется с ростом, причем этот рост может проявляться по-разному: увеличение численности населения, рост объемов производства продукции и предоставления услуг, удорожание недвижимости как отражение растущей привлекательности территории и т. п. Подобный рост

может быть связан с активным развитием какого-либо одного предприятия либо отрасли или формироваться в результате существования на территории различных видов деятельности.

2. Сжимающиеся территории – территории, где происходит не рост, а наоборот, свертывание экономической деятельности,

отток активной части населения, сжатие коммунальной и социальной инфраструктуры. Обычно подобные территории принято называть депрессивными, но более правильным для характеристики их основных особенностей будет использование именно термина «сжимающиеся». В дальнейшем они могут трансформироваться с изменением экономических условий, кроме того, могут быть найдены нетрадиционные ресурсы развития и роста. Тогда данная территория может перейти в разряд реструктурирующихся.

3. Реструктурируемые (реструктуризирующиеся) – территории находятся в процессе смены экономической специализации, перехода от одних к другим видам деятельности либо дополнения ранее господствующего вида деятельности другими, в результате чего он теряет свое доминирующее положение. Они могут как перейти в разряд растущих, так и стать сжимающимися либо вернуться к подобному состоянию.

Проведенный анализ характеристик растущих, сжимающихся и реструктурирующихся территорий и параметров развития сельских территорий СЗФО позволил обосновать отнесение той или иной группы территорий по периферийности или специализации к одному из 3 типов (табл. 11).

Таблица 11. Сопоставление различных типологий сельских территорий

Тип территории, предлагаемый И.В. Стародубровской	Тип (группа) сельских территорий субъектов СЗФО по периферийности и экономической специализации
Растущие	Большая часть ближней периферии 1 и 2 порядка Частично ближняя периферия 3 порядка С агропромышленной специализацией С добывающей специализацией
Реструктурирующиеся	Большая часть средней периферии 1 и 2 порядка Частично ближняя периферия 3 порядка Преимущественно с аграрной специализацией С сервисной специализацией
Сжимающиеся	Дальняя периферия Преимущественно с промышленной специализацией Депрессивные агропромышленные
Источник: Стародубровская И.В., Миронова Н.И. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. М.: Ин-т Гайдара, 2010. 116 с.	

На основе проведенного анализа целесообразно обосновать приоритетность и специфику применяемых инструментов региональной политики для разных типов территорий (табл. 12).

На основе проведенного анализа стратегических и программных документов субъектов Северо-Западного федерального округа (до 2020, 2025, 2030 года) показано, что для подавляющего большинства сельских территорий данного макрорегиона приоритетным будет оставаться развитие агропромышленного и лесопромышленного комплексов (глубокая переработка древесины, переработка тонкомерной и низкосортной древесины, производство древесно-топливных гранул, строительство новых деревообрабатывающих комбинатов, разработка планов и освоение лесных участков и заготовка древесины для муниципальных нужд, развитие лесопромышленных кластеров), а также сферы туризма (экотуризм, агротуризм, формирование туристско-рекреационных кластеров, развитие проекта «Серебряное ожерелье», строительство центров отдыха и развлечений под известными брендами) и инфраструктуры (дальнейшая газификация населенных пунктов, модернизация объектов водоснабжения, водоотведения и др.).

Приоритетное значение в развитии комплекса имеет молочно-мясное животноводство, свиноводство и птицеводство, овощеводство, производство кормов, звероводство и льноводство. Основой развития станут крупные и средние сельскохозяйственные предприятия, работающие по новым технологиям, в том числе в кооперации с крупными промышленными фирмами. Необходимо усилить государственную поддержку сельскохозяйственных предприятий разных форм собственности (с доведением ее до уровня, который имеет место в странах со сходными природно-климатическими условиями), обеспечить развитие механизмов государственной поддержки. Важным направлением является развитие на новой основе инфраструктуры, обслуживающей сельскохозяйственные предприятия.

Таблица 12. Приоритетные задачи и инструменты регулирования различных типов территорий

Тип территории	Приоритетные задачи и инструменты регулирования
Растущие	<p>Задача: обеспечение стимулов у местных властей к поддержке экономического развития: необходимо, чтобы часть генерируемых этим развитием доходов поступала в местный бюджет.</p> <p>Направления (инструменты):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) выведение данных территорий на бездотационность, т. е. создание возможности для финансирования текущих и значительной части капитальных расходов за счет налоговых и неналоговых доходов; 2) обеспечение доступности источников финансирования для осуществления значимых для территории инфраструктурных проектов: выделение субсидий в рамках региональных целевых программ; 3) использование организационных инструментов стимулирования развития, создание координирующих органов, обеспечивающих согласование политики по ключевым для обеспечения развития вопросам, в подобный орган должны входить главы муниципальных образований всех территорий и представители региональных органов власти, функции представительства региональной власти можно свести к следующим: обеспечение учета мнений представителей всех местных сообществ, защита прав малых муниципалитетов; согласование региональных и муниципальных интересов по отношению к соответствующей территории; нахождение консенсуса по вопросу об основных приоритетах развития территории и о направлениях финансовой поддержки из регионального бюджета
Сжимающиеся	<p>Задача: сохранение шанса для сжимающейся территории перейти в категорию реструктурирующихся, если будут найдены экономические возможности и движущие силы для подобной трансформации.</p> <p>Направления (инструменты):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) в отличие от растущих территорий, где обеспечение бездотационности муниципальных образований позволяет создать необходимые стимулы для поддержки экономического роста, применительно к сжимающимся территориям степень централизации принятия решений о направлении расходов, как представляется, должна быть гораздо выше, это определяется рядом причин: направления расходов гораздо более жестко детерминированы необходимостью удовлетворения наиболее первоочередных потребностей проживающего на территории населения; качество муниципального управления при прочих равных условиях ниже; стимулы к раздуванию бюджетной занятости и соответственно бюджетных расходов при отсутствии альтернативных рабочих мест существенно выше; 2) первоочередные для подобных территорий направления текущих расходов – содержание дорог, медицинских учреждений и ряд других – необходимо поддерживать субсидиями из регионального бюджета при незначительных объемах муниципального софинансирования; 3) поддержка, в том числе финансовая, инициатив местного населения по обустройству коммунального быта и развитию культуры, что позволяет снизить издержки деградации человеческого капитала, характерные для подобных территорий. Эффективным инструментом здесь может быть территориальное общественное самоуправление; 4) обеспечение доступности услуг здравоохранения и услуг транспорта; 5) в отношении образовательных услуг политика должна быть дифференцированной, если есть возможность подвоза детей в базовые школы, расположенные в других населенных пунктах, необходимо создавать наиболее благоприятные условия для реализации подобной возможности
Реструктуризирующиеся	<p>Задача: реструктуризация экономической деятельности на территориях, формированию которых могут содействовать региональные власти.</p> <p>Направления (инструменты):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) доступ к бюджетному финансированию для реализации перспективных проектов; 2) организационная поддержка в маркетинге территории, взаимодействие с инвесторами, в других аспектах муниципального и проектного управления, для реализации которых у местных «игроков» может не оказаться необходимых компетенций; 3) поддержка при прохождении «нижней точки», когда риски реструктуризации наиболее высоки; 4) наиболее адекватным инструментом распределения бюджетного финансирования являются конкурсные процедуры с четко определенными правилами и условиями; 5) оценка реалистичности перспектив реструктуризации, в качестве важнейших критериев здесь должно оцениваться наличие реальных инвесторов, готовых финансировать проекты на территории из внебюджетных источников, а также консенсуса местных властей и местного сообщества в определении перспективных направлений развития территории, важным является также наличие общественных объединений, некоммерческих организаций, готовых взять на себя ряд функций по обеспечению развития территории (например, связанных с маркетингом или подготовкой конкретных проектов)
<p>Составлено по: Стародубровская И.В., Миронова Н.И. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. М.: Ин-т Гайдара, 2010. 116 с.</p>	

Для муниципалитетов Архангельской, Мурманской, Калининградской, Новгородской областей, Республики Коми и Ненецкого автономного округа важное значение будет иметь реализация проектов в сфере добычи полезных ископаемых и их переработки; Республики Карелии и Ненецкого автономного округа – в сфере энергетики (соответственно, строительство малых ГЭС и использование местных видов топлива); Республики Карелии и Ленинградской области – промышленности строительных материалов. В муниципалитетах Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской и Псковской областей планируется строительство транспортно-логистических, распределительных центров. В поселениях Новгородской и Псковской областей планируется формирование агрогородков (благоустроенный населенный пункт, в котором будут созданы производственная и социальная инфраструктура для обеспечения социальных стандартов проживающему в нем населению и жителям прилегающих территорий). Агрогородки предлагается создавать на основе существующих административно-территориальных единиц базового уровня (поселков, деревень и т. д.).

Приоритетными направлениями повышения эффективности местного самоуправления могут стать повсеместное развитие территориального общественного самоуправления (в нас-

тоящее время данный институт активно развивается в Архангельской и Вологодской областях, Республике Коми), проект инициативного бюджетирования «Народный бюджет» (Вологодская область, Республика Коми), организация деятельности сельских старост (Ленинградская, Вологодская области). Для этого целесообразно в каждом субъекте РФ принять специальные государственные программы по развитию местного самоуправления, предусматривающие финансирование проектов ТОС с оказанием им организационной и методической поддержки, проектов, инициированных с участием сельских старост, а также других мероприятий.

Предложенный в данной статье подход к типологии сельских территорий отчасти носит полемический характер, открывая возможности для дальнейших дискуссий по рассматриваемой проблематике. Таким образом, вклад исследования, результаты которого представлены в данной статье, в развитие теоретической науки заключается в выявлении внутрирегиональных и внутрирайонных особенностей развития сельских территорий на основе разработанной типологии и методики оценки уровня социально-экономического развития поселений, а вклад в развитие прикладной науки – в обосновании конкретных рекомендаций по совершенствованию управления развитием сельских территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сельскохозяйственная потребительская кооперация как основа развития сельских территорий и гражданского общества: монография / под общ. ред. И.В. Палаткина, А.А. Кудрявцева. Пенза: ПДЗ, 2012. 150 с.
2. Морозова Т.В. Сельские сообщества России в региональном измерении. М.: Московский общественный научный фонд, 2008. 238 с.
3. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
4. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010. 390 с.
5. Вовлечение населения в развитие сельских территорий / О.И. Пантелеева [и др.]; под. ред. О.И. Пантелеевой. М., 2012. 116 с.
6. Стародубровская И.В., Миронова Н.И. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. М.: Ин-т Гайдара, 2010. 116 с.
7. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.

8. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
9. Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 136 с.
10. Лейзерович Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84–125.
11. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 14–28.
12. *Leitfaden für lokale Akteure zur CLLD. Europäische Struktur- und Investitionsfonds Leitfaden für Mitgliedstaaten und Programmbehörden Leitfaden für Begünstigte.* Europäische Union, Mai 2014. 122 s. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/informat/2014/guidance_clld_local_actors_de.pdf
13. *Cork 2.0 Declaration. A Better Life in Rural Areas.* European Union, 2016. 12 p. DOI:10.2762/370418. Available at: https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/cork-declaration_en.pdf
14. Vujicic M., Ristic L. European integration and Rural development policy of the Republic of Serbia and West Balkan countries. *Bulgarian Journal of Agricultural Science*, 2012, no. 4 (18), pp. 519–530.
15. *Leader Local Development Strategies (LDS). Guidance on design and implementation.* European Union, June 2016. 31 p. Available at: https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/enrd-guidance_lds.pdf
16. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. Инвестиционный центр ФАО, 2010. 272 с. Available at: <http://www.fao.org/docrep/013/i2001r/i2001r.pdf>
17. Nardi A. *Rural development in Latin America. A critical territorial approach. Paper presented at NGM (Nordic geographers Meeting).* Bergen, Norway, 2007. 21 p. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Maria_Nardi4/publication/323369714_Rural_development_in_Latin_America_A_critical_territorial_approach/links/5a90879545851535bcd5a05a/Rural-development-in-Latin-America-A-critical-territorial-approach.pdf
18. Ворошилов Н.В. Типология сельских территорий Севера (на примере Северо-Западного федерального округа) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 2 (49). С. 12–20.
19. База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm
20. Ворошилов Н.В. Возможности и перспективы саморазвития муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2017. № 4. С. 79–95.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ворошилов Николай Владимирович – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: niks789@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Voroshilov N.V.

CLASSIFICATION, PROBLEMS AND PROSPECTS FOR RURAL TERRITORY DEVELOPMENT

Most of the Russian territory is rural (territories beyond urban settlements), where 26% of the population dwell. Despite the fact that these territories perform important national functions (food security, preservation of spatial connectivity, historical and cultural heritage, maintaining environmental balance, creating conditions for restoring health and recreation, etc.) their development has cause a lot

of systemic problems to accumulate (significant population decline, poor development and destruction of production and infrastructure, etc.). Moreover, there is no comprehensive and systematic state policy of rural territories development. Rural territories differ significantly in natural, geographical, demographic, and economic parameters. And not in all of them the main activity is agriculture. In this regard, it is important to analyze the features and problems of rural development (on the example of constituent entities of the Northwestern federal district), as well as to determine the directions of their development in the long term, which is the purpose of the present paper. In the course of the research we propose the classification of rural territories (municipal units with predominant rural population) of the Northwestern federal district subjects according to criteria of periphery and economic profile. We identify the main intra-regional and intra-district features of their development and propose specific directions and development tools for each type, which makes up the scientific novelty of the work. To achieve this goal, we apply scientific methods such as economic, statistical, and comparative analysis, methods of generalization and expert survey, monographic method. It is demonstrated that the most developed are municipal units with agro-industrial profile (their share in constituent entities of the Northwestern federal district – 18%); rather high parameters are also characteristic of mining territories (9%); the least developed are territories of depressive agro-industrial type (26%). The research results can be applied in activities of the federal and regional authorities and serve as a framework for further research into this subject concerning the improvement of the mechanism of rural development management.

Rural territories, municipal units, socio-economic development, classification, Northwestern federal district, Vologda Oblast.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voroshilov Nikolai Vladimirovich – Junior Research Associate at the Department of the Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: niks789@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

МЕЛЬНИКОВ АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ae.melnikov@mail.ru

Старопромышленные регионы являются территориями, раньше других вступившими в стадию промышленного развития и бывшими некогда драйверами экономического роста в национальном масштабе. Однако за время, прошедшее с момента начала промышленной революции, их вклад в экономику страны значительно снизился, сложившаяся за десятилетия структура промышленного производства устарела и перестала отвечать актуальным задачам общественного развития, на первый план вышла проблема преобладания производств низких технологических укладов. В настоящее время для многих старопромышленных регионов характерен ряд острых социально-экономических проблем, решение которых позволит открыть второе дыхание для важнейших индустриальных центров России. Цель работы заключается в проведении анализа состояния экономики старопромышленных регионов и выявлении ключевых трендов их развития. Объектом рассмотрения выступили старопромышленные субъекты Российской Федерации, предметом – социально-экономические процессы в них. Методическая основа исследования базируется на принципах экономического, статистического и сравнительного анализа, методах обобщения. Информационная составляющая работы представлена трудами отечественных и зарубежных ученых в области региональной экономики, а также статистическими данными Федеральной службы государственной статистики. Статья апеллирует к научным выводам ученых, изучающих вопросы становления, развития и функционирования старопромышленных регионов, в их числе – Г.Б. Коровин, Е.В. Лукин, И.В. Макарова, К.В. Павлов, Н.Ю. Сорокина.

Цитата: Мельников А.Е. Тенденции развития экономики старопромышленных регионов России // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 59–71. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.4

Citation: Mel'nikov A.E. Development trends in the economy of old-industrial Russian regions. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 59–71. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.4

Результаты исследования отражают состояние старопромышленных регионов с позиции развития экономики в целом без привязки к проблемам ключевого для них промышленного сектора и различным аспектам обеспечения технологического прогресса.

Старопромышленные регионы, региональная экономика, регион, экономическое развитие, промышленность, инвестиции, инновации, кадровое обеспечение.

Старопромышленные регионы (СПР) имеют большое значение для российской экономики. Они формируют 33% суммарного ВРП регионов России, производят 43% всей отечественной промышленной продукции, привлекают 39% от общего объема инвестиций в основной капитал. На них приходится 29% среднегодовой численности занятых в экономике страны и 36% – в промышленном секторе. Положение СПР в большой степени зависит от состояния промышленности, о чем свидетельствует ряд научных работ, которые отражают влияние и современный вклад данного сектора в обеспечение экономического роста [1–5].

В числе критериев, позволяющих классифицировать территории как старопромышленные, можно выделить раннее начало промышленного освоения, большую роль промышленности в составе народного хозяйства¹, высокий удельный вес низкоукладных видов деятельности. Отраслевое ядро экономики таких регионов находится на индустриальном или постиндустриальном этапе развития [5; 6; 7], а структура промышленного сектора закончила формироваться к середине XX века и в последующие годы почти не претерпевала существенных изменений². В настоящее время в ней сохраняется большая доля 3-го технологического уклада, незначительное развитие получили производства 4-го и 5-го укладов [8].

Говоря о высокой роли промышленности в экономике старопромышленных регионов необходимо указать, что на данный сектор в среднем приходится 43% ВРП, 85% выпускае-

мой в сфере материального производства продукции и 40% стоимости основных производственных фондов. Такие характеристики присущи для 24 субъектов России, расположенных в Центральной России (Белгородская, Ивановская, Липецкая и Тульская области), на Северо-Западе (республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Мурманская и Новгородская области), в Приволжье (республики Башкортостан и Удмуртия, Пермский край, Нижегородская область), на Урале (Свердловская, Тюменская и Челябинская области), в Сибири (Республика Хакасия, Красноярский край, Кемеровская, Омская и Томская области) и на Дальнем Востоке (Магаданская и Сахалинская области) [2].

Внимание к данной группе территорий со стороны научного сообщества обусловлено наличием системных проблем, которые в перспективе могут найти отражение в замедлении роста российской экономики. Так, в работе В.В. Акбердиной и Г.Б. Коровина отражена актуальность задачи активизации развития СПР с позиции преодоления процессов деиндустриализации. Отмечено, что сейчас эти регионы имеют недостаточно диверсифицированную структуру экономики, наблюдается снижение доли промышленности в ВРП [1].

Такая ситуация подчеркивает необходимость структурной перестройки. В частности, К.В. Павлов делает вывод, что актуальность модернизации экономики СПР значительно выше, чем менее освоенных регионов, а ее осуществление должно определяться спецификой ресурсного потенциала этих терри-

¹ Доля промышленного производства в структуре ВРП старопромышленных регионов варьируется от 22,6% (Ивановская область) до 60,6% (Тюменская область). Для 17 из 24 изучаемых территорий данный показатель превышает 40%.

² Следует отметить тот факт, что за постперестроечные годы, как и в целом в России, в структуре промышленного производства снизилась доля обрабатывающих производств. Устойчивыми и динамично развивающимися остались отрасли сырьевой направленности, в то время как высокоточное производство в большинстве своем утратило конкурентные преимущества перед импортными аналогами и перестало быть мощным драйвером экономического развития.

торий, их географическим расположением и рядом других факторов [3]. При этом, как следует из работ И.В. Макаровой, Г.Б. Коровина, Н.Ю. Сорокиной, развитие большинства СПР в условиях перехода к новому типу экономического роста по-прежнему должно опираться на промышленность, выступающую в качестве основы устойчивого социально-экономического положения [4; 5].

Несмотря на устаревающую структуру производства и относительно невысокую долю высокотехнологичных производств, старопромышленные регионы остаются важнейшей частью российской промышленности. Однако, как показывает ряд работ, в настоящее время для этих территорий характерен комплекс проблем социально-экономического плана. В частности, исследователи указывают на структуру региональной экономики, не соответствующую актуальным целям экономического развития, увеличивающую зависимость от ценовой конъюнктуры на внешнем рынке, приводящую к консервации технико-технологического уровня производства [9]. Отмечается угроза спада темпов производства, уменьшения налоговых поступлений, снижения доходов населения, сокращения потребительского спроса и розничной торговли, роста безработицы [10]. Общими проблемами для старопромышленных регионов являются дефицит квалифицированных кадров, высокий износ производственных фондов, медленные темпы их обновления [11].

Таким образом, цель исследования заключается в проведении анализа состояния экономики старопромышленных регионов и выявлении ключевых трендов их развития. Прежде всего, целесообразность данного мероприятия обусловлена необходимостью раскрытия современных закономерностей протекания процессов социально-экономического развития изучаемых территорий. Однако здесь имеет место и попытка рассмотрения объекта исследования с позиции развития экономики в целом, т. е. без привязки к проблемам промышленного сектора и аспектам обеспечения технологического развития.

Одним из ключевых показателей, наглядно демонстрирующих состояние экономики, соответствие целей и методов управления задачам общественного развития, является валовой региональный продукт, в динамике которого находит отражение весь спектр происходящих в территориальном субъекте событий. В случае со старопромышленными регионами имеет место преобладание в структуре промышленности низкоукладных отраслей, которые априори в современных условиях не могут выступать драйверами экономического развития. Вследствие этого, имея, в принципе, высокий индустриальный потенциал, СПР демонстрируют темпы роста экономики, отстающие от среднероссийского уровня на 2,1 п. п. (табл. 1).

Относительно 2007 года³ наиболее низкая динамика наблюдается в старопромышленных регионах Северо-Западного федерального округа, где к 2016 году прирост составил лишь 4,4%. Столь незначительный результат обусловлен замедлением темпов роста экономики Вологодской и Мурманской областей, Республики Карелия на отрезке 2012–2016 годов, что является отражением происходящих структурных изменений и влияния экономических санкций на деятельность хозяйствующих субъектов в данных регионах страны. Необходимо отметить и выраженную рецессию в Ивановской и Кемеровской областях, спад в экономике которых носит скорее системный дезорганизующий характер и вызван преимущественно внутренними причинами.

Впрочем, следует оговориться, что деструктивные явления в обозначенных выше регионах практически не связаны с процессами в промышленном секторе. Так, по сравнению с 2007 годом в 2016 году прирост в Кемеровской области составил 13,7%, в Вологодской – 12,3%, в Мурманской – 9,2%, в Ивановской – 3,9%. Исключением является лишь Республика Карелия, где произошел глубокий спад в обрабатывающей промышленности (на 35,9% по сравнению с уровнем 2007 года), который не мог не отраз-

³ Базовым периодом для сопоставления с текущими показателями выбран 2007 год как последний год докризисного развития экономики регионов России.

Таблица 1. Валовой региональный продукт, млрд руб. (в ценах 2016 года)

Территория	2007 год	2010 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2007 году, %
СПР Центрального ФО	1427,5	1544,3	1799,1	1853,1	1898,2	133,0
Белгородская область	442,0	553,2	686,0	706,5	730,6	165,3
Тульская область	381,4	395,1	471,0	497,3	517,7	135,8
Липецкая область	392,3	395,2	458,3	462,8	470,2	119,9
Ивановская область	211,8	200,8	184,0	186,3	179,6	84,8
СПР Северо-Западного ФО	2508,8	2438,5	2575,1	2604,2	2620,2	104,4
Новгородская область	178,5	195,4	235,5	240,7	244,5	137,0
Архангельская область	593,2	611,1	644,8	666,0	683,4	115,2
Республика Коми	543,3	567,2	564,8	555,2	546,9	100,7
Вологодская область	487,7	434,2	479,5	485,7	486,2	99,7
Мурманская область	451,4	408,4	418,3	423,3	425,8	94,3
Республика Карелия	254,6	222,1	232,3	233,2	233,4	91,7
СПР Приволжского ФО	3517,9	3646,2	4215,5	4145,1	4158,0	118,2
Республика Башкортостан	1027,3	1152,3	1360,8	1337,7	1344,4	130,9
Удмуртская Республика	468,9	473,9	532,2	531,1	540,1	115,2
Пермский край	967,8	998,8	1133,0	1128,5	1091,3	112,8
Нижегородская область	1054,0	1021,3	1189,5	1147,8	1182,3	112,2
СПР Уральского ФО	8456,2	8584,5	9242,8	9134,8	9160,8	108,3
Свердловская область	1659,7	1675,3	1995,0	1941,2	1978,1	119,2
Тюменская область	5538,9	5747,0	5940,1	5892,6	5922,1	106,9
Челябинская область	1257,5	1162,2	1307,6	1301,0	1260,7	100,3
СПР Сибирского ФО	3480,5	3622,9	3992,8	3924,3	3921,3	112,7
Красноярский край	1405,7	1532,3	1781,0	1741,8	1767,9	125,8
Республика Хакасия	148,7	155,4	182,5	179,7	182,4	122,7
Томская область	424,4	439,1	480,7	482,6	487,0	114,7
Омская область	546,7	565,8	655,1	635,4	625,9	114,5
Кемеровская область	954,9	930,2	893,6	884,6	858,1	89,9
СПР Дальневосточного ФО	739,8	841,5	886,2	916,8	914,8	123,7
Магаданская область	117,6	128,4	145,8	149,0	146,9	124,9
Сахалинская область	622,1	713,1	740,4	767,8	767,8	123,4
Старопромышленные регионы	20130,6	20677,9	22711,5	22578,2	22673,4	112,6
РФ (справочно)	60375,9	61679,7	69119,2	68704,5	69254,1	114,7

Рассчитано автором по: данные Федеральной службы государственной статистики.

иться на темпах роста экономики региона и привел к снижению совокупного объема промышленного производства на 14,6% (табл. 2).

Особое внимание обращают на себя старопромышленные регионы Уральского федерального округа, где суммарный объем выпускаемой промышленной продукции за 2007–2016 годы увеличился только на 0,1%. Такой скромный прирост во многом объясняется низкими показателями деятельности добывающих предприятий Тюменской области (относительно 2007 года спад составил 9,2%), а также снижением на обрабатывающих и энергетических предприятиях Челябинской области (за аналогичный период на 10,3 и 5,2% соответственно; рис.).

Обобщая данные по персоналиям, можно заключить, что в настоящее время лидерами промышленного роста среди старопромышленных регионов являются территории Центральной России (в 2016 году прирост относительно 2007 года составил 50,8%), Дальнего Востока (46,6%) и Сибири (33,8%).

Динамика производства в СПР на северо-западе страны (111,3%) отстает от среднего значения по исследуемой выборке на 4 п. п. Большой отрыв (15,2 п. п.) наблюдается в случае с уральскими СПР, однако в них по-прежнему производится порядка 40% совокупного объема промышленной продукции в СПР, поэтому преждевременно говорить о наличии негативных мотивов в их развитии.

Таблица 2. Промышленное производство, млрд руб. (в ценах 2016 года)

Территория	2007 год	2010 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2007 году, %
СПР Центрального ФО	1395,8	1472,1	1874,3	1961,4	2105,3	150,8
Тульская область	326,2	330,5	496,4	555,5	626,6	192,1
Белгородская область	403,2	535,7	643,5	678,9	721,0	178,8
Липецкая область	521,1	472,7	582,1	586,8	606,8	116,4
Ивановская область	145,3	133,2	152,2	140,2	151,0	103,9
СПР Северо-Западного ФО	2009,5	2070,0	2123,1	2193,3	2236,7	111,3
Новгородская область	141,7	147,6	203,3	208,8	216,7	153,0
Вологодская область	497,7	479,9	545,7	559,9	558,8	112,3
Архангельская область	412,0	526,2	407,7	430,9	462,4	112,2
Мурманская область	298,8	281,5	286,5	306,0	326,2	109,2
Республика Коми	463,0	472,1	517,8	526,1	505,1	109,1
Республика Карелия	196,3	162,7	162,1	161,6	167,6	85,4
СПР Приволжского ФО	3503,9	3394,2	4143,8	4195,4	4315,3	123,2
Республика Башкортостан	869,8	1012,9	1249,4	1265,7	1302,4	149,7
Удмуртская Республика	419,9	426,6	486,7	499,3	533,3	127,0
Пермский край	1017,7	971,4	1248,7	1242,5	1227,5	120,6
Нижегородская область	1196,5	983,3	1159,0	1188,0	1252,1	104,6
СПР Уральского ФО	9322,0	8709,6	9202,5	9116,6	9333,6	100,1
Свердловская область	1625,9	1475,5	1800,9	1745,0	1879,4	115,6
Тюменская область	6151,1	5911,1	5898,9	5898,9	6034,6	98,1
Челябинская область	1545,1	1322,9	1502,7	1472,6	1419,6	91,9
СПР Сибирского ФО	3008,1	3345,4	3969,1	4000,1	4024,7	133,8
Красноярский край	845,4	1173,7	1539,1	1523,7	1508,4	178,4
Республика Хакасия	126,1	129,3	158,6	155,4	170,2	135,0
Томская область	273,5	281,9	317,2	342,6	350,1	128,0
Кемеровская область	1081,1	1073,9	1168,0	1189,0	1229,4	113,7
Омская область	682,0	686,5	786,3	789,4	766,5	112,4
СПР Дальневосточного ФО	535,8	619,6	666,2	744,3	785,6	146,6
Магаданская область	76,9	86,4	115,5	124,2	125,2	162,7
Сахалинская область	458,9	533,3	550,8	620,1	660,5	143,9
Старопромышленные регионы	19775,1	19610,9	21979,0	22211,1	22801,3	115,3
РФ (справочно)	51004,0	49164,7	54502,7	52649,6	53228,8	104,4

Рассчитано автором по: данные Федеральной службы государственной статистики.

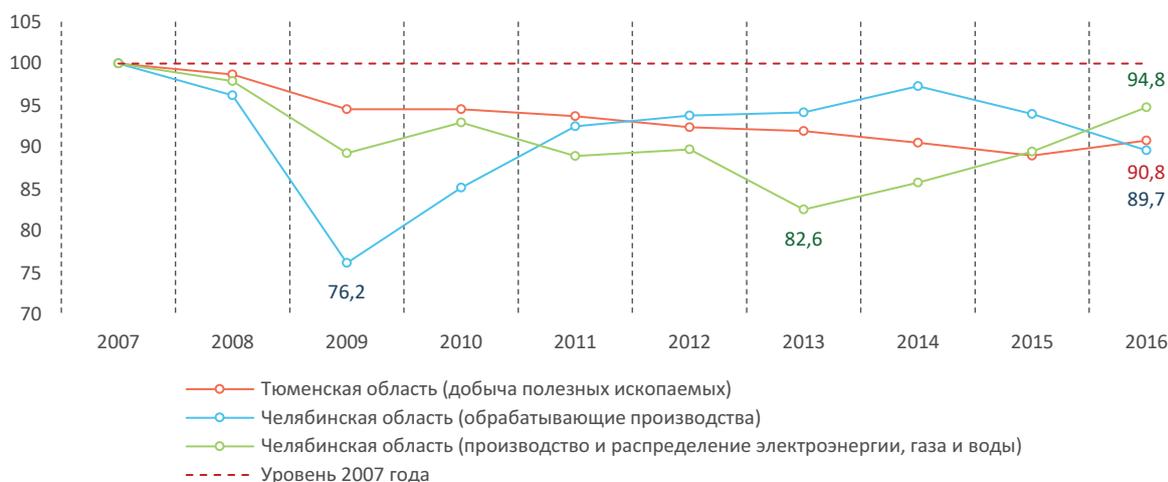

Рис. Промышленное производство в Тюменской и Челябинской областях, %

Рассчитано автором по: данные Федеральной службы государственной статистики.

Необходимыми условиями развития экономики являются стимулирование инноваций, проведение эффективной промышленной политики, улучшение инвестиционного климата [12; 13; 14; 15]. Однако анализ динамики привлечения инвестиций в основной капитал предприятий старопромышленных регионов показывает, что за период с 2007 по 2016 год совокупный объем капиталовложений увеличился лишь на 14,4%, среднегодовой темп прироста составил 1,5%. В разбивке по группам видно, что снижение объема инвестиций произошло в СПР Дальнего Востока (на 7,1% по сравнению с 2007 годом), Приволжья (на 2,7%) и Северо-Запада (на 1,7%). Детализация инвестиционных результатов показывает, что спад имеет место в половине анализируемых регионов, а это, в свою очередь, является достаточно тревожным сигналом, свидетельствующим об отсутствии адекватных объектов инвестирования, свободных денежных средств и наличии высоких рисков.

Можно отметить, что в последние годы в России рост инвестиций в основной капитал происходит, так сказать, вопреки: «когда в течение одного года рубль колеблется к доллару в пределах 25%, а реальные ставки по кредитам остаются на уровне минимум 7–8%, инвестировать слишком рискованно» [16, с. 25]. Устойчивый приток капиталовложений аккумулируют в основном регионы с развитыми и/или развивающимися сырьевыми, а также высокотехнологичными обрабатывающими производствами (табл. 3).

Помимо сдерживания экономического роста, недостаток инвестиций препятствует модернизации и обновлению производственных мощностей предприятий, а также создает объективные преграды на пути развития НИОКР. Для старопромышленных регионов это действительно актуальная проблема, инновационная активность организаций находится на достаточно низком уровне – лишь в трети СПР этот показатель превышает среднероссийский уровень (табл. 4).

Рассмотрение инновационной активности предприятий в динамике позволяет уви-

деть, что финансовый кризис и последующие геоэкономические изменения способствовали сокращению научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности почти во всех старопромышленных регионах. В основном произошел спад на 1–5 п. п., однако в Пермском крае снижение составило 15,3 п. п., в Республике Хакасия – 7,5 п. п., в Челябинской области – 7,1 п. п. Таким образом, в настоящее время наиболее инновационно активные старопромышленные регионы сконцентрированы в Центральной России (за исключением Ивановской области), Приволжье и на Урале. Наименьшая доля предприятий, осуществляющих инновации, находится на северо-западе страны, что в последующие годы может осложнить переход к цифровой экономике на этих территориях и, как результат, препятствовать обеспечению высоких темпов экономического роста⁴.

Другой актуальной проблемой социально-экономического развития старопромышленных регионов, которая также может сказаться на перспективах перехода к цифровой экономике, замедлить темпы развития высокотехнологичных производств, создать кадровый дефицит на предприятиях, является устойчивый тренд на сокращение численности занятых работников.

В настоящее время в экономике старопромышленных регионов трудоустроено 20,9 млн человек, однако макроэкономическая ситуация в России достаточно сильно влияет на состояние рынка труда. В результате экономического спада в 2008–2009 годах и неблагоприятной геоэкономической обстановки среднегодовая численность занятых в 2016 году снизилась на 2,8% относительно 2007 года, в то время как в целом по России показатель вырос на 5,9%. Наибольшее сокращение количества привлеченных работников наблюдается в СПР СЗФО (на 12%), среди которых наихудшая ситуация – в Республике Карелии, где зафиксирован спад на 19,8%. Следует заметить, что это худший результат

⁴ Шувалов: высокие темпы экономического роста невозможны без развития цифровой экономики // ТАСС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4975016>

Таблица 3. Инвестиции в основной капитал, млрд руб. (в ценах 2016 года)

Территория	2007 год	2010 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2007 году, %
СПР Центрального ФО	367,9	441,9	411,8	419,8	407,5	110,8
Тульская область	69,7	106,8	112,3	112,4	112,6	161,5
Липецкая область	113,9	147,3	123,1	123,6	127,9	112,3
Белгородская область	149,1	141,2	137,8	157,5	143,8	96,4
Ивановская область	35,1	46,7	38,7	26,3	23,3	66,3
СПР Северо-Западного ФО	694,7	607,4	751,9	677,9	682,8	98,3
Республика Коми	122,3	173,5	238,2	177,7	200,3	163,7
Мурманская область	53,6	57,7	108,9	110,9	85,5	159,6
Новгородская область	56,5	67,8	77,3	76,7	78,7	139,5
Республика Карелия	34,2	33,5	38,9	35,7	34,7	101,5
Вологодская область	160,4	114,3	100,7	93,9	114,2	71,2
Архангельская область	267,8	160,5	187,9	183,0	169,4	63,3
СПР Приволжского ФО	938,7	858,1	1043,0	931,8	913,6	97,3
Республика Башкортостан	336,7	265,9	344,7	346,5	355,1	105,5
Удмуртская Республика	86,4	73,3	104,6	84,3	87,1	100,9
Пермский край	238,2	204,9	252,3	245,0	239,4	100,5
Нижегородская область	277,4	314,0	341,3	256,0	232,0	83,6
СПР Уральского ФО	1979,2	2153,3	2762,9	2482,0	2658,8	134,3
Тюменская область	1362,8	1519,2	2043,5	1873,9	2132,1	156,4
Свердловская область	349,1	394,4	445,8	379,4	328,4	94,1
Челябинская область	267,3	239,7	273,6	228,8	198,3	74,2
СПР Сибирского ФО	751,2	867,9	998,1	841,9	816,7	108,7
Красноярский край	192,9	358,2	430,6	415,1	425,9	220,8
Кемеровская область	220,7	240,8	278,1	181,0	165,7	75,1
Омская область	135,1	109,0	115,9	102,1	93,5	69,2
Томская область	154,7	124,2	125,8	109,8	104,4	67,5
Республика Хакасия	47,9	35,7	47,8	33,8	27,2	56,9
СПР Дальневосточного ФО	306,1	251,4	367,3	369,0	281,8	92,1
Магаданская область	24,8	28,4	47,8	63,6	41,8	168,7
Сахалинская область	281,4	222,9	319,5	305,5	240,0	85,3
Старопромышленные регионы	5037,8	5179,9	6335,1	5722,4	5761,2	114,4
РФ (справочно)	13891,2	13986,3	16432,4	14772,7	14748,8	106,2

Рассчитано автором по: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 4. Инновационная активность организаций, %

Территория	2007 год	2010 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2007 году, п. п.
СПР Центрального ФО						
Липецкая область	10,3	8,9	18,6	20,0	19,2	8,9
Белгородская область	16,0	10,9	11,5	12,7	14,1	-1,9
Тульская область	12,1	10,5	13,4	12,9	10,9	-1,2
Ивановская область	3,5	5,8	6,3	4,4	3,2	-0,3
СПР Северо-Западного ФО						
Новгородская область	8,9	8,7	7,7	8,9	7,3	-1,6
Мурманская область	8,0	9,7	10,2	9,4	7,2	-0,8
Республика Карелия	5,8	6,6	7,7	7,2	6,4	0,6
Вологодская область	8,3	7,4	5,6	5,5	6,0	-2,3
Архангельская область	9,9	9,0	5,0	5,8	4,9	-5,0
Республика Коми	8,1	7,5	8,9	5,2	4,5	-3,6
СПР Приволжского ФО						
Нижегородская область	13,5	17,7	14,3	13,5	12,8	-0,7
Пермский край	23,2	21,3	11,1	10,5	7,9	-15,3
Удмуртская Республика	12,9	11,6	10,5	10,2	7,6	-5,3
Республика Башкортостан	11,7	11,1	10,4	9,1	7,3	-4,4

СПР Уральского ФО						
Свердловская область	14,3	15,0	11,0	8,5	9,4	-4,9
Тюменская область	6,6	9,8	8,4	8,0	9,2	2,6
Челябинская область	14,1	9,9	8,5	9,2	7,0	-7,1
СПР Сибирского ФО						
Томская область	16,9	18,4	13,7	12,8	12,2	-4,7
Омская область	6,3	7,3	8,2	6,4	7,6	1,3
Красноярский край	12,3	10,0	9,3	8,8	7,1	-5,2
Кемеровская область	6,7	5,9	7,0	3,9	3,2	-3,5
Республика Хакасия	9,6	5,4	8,1	3,0	2,1	-7,5
СПР Дальневосточного ФО						
Магаданская область	11,4	34,3	15,1	14,3	12,2	0,8
Сахалинская область	4,4	3,1	4,1	2,6	3,3	-1,1
РФ (справочно)	10,0	9,5	9,9	9,3	8,4	-1,6

Составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики.

в исследуемой выборке, и он во многом обусловлен проблемами с трудоустройством и вытекающим из этого миграционным оттоком, а также старением населения [17].

Положительные изменения произошли в Белгородской и Липецкой областях (прирост в 2016 году относительно 2007 года составил 11,5 и 3,3% соответственно), а также во всех старопромышленных регионах Уральского федерального округа. При этом в Тюменской области до 2016 года наблюдался устойчивый тренд на рост числа занятых в экономике: увеличение за анализируемый период составило 16,5%, что является следствием благоприятной демографической ситуации (табл. 5).

Сокращение численности занятых в промышленности, т. е. в крайне важном для старопромышленных регионов секторе экономики, носит еще более острый характер. В процентном выражении спад в целом по исследуемой выборке составил 10,6%, в то время как в среднем по России – 6,7%. Региональный срез показывает достаточно тревожные цифры, особенно это утверждение касается СПР Приволжского (убыль составила 16,3%), Северо-Западного (16,1%) и Сибирского (13,4%) федеральных округов (табл. 6).

К причинам таких тенденций, помимо сложных условий функционирования и перехода к ведению деятельности на принципах теневой экономики, можно назвать широкое распространение современных технологий управления предприятием, модернизацию фондов, автоматизацию производственных процессов,

реализацию мероприятий, направленных на рост производительности труда. Каждое из этих веяний нового времени способствует снижению потребности предприятий в трудовых ресурсах и вместе с тем повышает востребованность высококвалифицированных работников, специалистов по автоматизации, ИТ и связи. Сейчас спрос на них не столь высок, однако, ориентируясь на прогнозируемое количество выпускников вузов в этих сферах до 2020 года, можно предположить значительное увеличение потребности [18].

В половине старопромышленных регионов высвобождение занятых в экономике способствовало росту уровня безработицы. Положительные изменения наблюдаются только в Приволжском и Сибирском федеральных округах – снижение безработицы составило 0,8 и 0,1 п. п., что соответствует тенденции по России (0,5 п. п.). Однако сибирские, равно как и северо-западные, СПР – это территории, где уровень безработицы существенно выше, чем в среднем по стране: доля безработных в 2016 году составила 7 и 7,3% соответственно. Хуже всего ситуация обстоит в республиках Карелия и Коми (уровень безработицы 9,2 и 8,7%), Кемеровской (7,9%), Мурманской (7,7%), Омской и Томской (7,2% в обоих случаях) областях (табл. 7).

Старопромышленные регионы – это преимущественно территории со средним уровнем трудового потенциала. Однако в республиках Удмуртия, Карелия и Хакасия, в Новгородской, Вологодской и Ивановской областях развитие

Таблица 5. Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.

Территория	2007 год	2010 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2007 году, %
СПР Центрального ФО	2505,5	2496,4	2478,8	2513,3	2500,9	99,8
Белгородская область	678,7	693,5	699,1	754,0	756,8	111,5
Липецкая область	547,2	544,9	542,3	565,2	565,5	103,3
Тульская область	784,7	771,1	749,9	742,6	731,5	93,2
Ивановская область	494,9	486,9	487,5	451,5	447,1	90,3
СПР Северо-Западного ФО	2822,5	2724,0	2611,6	2516,1	2483,3	88,0
Новгородская область	313,6	313,5	306,4	298,7	294,0	93,8
Вологодская область	613,7	598,1	571,8	554,1	556,6	90,7
Республика Коми	476,1	463,0	433,7	437,7	421,8	88,6
Архангельская область	621,4	606,6	594,3	558,4	547,5	88,1
Мурманская область	444,0	425,4	408,6	383,2	379,8	85,5
Республика Карелия	353,7	317,4	296,8	284,0	283,6	80,2
СПР Приволжского ФО	5726,6	5529,2	5443,8	5375,0	5333,3	93,1
Удмуртская Республика	766,3	752,2	742,2	741,6	726,5	94,8
Республика Башкортостан	1856,0	1770,6	1761,9	1778,8	1757,5	94,7
Нижегородская область	1760,9	1710,9	1677,7	1653,6	1644,9	93,4
Пермский край	1343,4	1295,5	1262,0	1201,0	1204,4	89,7
СПР Уральского ФО	5659,3	5636,2	5665,0	6066,0	5998,7	106,0
Тюменская область	1880,8	1928,4	1979,5	2209,8	2190,8	116,5
Челябинская область	1686,1	1658,7	1661,0	1718,3	1714,0	101,7
Свердловская область	2092,4	2049,1	2024,5	2137,9	2093,9	100,1
СПР Сибирского ФО	4448,8	4384,4	4363,6	4298,6	4245,8	95,4
Республика Хакасия	496,1	479,7	491,6	475,2	487,8	98,3
Кемеровская область	1433,7	1432,7	1422,7	1424,4	1391,3	97,0
Томская область	943,4	944,6	944,5	932,7	913,0	96,8
Красноярский край	248,3	239,2	226,6	237,2	233,3	94,0
Омская область	1327,3	1288,2	1278,2	1229,1	1220,4	91,9
СПР Дальневосточного ФО	386,0	378,1	373,8	382,6	376,6	97,6
Магаданская область	93,7	89,9	86,8	94,9	92,2	98,4
Сахалинская область	292,3	288,2	287,0	287,7	284,4	97,3
Старопромышленные регионы	21548,7	21148,3	20936,6	21151,6	20938,6	97,2
РФ (справочно)	68019,2	67493,4	67813,3	72424,9	72065,2	105,9

Составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 6. Среднегодовая численность занятых в промышленности, тыс. чел.

Территория	2007 год	2016 год	2016 год к 2007 году, %
СПР Центрального ФО	619,7	599,4	96,7
Белгородская область	154,9	175,9	113,6
Липецкая область	123,5	120,3	97,4
Тульская область	192,6	178,8	92,8
Ивановская область	148,7	124,4	83,7
СПР Северо-Западного ФО	637,1	534,8	83,9
Новгородская область	83,9	79,4	94,6
Архангельская область	132,4	122,8	92,7
Мурманская область	92,7	76,0	82,0
Республика Коми	98,0	79,6	81,2
Вологодская область	159,9	129,4	80,9
Республика Карелия	70,2	47,6	67,8
СПР Приволжского ФО	1399,2	1171,1	83,7
Республика Башкортостан	383,6	364,1	94,9
Удмуртская Республика	201,9	178,4	88,4
Пермский край	356,5	285,5	80,1
Нижегородская область	457,2	343,1	75,0

СПР Уральского ФО	1599,0	1525,1	95,4
Тюменская область	439,6	545,8	124,2
Челябинская область	523,3	456,1	87,2
Свердловская область	636,1	523,2	82,3
СПР Сибирского ФО	1012,3	877,0	86,6
Омская область	167,5	156,6	93,5
Томская область	107,3	96,1	89,6
Красноярский край	301,4	260,5	86,4
Республика Хакасия	50,1	42,2	84,2
Кемеровская область	386,0	321,6	83,3
СПР Дальневосточного ФО	69,8	62,2	89,1
Магаданская область	20,1	21,5	107,0
Сахалинская область	49,7	40,7	81,9
Старопромшленные регионы	5337,1	4769,6	89,4
РФ (справочно)	14317,3	13357,5	93,3

Составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 7. Уровень безработицы, %

Территория	2007 год	2010 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2007 году, п. п.
СПР Центрального ФО	3,4	5,7	4,0	4,4	4,3	0,9
Белгородская область	4,3	5,2	4,0	4,1	4,0	-0,3
Ивановская область	4,3	7,6	4,3	5,6	5,6	1,3
Липецкая область	2,7	4,5	3,7	4,1	4,0	1,3
Тульская область	2,6	5,8	4,1	4,1	4,1	1,5
СПР Северо-Западного ФО	6,1	8,0	6,3	7,0	7,3	1,2
Республика Коми	10,2	10,1	6,0	7,0	8,7	-1,5
Новгородская область	5,3	5,6	3,7	4,6	4,9	-0,4
Мурманская область	6,3	8,6	6,7	7,8	7,7	1,4
Архангельская область	5,4	6,9	7,2	6,8	7,1	1,7
Вологодская область	4,0	7,8	5,6	6,8	6,6	2,6
Республика Карелия	5,9	9,3	8,1	8,8	9,2	3,3
СПР Приволжского ФО	6,1	8,5	5,1	5,5	5,3	-0,8
Удмуртская Республика	8,1	9,3	5,1	5,0	5,2	-2,9
Республика Башкортостан	6,5	8,9	5,3	6,1	5,8	-0,7
Пермский край	6,5	8,3	5,8	6,3	5,8	-0,7
Нижегородская область	4,5	7,7	4,2	4,3	4,3	-0,2
СПР Уральского ФО	4,6	7,7	5,7	6,1	6,0	1,4
Тюменская область	5,9	6,9	4,7	4,9	4,6	-1,3
Свердловская область	5,2	8,4	6,1	6,5	6,2	1,0
Челябинская область	2,5	7,5	6,2	7,0	7,1	4,6
СПР Сибирского ФО	7,1	7,8	6,1	6,9	7,0	-0,1
Красноярский край	7,6	6,2	5,0	6,2	6,1	-1,5
Омская область	8,0	8,1	6,7	6,8	7,2	-0,8
Республика Хакасия	6,6	9,1	6,2	5,8	6,3	-0,3
Томская область	6,8	7,7	7,6	7,7	7,2	0,4
Кемеровская область	6,2	8,9	6,2	7,7	7,9	1,7
СПР Дальневосточного ФО	4,8	8,1	5,7	5,8	5,9	1,1
Магаданская область	5,6	5,6	3,1	4,3	4,4	-1,2
Сахалинская область	4,6	8,9	6,5	6,3	6,3	1,7
Старопромшленные регионы	5,6	7,7	5,5	6,0	6,0	0,4
РФ (справочно)	6,0	7,3	5,2	5,6	5,5	-0,5

Составлено автором по: данные Федеральной службы государственной статистики.

трудового потенциала находится на низком уровне. Его ключевыми характеристиками являются невысокие доходы населения, проблемы с состоянием здоровья и уровнем получаемого образования [19]. Поэтому высокая безработица и существенные темпы ее роста в отдельных СПР порождает вынужденное перемещение высвобождаемых работников в другие секторы экономики, а также стимулирует трудовую миграцию в более благополучные регионы страны. В последнем случае существует риск, что в контексте разговоров о новой индустриализации, развитии высокотехнологичных видов деятельности, диверсификации экономики ряд СПР может столкнуться с проблемой кадрового обеспечения.

Резюмируя вышесказанное, можно выделить следующие положения.

Во-первых, старопромышленные регионы являются важнейшей частью российской экономики и по своей сути играют роль проводников, способствующих трансформации технологической структуры всего народного хозяйства страны. Однако наблюдаемый в большинстве СПР застой привел к тому, что эти территории в настоящее время не являются драйверами развития и предвестниками сменяемости укладов. Таким образом, имея крепкую базу, которая вполне может быть основой для необходимых изменений в российской экономике, СПР утрачивают свою фундаментальную роль и требуют реализации мероприятий по оздоровлению.

Во-вторых, характерными чертами текущего этапа развития старопромышленных регионов являются низкая инновационная и инвестиционная активность, устойчивое сокращение численности занятых в экономике, особенно в промышленности. В перспективе комплекс этих проблем в ряде регионов может привести не только к деиндустриализации, но и затуханию экономики в них вследствие высокого оттока трудоспособного населения и снижения инвестиционных поступлений.

В-третьих, старопромышленные регионы СЗФО можно считать территориями депрессивного развития. На это указывают низкие темпы роста ВРП и объема промышленного произ-

водства на отрезке 2007–2016 годов, которые в исследуемой выборке оказались одними из самых низких. В Архангельской и Вологодской областях наблюдаются выраженные проблемы с привлечением инвестиций. СПР СЗФО заняли худшие позиции по убыли численности занятых в экономике и уровню безработицы населения. Принимая во внимание тот факт, что эти территории обладают большим производственно-сырьевым потенциалом и близостью к ключевым центрам потребления, со стороны органов власти целесообразно обратить пристальное внимание на проблемы данной группы старопромышленных регионов.

В большинстве регионов действия органов власти зачастую направлены на обеспечение благоприятных условий для создания новых предприятий, но поддержке существующего бизнеса уделяется недостаточно внимания [20]. Аналогичная ситуация наблюдается и в старопромышленных регионах, что приводит их в тупик развития. Так, за период с 2007 по 2016 годы количество организаций в СПР увеличилось почти на 10% (с 1110,4 до 1220,4 тыс.). Однако, как показал проведенный анализ, подобные изменения не ускорили экономический рост (с 2000 по 2007 годы темп прироста ВРП составил 6,8%; с 2008 по 2016 годы – 1,3%) и не сделали экономику этих регионов более инновационной.

Из этого следует, что усилия органов власти по части оздоровления старопромышленных территорий необходимо направить на поддержание именно действующих предприятий, создание для них благоприятных условий функционирования, улучшение качества взаимодействия с ними. Большую роль в этих процессах сыграет смягчение инвестиционной политики: либерализация порядка предоставления субсидий, инвестиционных кредитов, грантов на развитие. В регионах целесообразно осуществлять совместные проекты не только с крупными предприятиями, имеющими достаточный объем ресурсов для активного участия в различных государственных программах, но и с субъектами МСП.

Заслуживает внимания и вопрос увеличения уровня кооперации между государством, бизне-

сом и образовательными учреждениями в целях повышения качества подготовки специалистов для приоритетных секторов экономики. Для этого необходимо восстановить систему подготовки профессиональных рабочих, вернуть практику обучения непосредственно на мощностях действующих предприятий, обновить материально-техническую базу учебных заведений.

Таким образом, реализация мероприятий по оздоровлению старопромышленных регионов имеет все шансы вновь сделать их драйверами

технологического развития российской экономики. Безусловно, это утверждение касается не всех без исключения СПР – ряд из них уже не может и не должен играть такую роль вследствие необратимых последствий процессов деиндустриализации. Однако территории, устоявшие перед вызовами постперестроечного периода развития России, по-прежнему обладают большим неиспользуемым потенциалом и требуют реализации целенаправленных управленческих импульсов по всей вертикали власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбердина В.В., Коровин Г.Б. Траектории новой индустриализации российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 1. С. 153–168.
2. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
3. Павлов К.В. Особенности модернизации старопромышленных регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 28. С. 11–24.
4. Макарова И.В., Коровин Г.Б. Тенденции неоиндустриализации экономики старопромышленного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31. С. 2–13.
5. Сорокина Н.Ю. Дифференцированный подход к формированию механизма управления устойчивым развитием старопромышленных регионов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3. С. 144–152.
6. Birch K., Mackinnon D., Cumbers A. Old Industrial Regions in Europe: A Comparative Assessment of Economic Performance. *Regional Studies*, 2010, vol. 44, pp. 35–53.
7. Henderson S.R. Transforming old industrial regions: Constructing collaboration within the Black Country, England. *Geoforum*, 2015, vol. 60, pp. 95–106.
8. Региональная промышленная политика: от макроэкономических условий формирования к новым институтам развития / А.И. Татаркин [и др.]. М.: Экономика, 2012. 360 с.
9. Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. Экономический рост в старопромышленном регионе: проблемы и направления интенсификации // Проблемы развития территории. 2017. № 2. С. 33–50.
10. Проблемы развития промышленного сектора экономики старопромышленных регионов России / Т.В. Ускова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 4. С. 62–77. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.3
11. Сорокина Н.Ю. Особенности старопромышленного региона как объекта управления социально-экономическим развитием // Изв. Тул. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2016. № 1. С. 72–80.
12. Гулин К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4. С. 42–58.
13. Hospers G.J., Benneworth P.S. Innovation in an old industrial region: the case of Twente. *International journal of learning and intellectual capital*, 2012, vol. 9 (1/2), pp. 6–21. DOI: 10.1504/IJLIC.2012.043978
14. Szirmai A., Naudé W, Goedhuys M. *Entrepreneurship, Innovation, and Economic Development*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 302 p.
15. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
16. Маврина Л., Обухова Е. Нитевидный пульс экономики // Эксперт. 2018. № 3. С. 20–25.
17. Михель Е.А. Трансформация тайминга экономической активности населения северного приграничного региона Республика Карелия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 1. С. 90–94.

18. Коровин Г. Цифровизация промышленности в контексте новой индустриализации РФ // Общество и экономика. 2018. № 1. С. 47–66.
19. Леонидова Г.В., Панов А.М. Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния // Проблемы развития территории. 2013. № 3. С. 60–70.
20. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельников Алексей Евгеньевич – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ae.melnikov@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Mel'nikov A.E.

DEVELOPMENT TRENDS IN THE ECONOMY OF OLD-INDUSTRIAL RUSSIAN REGIONS

Old-industrial regions are territories which entered the stage of industrial development earlier than others and were once drivers of economic growth on a national scale. However, during the time since the start of the industrial revolution, their contribution to the country's economy has declined significantly, the structure of industrial production developed over decades has become outdated and no longer met the relevant objectives of social development; the problem of predominant production of low techno-economic paradigm has become a priority. Many old industrial regions are currently characterized by a number of acute social and economic problems, solving which will give a second wind to the most important industrial centers of Russia. The purpose of the paper is to analyze the economic state of old industrial regions and identify key trends in their development. The research object is old-industrial Russian constituent entities, the subject – the socio-economic processes in them. The methodological framework of the study is based on the principles of economic, statistical, and comparative analysis, as well as methods of generalization. The informational component of the paper is represented by works of domestic and foreign scientists in the field of regional economy, as well as statistics of the Federal State Statistics Service. The article appeals to scientific findings of researchers studying the issues of formation, development, and functioning of old-industrial regions. These include works by G.B. Korovin, E.V. Lukin, I.V. Makarova, K.V. Pavlov, and N.Yu. Sorokin. The research results reflect the state of old-industrial regions from the perspective of economic development in general without reference to the problems of a key industrial sector and various aspects of technological progress.

Old-industrial regions, regional economy, region, economic development, industry, investment, innovation, staffing.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mel'nikov Aleksei Evgen'evich – Junior Research Associate at the Department of Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ae.melnikov@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

ОВСИПЯН МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21

E-mail: dept.eug@unecon.ru

Цель настоящего исследования – выявить пути повышения конкурентоспособности региона за счет использования принципов территориального анализа при планировании развития территории. В статье рассматриваются проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации. Анализ показал, что необходимо сотрудничество двух регионов – Санкт-Петербурга и Ленинградской области, поскольку город нуждается в расширении сфер влияния, а область – в инвестициях. В ходе исследования выяснилось, что, хотя возможности двух регионов существенно отличаются, их сотрудничество необходимо. В статье на основе принципов территориального анализа описаны критерии установления границ агломерации, определены факторы, обеспечивающие устойчивое развитие территории. Главный вывод состоит в том, что приоритетом развития Санкт-Петербургской агломерации должна стать экологическая направленность, поскольку без учета этого фактора наращивание объемов строительства и других показателей, влияющих на темпы роста экономики региона, приведет к снижению качества жизни населения из-за деградации окружающей среды. Учет фактора сохранения окружающей среды позволит обеспечить качество жизни населения на уровне европейского. На основании анализа показателей, влияющих на развитие агломераций, можно также прийти к выводу, что уровень административных барьеров в развитии территорий играет первостепенную роль: при разработке методик, влияющих на развитие агломераций в РФ, следует учитывать уровень административных барьеров. Научная новизна исследования состоит в предложении использовать для оценки уровня развития территории ин-

Цитата: Овсипян М.В. Проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 72–86. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.5

Citation: Ovsipyan M.V. Saint Petersburg agglomeration: problems of development. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 72–86. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.5

тегральный показатель, который позволит определить потенциал развития агломерации. Материалы статьи могут быть использованы управленческими структурами для совершенствования методического подхода к развитию территории.

Территориальное управление, экономика, регион, население, инвестиции, инфраструктура, развитие.

В данной статье анализируется процесс образования Санкт-Петербургской агломерации в новых для нее границах. Эта тема актуальна, поскольку именно сейчас администрации Санкт-Петербурга и Ленинградской области подписывают «Концепцию комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга» – документ, который разрабатывался несколько лет.

Цель работы – выявить пути повышения конкурентоспособности региона за счет использования принципов территориального анализа при планировании развития территории. Научная новизна состоит в предложении использовать для оценки развития территории интегральный показатель, который дает возможность выявить потенциал развития агломерации. Материалы статьи могут быть использованы администрацией Санкт-Петербурга и Ленинградской области для совершенствования методического подхода к развитию территории.

Сегодня стратегические приоритеты развития регионов включают привлечение инвестиций, повышение конкурентоспособности, расширение возможностей участвовать в перераспределении инвестиционных ресурсов в условиях глобальной конкуренции. Специфические особенности развития территории связаны с межрегиональным сотрудничеством и с вопросами экологии, а также с особенностями развития агломераций в РФ.

Так, О.И. Ерохина и К.И. Гресс отмечают, что понятие «агломерация» в РФ на данный момент является в большей степени теоретическим определением для оценки особенностей пространственного развития регионов. Главной причиной малого числа регионов с высоким уровнем агломерационного развития в РФ является отсутствие правового обеспечения данного процесса [1]. И.В. Волчкова

и Н.Н. Минаев считают, что активное формирование агломераций сдерживается отсутствием государственной политики в сфере содействия процессу агломерирования [2].

По мнению Н.В. Зубаревича, усилившееся внимание к развитию агломерации обусловлено растущим пониманием того, что иных факторов развития в России мало: географическое положение большей части территории неблагоприятно, издержки экономического расстояния очень велики [3].

Специфика территориального развития РФ заключается в том, что все регионы, кроме Москвы и Московской области, существенно отстают от центра в развитии, не имеют элементарных удобств, таких, например, как нормальная транспортная инфраструктура. Для развития Санкт-Петербургской агломерации и разработки теоретической базы этого процесса необходимо учитывать имеющиеся в научной литературе подходы, а также методики, которые разрабатываются на основе отечественного и зарубежного опыта.

В настоящее время, Санкт-Петербург и Ленинградская область создают совместную территориальную структуру – агломерацию, в которой к 2030 году, предположительно, будет проживать около 8 миллионов человек. Администрациями обоих регионов разработана Концепция совместного развития до 2050 года. Согласно планам чиновников, общая площадь территориального объединения составит 9 тыс. км². Часть территории агломерации (1,5 тыс. км²) будет находиться в границах Санкт-Петербурга, другая часть (7 тыс. км²) – в границах Ленинградской области.

Градостроительная концепция проекта предполагает создание трех видов зон: промышленной, зоны высотной застройки и «низкоплотной» зоны. Трасса А-120 под названием «Санкт-Петербургское полукольцо»

(автомобильная дорога, проходящая по территории Ленинградской области и Санкт-Петербурга) обозначит внешние границы агломерации (рис. 1).

Трасса А-120 интересна тем, что была построена в советское время как военная объездная дорога, соединявшая воинские части различного назначения, в основном, противоздушного. Такие дороги составляют основу военных коммуникаций и имеют стратегическое, оперативное или тактическое значение. В данном случае именно стратегическое значение дороги представляет интерес в качестве границ будущей агломерации.

Правительством Ленинградской области в 2014 году разработан документ под названием «Концепция комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга», который корректировался в течение ряда лет по мере

появления новых обстоятельств развития рассматриваемых территорий. Концепция разработана для повышения управляемости агломерационных процессов, а также усиления кооперации в работе администраций Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Согласно Концепции, в регионе ежегодно будет строиться 1 млн м² жилья, что обеспечит прирост населения и развитие инфраструктуры. Вместе с тем анализ бюджетных возможностей региона показывает, что Ленинградская область может обеспечивать инфраструктурой не более 300 тыс. м² нового жилья в год.

По мере роста численности населения потребуются новые подходы в системе управления территориями, в частности, развитие социальной инфраструктуры (комбинирование детских садов и школ, создание межрегиональных школ и т. д.), транспортной

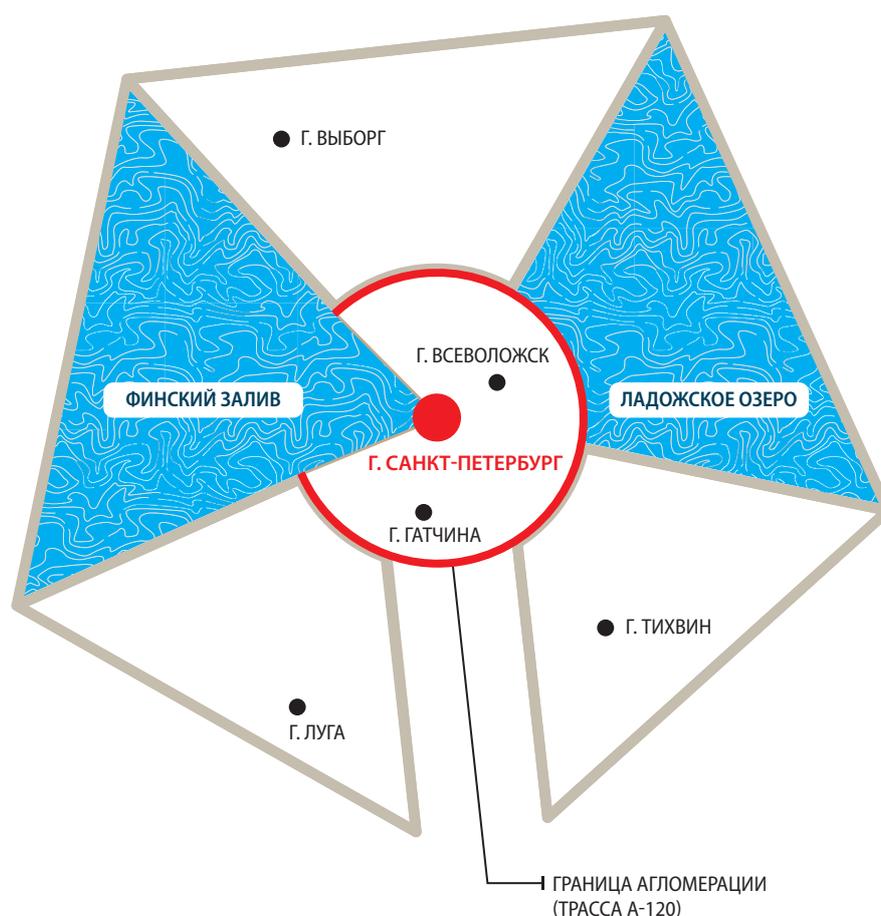

Рис. 1. Ленинградская область и Санкт-Петербургская агломерация

Источник: подготовлено автором.

инфраструктуры (внедрение контрактов жизненного цикла в дорожном строительстве, создание проектных и строительных консорциумов для управления развитием приоритетных транспортных коридоров) и других сфер пространственного развития.

Идея объединить территории в рамках агломерации возникла не случайно: нужно было искать новые пути развития и соответствующие ресурсы, поскольку в Ленинградской области качество жизни населения низкое (из-за отставания темпов развития инфраструктуры от темпов строительства жилья). Кроме того, территория вокруг Санкт-Петербурга нуждается в нормативно-правовом регулировании деятельности предприятий, которые могут причинить вред экологии области.

Этот вопрос крайне сложный, поскольку придется преобразовывать территорию, вырубать лес и т. д. Цивилизованное освоение территории должно позволить организовать вывоз и утилизацию отходов. Сейчас пригороды Санкт-Петербурга завалены мусором (или не хватает средств на уборку, или власти муниципальных образований не считают это приоритетом своей деятельности). Сотрудничество администрации Ленинградской области с Санкт-Петербургом в рамках реализации совместного проекта позволит получить федеральное финансирование, повысить экологический потенциал территории.

Стоит отметить, что экологические проблемы самого Санкт-Петербурга очень серьезны: огромное количество автомобильного транспорта в центре города и на всех магистралях, чрезвычайно загазованный воздух создают проблемы как для перемещения грузов и пассажиров, так и, в первую очередь, для здоровья населения.

Передвижение по городу, прогулка по его центру потенциально опасны из-за нескончаемого потока машин – автобусов и грузовиков, которые едут во всех направлениях. На развитие метро, по примеру Москвы, не хватает средств, поэтому огромные территории (жилые районы Санкт-Петербурга) пользуются наземным транспортом. Время в пути «на работу и обратно» у большинства жителей со-

ставляет 3 часа в день. Многие едут в город из области, проводя в транспорте полдня.

Согласно Концепции комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга, территория комплексного развития (ТКР) – это территория Ленинградской области в зоне активного социально-экономического взаимодействия с городом Санкт-Петербургом.

Для определения границ территории комплексного развития используются подходы на основе различных факторов – функционального, фактора интенсивности урбанизации и маятниковой миграции.

Базовым критерием по установлению границ агломерации по функциональному фактору является размещение объектов общеагломерационного значения, выполняющих функцию жизнеобеспечения мегаполиса в целом. К такого рода объектам могут быть отнесены ключевые объекты транспортной и инженерной инфраструктуры, крупнейшие торговые комплексы, производственные зоны; объекты науки и высшей школы, рекреации, здравоохранения, спорта; объекты и территории, выполняющие особо значимые экологические функции.

Применение фактора интенсивности урбанизации к определению границ агломерации подразумевает определение границ агломерации путем анализа критериев современной и проектной численности населения, плотности населения, объема жилищного строительства.

Оценка фактора маятниковой миграции связана с анализом транспортной доступности для жителей поселений Ленинградской области центра Санкт-Петербурга, а также их приспособленности к массовым трудовым, учебным, бытовым, культурным и рекреационным поездкам в суточном и недельном ритмах.

В результате анализа этих факторов выработан интегрированный подход, который определил границы агломерации следующим образом: территории комплексного развития включают 6 муниципальных районов, прилегающих к Санкт-Петербургу, в

границах трассы А-120. На этой территории проживает 626,5 тыс. чел., из которых ежедневно в Санкт-Петербург въезжает от 170 до 210 тыс. чел. (общий объем ежедневной маятниковой миграции между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью составляет около 450 тыс. чел.).

В отдельных случаях, имеющих приоритетное значение для развития Ленинградской области и Санкт-Петербурга в целом, органами управления агломерацией и ТКР (это Координационный совет по взаимодействию в сфере социально-экономического развития Санкт-Петербурга и Ленинградской области) могут рассматриваться вопросы, касающиеся территорий, выходящих за пределы выделенных границ.

В рамках Координационного совета планируется создать рабочие группы различной направленности, в частности, особо важным является вопрос урегулирования нормативно-правовых аспектов совместной деятельности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сферах, имеющих отношение к зоне ТКР. В.А. Черненко и Е.А. Подгорная отмечают, что наличие межрегиональных различий в определенных пределах имеет позитивный характер, так как они побуждают отстающие регионы к поиску путей повышения своих конкурентных преимуществ [4].

Первоначально развитие территорий, прилегающих к Санкт-Петербургу, предполагалось в рамках модели пригородной зоны, в которой планировалось установить регламент границ следующих объектов и территорий:

- резервных земель для перспективного развития Санкт-Петербурга и населенных пунктов Ленинградской области;
- промышленных объектов;
- территорий сельскохозяйственного назначения;
- рекреационных зон.

Основная задача присвоения землям вокруг Санкт-Петербурга статуса пригородной зоны изначально состояла в том, чтобы сохранить рекреационную функцию территорий, прилегающих к Санкт-Петербургу, и обе-

спечить защиту окружающей среды. Однако этот вариант модели не был утвержден.

В отличие от модели пригородной зоны концепция ТКР предполагает перевод промышленных предприятий из центра Санкт-Петербурга, подготовку площадок для инвестиционной деятельности, создание новых рабочих мест. Этот вариант планировочной структуры должен заинтересовать Санкт-Петербург и объединить его общими интересами с Ленинградской областью. Такой подход призван активизировать взаимовыгодное сотрудничество двух регионов в условиях дефицита финансирования из федерального центра.

В табл. 1 приводится сравнительная характеристика двух разных моделей развития территории, которые отражают разные подходы к решению существующих сегодня проблем. При этом ограничение на ввод жилья связано с тем, что Ленинградская область не может гарантировать своевременный ввод социальной и инженерной инфраструктуры при большом объеме строительства, в результате чего может увеличиться инфраструктурная отсталость территорий.

Новый подход к развитию территории предполагает выделить в агломерации два сформировавшихся центра с высоким потенциалом экономического развития (города Гатчина и Всеволожск) и три центра приоритетного инфраструктурного развития в разных частях агломерации, которые включают сельские поселения Мурино, Кудрово, Пулковое и др.

В муниципальных образованиях Ленинградской области есть «полюсы роста», которые могут обеспечить перспективное развитие будущей агломерации. При этом не последнюю роль играет их размещение по отношению к центру агломерации – Санкт-Петербургу. Из 17 муниципальных районов, входящих в состав Ленинградской области, в ТКР войдут наиболее перспективные с точки зрения социально-экономического потенциала районы: Всеволожский, Гатчинский, Ломоносовский, Тосненский и Кировский (рис. 2).

Следует отметить, что планировочная модель ТКР – один из самых сложных и кон-

Таблица 1. Сравнительная характеристика моделей развития территории

№ п/п	Параметр сравнения	Современная модель	Новая модель
1	Жилищное строительство	Не ограничено	Ограничение на уровне 300 тыс. кв. м в год
2	Система расселения	Стихийное развитие системы расселения	Выделение приоритетных центров развития ТКР
3	Транспорт	Концентрация на решении наиболее острых проблем; несогласованность с СПб.	Выделение приоритетных транспортных коридоров и концентрация усилий на их развитии; согласование программ развития транспортной системы СПб. и Ленинградской области; решение проблем, связанных с ежедневной маятниковой миграцией

Составлено по: Концепция комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга. СПб., 2014. С. 12.

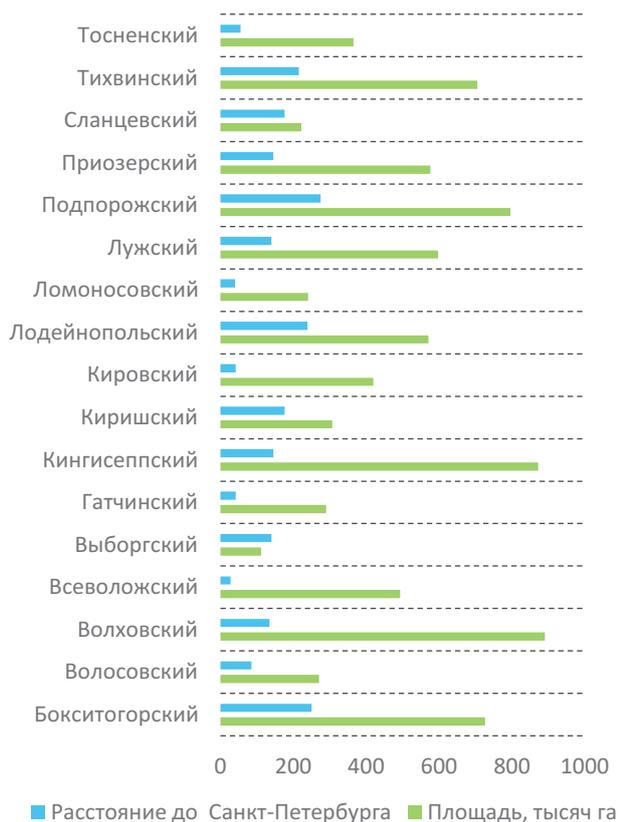

Рис. 2. Муниципальные районы Ленинградской области

Источник: Технично-экономические показатели материалов по обоснованию схемы территориального планирования Ленинградской области, утв. Постановлением Правительства Ленинградской области от 29 декабря 2012 г. № 460

фликтных пунктов концепции, вокруг которого ведутся дискуссии в деловых и правительственных кругах, среди граждан и широкой общественности.

Эта ситуация характерна не только для Санкт-Петербурга и области: по мнению Р.Р. Мавлютова, действующая в стране в настоящее время система территориального планирования не отвечает реально сложившимся условиям управления развитием ее территории [5].

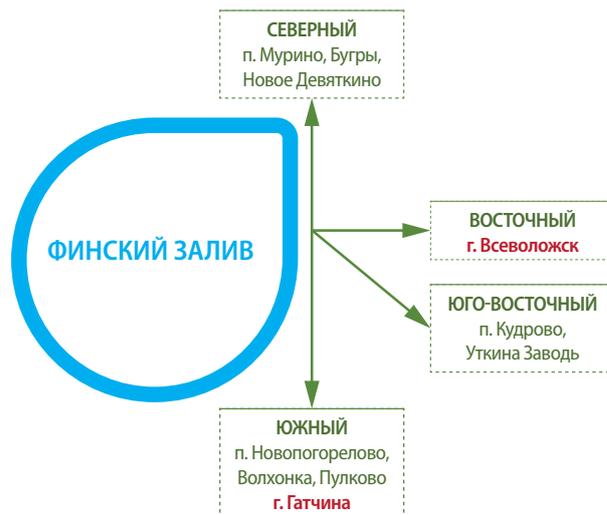

Рис. 3. Центры развития ТКР

Источник: подготовлено автором.

Новая планировочная модель ТКР предполагает формирование единой полицентрической системы расселения на базе приоритетных центров развития.

Базовым фактором развития региона считается жилищное строительство. Активное жилищное строительство ведет к росту численности населения. На долю территорий Ленинградской области, прилегающих к Санкт-Петербургу, приходится 30% прироста населения Санкт-Петербургской агломерации.

Если темпы строительства составят 1 млн кв. м. в год, бюджет Ленинградской области не сможет обеспечивать необходимые темпы развития сопутствующей инфраструктуры, поскольку потенциал финансирования бюджета Ленинградской области составляет около 20% от общего числа инфраструктурных объектов, необходимых для развития таких объемов строительства. Особенность нового этапа развития агломерации – это переход от

стихийного развития к управляемой модели и долгосрочному стратегическому планированию в условиях дефицита бюджета.

Для каждого центра целевым критерием развития станет обеспечение всемирно признанных стандартов качества городской среды и требований международных систем рейтингования малых городов. Для остальных территорий целевыми критериями станут обеспечение качества жизни населения и достижение показателей роста экономики на уровне Санкт-Петербурга. При этом вопрос о конкурентоспособности территории является крайне важным, поскольку от нее зависит, будут ли направлены в регион необходимые для его развития ресурсы [6; 7].

Среди основных центров системы расселения ТКР выделены Гатчинское и Всеволожское городские поселения. Ключевой ресурс Гатчины (город с населением почти 100 тыс. чел.) – это исторические объекты (дворцы, парки), а также объекты инновационной инфраструктуры (Петербургский институт ядерной физики, проектируемый Технопарк Северо-Западного центра трансфера технологий Роснано, вузы).

Переезд Правительства Ленинградской области из Санкт-Петербурга в Гатчину планируется осуществить в 2022 году. Гатчина определена приоритетным городом для приобретения столичных функций исходя из ее расположения, существующего и планируемого развития транспортно-логистической сети, уровня социально-экономического развития. Ключевым ресурсом Всеволожска, население которого стремительно растет и сейчас составляет более 70 тыс. чел., является промышленный потенциал территории, который уже сформировался в период активного инвестиционного роста за последние годы.

Чтобы выявить обоснованность теоретической базы концепции, уместно обратиться к зарубежным исследованиям. Как утверждают Д. Кларк и Д. Бейли, региональная конкурентоспособность глубоко связана со специализированными рынками труда, которые могут поддерживать и даже инициировать технологические изменения [8].

М. Митчелл, Д. Саттер и С. Скотт, исследователи в области региональной экономики и управления, задаются вопросом: каковы последствия целенаправленных стимулов экономического развития [9]?

Интересно использование Ф. Ройселома метода синтетического контроля, который позволяет учесть ненаблюдаемые факторы в развитии территории. Этот метод, однако, является очень трудоемким и требует выполнения ряда специфических условий [10]. Британские исследователи Н. Фелпс и Д. Уоллер, Дж. Робинсон и А. Рой говорят о «городском политическом диссонансе» как о следствии несовпадения интересов города и его пригородов, конфликте земельных интересов, о межрегиональном сотрудничестве, которое не подразумевает подлинный консенсус между субъектами [11–13].

По замыслу Администрации Ленинградской области, усовершенствованная Санкт-Петербургская агломерация будет иметь инвестиционную привлекательность, уровень которой позволит конкурировать с крупнейшими городскими экономиками мира. Для этого понадобятся долгосрочная стратегическая концепция развития агломерации и государственная поддержка проектов, ориентированных на глобальную конкурентоспособность.

Однако сегодня администрации обоих регионов вынуждены решать совершенно другие задачи. Большая часть экономически активного населения занята трудовой деятельностью за ее пределами. Транспортные системы перегружены, нет мест в детских садах, не хватает мест в школах. Значительная часть интенсивно развивающихся территорий испытывает острый дефицит мощности головных источников электроснабжения. Существующие централизованные и локальные системы водоснабжения на территории муниципальных образований, прилегающих к Санкт-Петербургу, за редким исключением, не рассчитаны на стремительный рост объемов жилищного строительства.

Установленные нормативы ограничений на использование подземных водоносных источников осложняют ситуацию с водоснабже-

нием. Износ сооружений и сетей водоснабжения очень высокий. Это приводит к потерям воды в сетях, аварийным ситуациям, высокой стоимости эксплуатационных расходов, поэтому тарифы на услуги водоснабжения на территории Ленинградской области значительно выше по сравнению с Санкт-Петербургом.

Те же проблемы характерны для систем водоотведения. Низкое качество очистки сточных вод характерно для большинства муниципальных очистных сооружений. Этим объясняются высокий уровень загрязнения малых рек (Ижоры, Тосны, Охты) и невозможность их полноценного использования в рекреационных целях.

Более 75% твердых бытовых отходов, образующихся в Санкт-Петербурге, размещается на территории Ленинградской области. Заводы по механической переработке ТБО принимают менее 25% от общего объема образующихся отходов. Оставшиеся объемы поступают на полигоны. Дополнительно объем вывозимых строительных отходов составляет около 4 млн м³ в год. Технологии и способы утилизации и размещения отходов физически и морально устарели. Отсутствует согласованная политика в отношении управления отходами в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Ежегодный дефицит бюджетных средств на покрытие расходов, связанных с развитием ТКР, оценивается в 13 млрд руб. До 2035 года Правительству Ленинградской области потребуется 633 млрд руб., что, в среднем, составляет 28,7 млрд руб. в год. На транспортную, инженерную и социальную инфраструктуру придется 20% затрат.

Согласно планам Правительства региона, чтобы обеспечить финансирование проекта в условиях бюджетного дефицита, нужно сконцентрировать средства на территориях, прилегающих к границам Санкт-Петербурга, а не рассредоточивать их по всей ТКР. К таким территориям относятся Гатчина, поселки Мурино, Новое Девяткино во Всеволожском районе Ленинградской области и сам город Всеволожск – в этом направлении следует инвестировать в первую очередь.

Всеволожск по-прежнему остается инвестиционной базой региона. Гатчине отводится роль столицы, а остальные районы пока отстают в развитии. Неосвоенные территории сейчас представляют собой не резерв экологической устойчивости агломерации, а полигон для несанкционированных свалок. Такова ситуация на сегодня.

Между тем, за рубежом давно обсуждается роль стратегий городского развития в ускорении перехода к «зеленой городской экономике». Ожидается, что такой тип экономики способствует достижению баланса между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической устойчивостью.

«Зеленая» экономическая деятельность в городах должна стать приоритетной, это требует мобилизации ресурсов и скоординированных действий. Как подчеркивает Л. Занг, чтобы решить такую задачу, руководители городов должны стать более предприимчивыми [14]. Отечественные исследователи С.Г. Тяглов, Н.Н. Киселева и В.А. Тимченко отмечают, что важно сформировать у каждого гражданина четкую позицию в отношении с природой, чтобы он понимал, как его бытовое поведение влияет на глобальные природные процессы [15].

В регламентации деятельности субъектов федерации, в частности, Ленинградской области, существует региональный инвестиционный стандарт. Этот стандарт деятельности органов исполнительной власти по обеспечению благоприятного инвестиционного климата включает 15 инвестиционных практик, используемых наиболее успешными регионами. Среди основных практик – наличие в регионе инвестиционной стратегии, ежегодно обновляемого плана создания инвестиционных объектов и объектов инфраструктуры в регионе, а также Совета по улучшению инвестиционного климата.

Для развития Ленинградской области и повышения ее конкурентоспособности в последние годы используется кластерный подход. В настоящее время в регионе реализуется 11 кластерных инициатив. Для развития региона необходимы импортозамещение и

промышленная кооперация, развитие инфраструктуры и реструктуризация промышленности. Для этого разработана проектная инициатива «Индустриальное лидерство» (рис. 4).

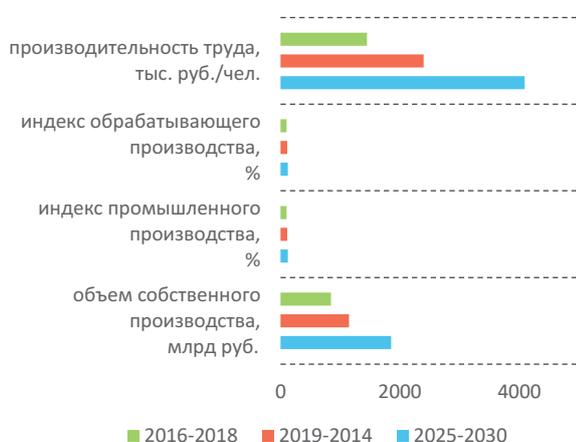

Рис. 4. Целевые показатели (индикаторы) реализации стратегической проектной инициативы «Индустриальное лидерство»

Источник: Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года: утв. областным законом Ленинградской области № 76-ОЗ от 8 августа 2016 г. С. 20.

Стратегической целью территориального развития Ленинградской области является сокращение дисбалансов в развитии отдельных территорий с учетом существующих и возможных специализаций. Для реализации этой цели необходимо обеспечить сбалансированное развитие муниципальных образований, рациональное использование земельных ресурсов, а также координацию взаимодействия с Санкт-Петербургом.

В муниципальных образованиях области могут быть реализованы различные стратегические инициативы в зависимости от их хозяйственной специализации. При этом нет однозначной взаимосвязи между расположением муниципальных образований относительно Санкт-Петербурга и реализацией в них стратегических проектных инициатив.

Муниципальный инвестиционный стандарт

В 2014 году разработан стандарт деятельности органов местного самоуправления семнадцати муниципальных районов и одного городского округа Ленинградской области по обеспечению благоприятного инвестиционного

климата. Мероприятия Муниципального стандарта направлены на снижение административных барьеров и обеспечение благоприятных условий для ведения инвестиционной и предпринимательской деятельности.

Ряд целевых показателей социально-экономического развития Ленинградской области представлен на рис. 5. Как видно из диаграммы, численность населения, по прогнозам специалистов, существенно не изменится. Объем инвестиций в основной капитал увеличится незначительно. Основные достижения прогнозируются в области повышения производительности труда и роста валового регионального продукта.

Рис. 5. Целевые показатели реализации Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года

Источник: Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года: утв. областным законом Ленинградской области № 76-ОЗ от 8 августа 2016 г. С. 61–62.

Поскольку экономическая ситуация постоянно меняется, регион пытается привлечь инвестиции для своего развития. Основные ожидания компаний, планирующих свою деятельность на территории Ленинградской области, связаны со снижением административных барьеров, готовностью органов власти всех уровней содействовать предпринимательской деятельности.

По мнению Ж.А. Захаровой, органам государственной власти необходимо сделать акцент на развитии инфраструктуры в каждом

регионе и совершенствовать существующие системы привлечения капитала с учетом специфики и возможностей каждого региона [16]. К.Р. Шабанова отмечает, что многие барьеры сегодня можно ликвидировать только на федеральном уровне [17]. А.Ю. Прудникова и А.А. Текин утверждают, что российский рынок, с точки зрения конкурентной ситуации и потенциальной рентабельности капиталовложений, – один из самых привлекательных для инвесторов, хотя он и отличается повышенным риском [18].

Н.А. Чуприкова подчеркивает, что эффективное инвестиционное обеспечение выступает одним из ключевых факторов экономического развития региона [19]. П.В. Терлянский и А.С. Мельников считают, что достижение социально-экономических эффектов в условиях развития агломераций предполагает получение синергетического эффекта. В противном

случае можно говорить только о комплексном развитии некоторых территорий [20].

В табл. 2 представлены основные параметры, определяющие интегрированность и сбалансированность агломерационных процессов, согласно методике, разработанной фондом «Института экономики города» для оценки результативности государственной политики в отношении агломераций.

Предлагаем усовершенствовать эту методику с учетом факторов, которые могут оказать существенное влияние на развитие агломерации (табл. 3).

В табл. 4 представлены проблемы Санкт-Петербургской агломерации и возможные, с точки зрения автора, пути их решения.

Предлагается методика оценки уровня развития агломерации с помощью интегрального показателя (табл. 5). Значимость (вес) критериев определялась экспертным путем.

Таблица 2. Параметры, определяющие интегрированность и сбалансированность агломерационных процессов

№ п/п	Сфера, затронутая агломерационными процессами	Параметры интегрированности	Параметры сбалансированности
1	Система расселения	Интегрированность системы расселения	Устойчивость системы расселения
2	Рынок труда	Интегрированность рынка труда	Сбалансированность рынка труда
3	Бюджет	Скоординированность систем налогообложения	Бюджетная обеспеченность
4	Социальные услуги	Интегрированность системы предоставления социальных услуг Скоординированность систем социальных выплат	Обеспеченность социальными услугами
5	Транспорт	Интегрированность системы маршрутов пассажирского транспорта	Транспортная доступность
6	Инвестиции	Скоординированность разрешительных процедур	Инвестиционная обеспеченность
7	Градорегулирование	Скоординированность местных систем градорегулирования (процедурная и содержательная взаимосвязь документов)	Сбалансированность объемов застройки и объемов инфраструктурного обеспечения (социального, коммунального, транспортного)
8	Коммунальное хозяйство	Интегрированность систем коммунальной инфраструктуры Скоординированность тарифной политики в коммунальной сфере	Обеспеченность коммунальными услугами Доступность оплаты коммунальных услуг
9	Жилье	Интегрированность рынка жилья и жилищной политики	Обеспеченность жильем Доступность жилья
10	Информационная среда	Интегрированность информационного пространства	Доступность информации
11	Безопасность	–	Сбалансированность системы охраны порядка

Составлено по: Концепция оценки уровня развития городских агломераций. М., 2016. С. 15.

Таблица 3. Приоритеты развития и факторы конкурентоспособности территории

Показатель	Уровень системы	Показатель оценки
Стратегические приоритеты	Государство	Рынок труда, бюджет, инвестиции
	Население	Безопасность
		Транспорт, жилье
Системные бюрократические факторы	Государство	Социальные услуги, коммунальное хозяйство
		Административные барьеры
Абстрактные системообразующие факторы	Территория	Градорегулирование
		Системы расселения
		Информационная среда

Источник: подготовлено автором.

Таблица 4. Проблемы агломерации и пути их решения

№ п/п	Характер проблемы	Содержание проблемы	Пути решения
1	Правовой	Агломерации не имеют правового статуса Отсутствуют единые методические подходы к определению границ, численности населения и других параметров агломераций	Необходимо ввести понятие агломерации в положения градостроительного и Земельного кодексов РФ; разработать критерии изучения, планирования и прогнозирования развития агломераций
2	Управленческий	Органы государственной власти и МСУ не рассматривают агломерации в качестве объектов системного анализа и управления (кроме вопросов территориального планирования) Между органами государственной власти СПб. и Ленобласти есть разногласия относительно развития пригородной зоны Санкт-Петербурга Отсутствует согласованная политика относительно использования земель сельскохозяйственного назначения На территории агломерации расположены муниципальные образования, в которых применяются разные методы регулирования градостроительной и инвестиционной деятельности	Необходим координационный Совет, в котором бы принимали участие представители Администрации СПб., Правительства ЛО, муниципальных образований, расположенных в зоне агломераций, и делегаты от населения обоих субъектов РФ, входящих в состав агломерации
3	Инфраструктурный	Не хватает мощностей инженерно-энергетической инфраструктуры Низкий уровень развития транспортной сети, работающей с большими перегрузками Дефицит мощностей по утилизации и переработке отходов Медленно идет реструктуризация территорий в пределах ядра агломерации В периферийной зоне ведется точечная стихийная застройка отдельных территорий Имеются существенные различия в уровнях развития, качестве жизни населения, благоустройстве, размещении различных объектов	Необходимы вывод и перепрофилирование старых промышленных, складских и транспортных зон, комплексная застройка территории, целенаправленная политика по уменьшению территориальных диспропорций между пригородами СПб. и соседними районами ЛО
4	Пространственно-организационный	Рост интенсивности маятниковых трудовых миграций Сезонный характер интенсивности агломерационных связей с рекреационными зонами	Необходимы трансформация пространственно-территориальной организации агломерации, усиление интенсивности агломерационных связей, формирование единого пространства проживания и ведения хозяйственной деятельности
5	Рекреационно-экологический	сокращение площади зеленых насаждений нехватка организованных мест отдыха населения	необходим механизм учета мнения населения при утверждении проектов освоения территории, который бы регулировал интенсивность хозяйственного использования территории и обеспечивал сохранение ее природно-рекреационных функций

Источник: подготовлено автором.

Таблица 5. Состав интегрального показателя для оценки уровня развития агломерации

Интегральный показатель	Наименование критерия	Критерий оценки уровня развития территории		Вес критерия в интегральном показателе	Показатели в составе критерия		Вес показателя
					наименование	значение	
F	X	инфра-структура	производственная	0,1	Xa	транспорт	0,04
					Xb	строительство	0,02
					Xc	энергетика	0,04
		социальная	0,1	Xd	ЖКХ	0,05	
				Xe	здравоохранение	0,025	
				Xf	образование	0,025	
		финансовая	0,1	Xg	страхование	0,05	
				Xh	кредитование	0,05	
				Ya	рынок	0,15	
	Y	инвестиционный потенциал	0,5	Yb	ресурсы	0,15	
				Yc	технологии	0,2	
				Za	отсутствие административных барьеров	0,1	
Z	административный потенциал	0,1	Zb	охрана, правопорядок и безопасность (в том числе экологическая)	0,1		
Σ				1			1

Источник: подготовлено автором.

Процесс оценки уровня развития агломерации можно представить следующим образом:

$$F = f(x; y; z), \quad (1)$$

где:

F – интегральный показатель оценки уровня развития агломерации;

x; y; z – критерии для расчета интегрального показателя;

$x_a - x_h; y_a - y_c; z_a - z_b$ – показатели в составе критериев.

В табл. 6 представлен расчет интегрального показателя на примере Санкт-Петербурга и муниципальных образований Ленинградской области, территория которых расположена в зоне агломерации.

Потенциал региона (п) оценивался экспертным путем в баллах (максимально возможный балл – 10). Каждый показатель умножен на его вес в интегральном показателе (п*).

Чем выше значение интегрального показателя, тем более перспективным является регион с точки зрения социально-экономического развития. Методика дает возможность оценить уровень развития территории

и скорректировать направления стратегического планирования.

В ходе исследования автором самостоятельно получены следующие результаты: выявлены проблемы развития агломерации и предложены пути их решения, определены приоритеты развития и факторы конкурентоспособности территории, разработана методика оценки уровня развития агломерации с помощью интегрального показателя, произведены расчеты, сделаны соответствующие выводы.

Исследование показало, что необходимо применять оценочные показатели, для того чтобы учесть специфические особенности каждой территории, входящей в зону агломерации. Полученные данные свидетельствуют о том, что в муниципалитетах Ленобласти по сравнению с Санкт-Петербургом есть свои конкурентные преимущества: это более высокий уровень экологической безопасности и меньшее количество административных барьеров. Необходимо учитывать это в процессе стратегического планирования.

Вклад в развитие науки заключается в том, что методика позволяет оценить, насколько верна стратегия развития агломерации, выявить перспективы ее развития и конкурент-

Таблица 6. Расчет интегрального показателя

Показатель	Вес показателя	СПб.		Муниципальный район Ленобласти							
				Всеволожский		Гатчинский		Ломоносовский		Выборгский	
		п	п*	п	п*	п	п*	п	п*	п	п*
Транспорт	0,04	8	0,32	0,5	0,02	0,3	0,012	0,2	0,008	0,7	0,028
Строительство	0,02	10	0,2	0,7	0,014	0,4	0,08	0,2	0,004	0,3	0,006
Энергетика	0,04	9	0,36	0,6	0,024	0,3	0,012	0,7	0,028	0,4	0,016
ЖКХ	0,05	8	0,4	0,5	0,025	0,3	0,015	0,3	0,015	0,3	0,015
Здравоохранение	0,025	8	0,2	0,5	0,0125	0,3	0,0075	0,3	0,0075	0,3	0,0075
Образование	0,025	10	0,25	0,5	0,0125	0,3	0,0075	0,7	0,0175	0,3	0,0075
Страхование	0,05	10	0,5	0,5	0,025	0,3	0,015	0,3	0,015	0,3	0,015
Кредитование	0,05	10	0,5	0,5	0,025	0,3	0,015	0,3	0,015	0,3	0,015
Рынок	0,15	10	1,5	0,5	0,075	0,3	0,045	0,3	0,045	0,3	0,045
Ресурсы	0,15	8	1,2	0,5	0,075	0,3	0,045	0,3	0,045	0,3	0,045
Технологии	0,2	8	1,6	0,5	0,1	0,3	0,06	0,3	0,06	0,3	0,06
Отсутствие административных барьеров	0,1	5	0,5	8	0,8	8	0,8	8	0,8	8	0,8
Охрана, правопорядок и безопасность (в том числе экологическая)	0,1	5	0,5	7	0,7	7	0,7	7	0,7	8	0,8
Σ	1	109	8,03	20,8	1,9	18,4	1,8	18,9	1,76	19,8	1,86

Источник: подготовлено автором.

ные преимущества с учетом особенностей каждой территории, входящей в ее состав.

Апробация методики проводилась на базе Санкт-Петербургского экономического университета с участием представителей Правительства Ленинградской области и полномочного представительства Президента в Северо-Запад-

ном федеральном округе. Методика рекомендуется для использования в ходе аналитической работы данных учреждений. Дальнейшее изучение механизмов, оказывающих влияние на развитие Санкт-Петербургской агломерации, позволит сделать более точным процесс стратегического планирования в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерохина О.И., Гресс К.И. Особенности развития агломераций в России // Новая наука: от идеи к результату. 2017. Т. 1. № 3. С. 47–49.
2. Волчкова И.В., Минаев Н.Н. Теория и практика управления развитием агломераций. Томск: ТГАСУ, 2014. 234 с.
3. Зубаревич Н.В. Развитие городских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 5–21.
4. Черненко В.А., Подгорная Е. А. Экономика регионов Российской Федерации: проблемы и перспективы развития. СПб.: СПбГЭУ, 2014. 134 с.
5. Мавлютов Р.Р. Пространственное развитие крупных городов России в период постиндустриального перехода. Волгоград: ВолгГАСУ, 2015. 160 с.
6. Овсипян М.В. Программно-целевое управление развитием экономики муниципального района. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. 150 с.
7. Овсипян М.В. Тенденции и проблемы муниципального развития в рамках территориальной конкуренции // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия «Экономика». 2009. № 2 (29). С. 281–283.
8. Clark J., Bailey D. Labour, work and regional resilience. *Regional Studies*, 2018, vol. 52 (6), pp. 741–743.
9. Mitchell M., Sutter D., Eastman S. The Political Economy of Targeted Economic Development Incentives. *The Review of Regional Studies. The Official Journal of the Southern Regional Science Association*, 2018, vol. 48 (1), pp. 1–9.
10. Roesel F. Do mergers of large local governments reduce expenditures? Evidence from Germany using the synthetic control method. *European Journal of Political Economy*, 2017, vol. 50, pp. 22–36.

11. Phelps N., Valler D. Urban development and the politics of dissonance. *Territory, Politics, Governance*, 2018, vol. 6 (1), pp. 81–103.
12. Robinson J. Comparative Urbanism: New Geographies and Cultures of Theorizing the Urban. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2015, vol. 40 (1), pp. 187–199.
13. Robinson J., Roy A. Debate on Global Urbanisms and the Nature of Urban Theory. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2016, vol. 40 (1), pp. 181–186.
14. Zhang L.-Y. City Development Strategies and the Transition Towards a Green Urban Economy. *The Economy of Green Cities: A World Compendium on the Green Urban Economy*. Springer Netherlands, 2014, pp. 231–240.
15. Тяглов С.Г., Киселева Н.Н., Тимченко В.А. Современные этапы развития «зеленой экономики» в Российской Федерации. Ростов на/Д., 2017. 103 с.
16. Захарова Ж.А. Оптимизация условий для привлечения частных инвестиций в инфраструктуру регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 22. С. 49–57.
17. Шабанова К.Р. Инвестиционный потенциал республики Татарстан и барьеры для привлечения иностранных инвестиций в регион // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 433–435.
18. Прудникова А.Ю., Текин А.А. Проблемы и перспективы привлечения инвестиций в экономику регионов России // Экономическая среда. 2016. № 2 (16). С. 128–131.
19. Чуприкова Н.А. Приоритетные направления развития экономики регионов РФ в контексте привлечения инвестиций // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 11. С. 105–111.
20. Терлянский П.В., Мельников А.С. Факторы, определяющие инновационное развитие городской агломерации // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 4 (12). С. 62–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсипян Марина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и территориального управления. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21. E-mail: dept.eug@unecon.ru. Тел.: +7(812) 602-23-64.

Ovsipyan M.V.

SAINT PETERSBURG AGGLOMERATION: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

The purpose of the study is to identify ways to improve the region's competitiveness through using the principles of territorial analysis when planning the territory's development. The article covers the problems of Saint Petersburg agglomeration development. The analysis indicates that cooperation of two regions – Saint Petersburg and the Leningrad Oblast – is necessary as the city needs to expand its spheres of influence, and the region needs investment. The study reveals that, although the opportunities of the two regions differ significantly, their cooperation is necessary. The article describes the criteria for establishing the boundaries of agglomeration based on the principles of territorial analysis, and identifies the factors ensuring the territory's sustainable development. The main conclusion is that the development of the Saint Petersburg agglomeration should be primarily focused on the environment because without this factor the increase in constructions volumes and other indicators affecting the growth rate of the region's economy will lower the quality of life due to environmental degradation. Taking into account the environmental factor will ensure the quality of life at the European level. Based on analysis of indicators affecting the development of agglomerations, it can also be concluded that the level of administrative barriers in territories' development is of particular importance: when developing methods to affect the development of agglomerations in Russia the level of

administrative barriers should be taken into account. The research novelty lies in the offer to use an integral indicator to assess the level of territory's development, which will determine agglomeration development potential. The materials of the article can be used by management structures to improve their methodological approaches to territory's development.

Territorial administration, economy, region, population, investment, infrastructure, development.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ovsipyan Marina Vladimirovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department of Public and Territorial Administration. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint Petersburg State University of Economics”. 21, Sadovaya Street, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation. E-mail: dept.eug@unecon.ru. Phone: +7(812) 602-23-64.

Качество жизни и человеческий потенциал территорий

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6

УДК 314:331.52 | ББК 60.7

© Барсуков В.Н., Шабунова А.А.

ТРЕНДЫ ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ¹

БАРСУКОВ ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: lastchaos12@mail.ru

ШАБУНОВА АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aas@vscc.ac.ru

Последствия старения населения находят свое отражение во многих отраслях общественной жизни. С учетом глобальности и необратимости данного явления, а также того факта, что большинство развитых и развивающихся стран завершили фазу реализации демографического дивиденда, трудовой потенциал старшего поколения становится одним из главных ресурсов поддержания устойчивых темпов социально-экономического развития «стареющих» государств. В то же время многие из барьеров, препятствующих его эффективной реализации, по-прежнему остаются актуальными. Во многом это определяется не только характеристиками социально-демографической группы пожилых людей, но и институциональными факторами. В целях определения возможных направлений повышения эффективности реализации трудового потенциала старшего поколения все большую актуальность

Цитата: Барсуков В.Н., Шабунова А.А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 87–103. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6

Citation: Barsukov V.N., Shabunova A.A. The trends in changing labor activity of the older generation amid population ageing. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 87–103. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-02-00301/16 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

приобретают исследования в области изучения всей совокупности факторов и тенденций изменения активности пожилых людей на рынке труда. Целью данной статьи стало выявление и изучение современных трендов изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения. В первой части работы представлены результаты анализа мировых тенденций трансформации компонентов трудовой активности старшего поколения, а также особенностей положения пожилых людей на рынке труда в России. Вторая часть исследования посвящена углубленному анализу трудовой активности населения предпенсионных и пенсионных возрастов по данным социологического опроса «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области» (2015–2018 гг.). Данные социологического опроса позволяют утверждать, что концентрация занятого населения старших возрастов постепенно смещается к предпенсионным и младшим пенсионным возрастам. Происходят серьезные изменения в структуре мотивации (нарастание значимости неэкономических мотивов). На сегодняшний день можно однозначно утверждать, что роль и значимость пожилых людей в социально-экономическом развитии возрастает, причем это находит свое отражение в росте ощущения собственной полезности обществу самим старшим поколением.

Старшее поколение, трудовая активность, рынок труда, старение населения.

Введение

Старение населения является одним из главных демографических вызовов XXI века для большинства развитых и развивающихся стран. Причины и последствия данного явления достаточно изучены [1; 2], однако до сих пор отсутствует единое понимание того, на каких принципах должна строиться социально-экономическая политика «стареющих» государств. Изменение возрастной структуры в сторону увеличения доли населения старших возрастных групп опосредованно влияет на все сферы жизнедеятельности общества [3; 4; 5]. Одной из наиболее острых становится проблема поддержания макроэкономического равновесия [6]. Ввиду того что уровень потребления в старших возрастах снижается [7], соответственно, сокращается и совокупный спрос, что ведет к возникновению дефляционного эффекта, выражающегося в спаде во многих отраслях экономики. Одним из главных ресурсов поддержания устойчивых темпов социально-экономического развития становится эффективная реализация трудового потенциала старшего поколения.

Можно с уверенностью утверждать, что Российская Федерация вступила в новую фазу социально-экономического развития в условиях старения населения. В июне 2018 года премьер-министр Д.А. Медведев объявил о старте реформы поэтапного повышения пенсионного

возраста до 65 лет для мужчин и 63 лет для женщин с 1 января 2019 года. Увеличение возраста выхода на пенсию – непопулярная, но необходимая мера в условиях старения населения, позволяющая создать определенный временной лаг для проведения реформ в сфере пенсионного обеспечения, социального страхования и изменений в других перекрестных институциональных единицах. Как и ранее, взгляды общественности на этот вопрос разделились на сторонников и противников данной меры. Однако следует отметить, что на текущий момент большинство мнений не носят радикального характера «за» или «против» с учетом как важности вероятного положительного финансового эффекта для бюджета ПФР, так и возможных рисков для населения.

Постепенно приходит осознание того факта, что данная мера неизбежна и внимание следует акцентировать на нивелировании вероятных негативных последствий, в частности, в трудовой сфере. Н.Б. Починок справедливо отмечает, что с 1932 года, когда был установлен существующий порог выхода на пенсию, произошло значительное смещение границы старости [8]. Данный аргумент в пользу увеличения пенсионного возраста соответствует теории проспективного старения Сандерсона и Щербова [9], главным постулатом которой является тезис о про-

исходящих во всем мире объективных изменениях взглядов на определение порога старости не только в биологическом, но и в социальном контексте. Однако в этой же заметке Н.Б. Починок отмечает необходимость подготовки подзаконных актов в сфере регулирования трудовой деятельности граждан старших возрастов, занятых, например, на тяжелых производствах. Именно проблема недостаточной готовности рынка труда к грядущим изменениям вызывает наибольшие опасения. Л.Е. Ржаницына высказывает мнение, что уже в ближайшие десятилетия вследствие разрабатываемых программ цифровизации и роботизации остаться без работы могут порядка 35% граждан РФ, причем практика «освобожденной» занятости в наибольшей степени затронет представителей старших возрастов [10]. Р.С. Гринберг полагает, что в текущих реалиях, когда цены на нефть несколько возросли и государство получает больше налогов, чем планировало, повышать пенсионный возраст (за которым может последовать и рост социальной напряженности) нет необходимости [10].

Приводимые обеими сторонами тезисы одинаково сильно аргументированы, что, однако, несколько заводит дискуссию в тупик. Объективно, повышение пенсионного возраста в условиях старения населения является общемировой тенденцией, в связи с чем в большей степени требуется сконцентрировать внимание на вопросах, связанных с его последствиями. В частности, необходимо четко понимать векторы социально-экономической политики, которые позволят, с одной стороны, поддерживать устойчивые темпы социально-экономического развития, с другой – обеспечить достаточный уровень и качество жизни населения. Как показывает опыт «стареющих» государств, несмотря на быстрые темпы научно-технологического прогресса и автоматизацию производств, потребность в труде представителей старших возрастов не только не сокращается, но и имеет тенденцию к росту. Однако повышение эффективности реализации потенциала пожилых людей требует серьезных шагов в сфе-

ре институционализации занятости данной возрастной группы, в связи с чем особую важность приобретают исследования в области изучения факторов и тенденций изменения параметров трудовой активности старшего поколения.

Мировые тренды изменения трудовой активности старшего поколения и особенности Российской Федерации

Международные сравнения и анализ трудовой активности старшего поколения в странах мира ограничены в виду различий в границах пенсионного возраста и наборе прав, определяющих возможности продолжения трудовой деятельности по его достижении. Однако обобщенные данные позволяют говорить о наличии некоторых единых международных трендов. В отчетах ОЭСР в качестве наиболее часто используемых показателей для сравнения используется «фактический» (реальный возраст выхода с рынка труда) и «нормальный» (законодательно установленный) возраст выхода на пенсию. Ниже представлены данные об их изменении в среднем для стран ОЭСР за период с 1971 по 2015 год (рис. 1).

Данные, представленные на рисунках, демонстрируют механизм формирования институциональной пенсионной «ловушки», которая является одним из главных факторов возникновения бюджетных рисков в странах ОЭСР. Исходя из данных графика можно заключить, что с 1970-х по 2000-е годы фактический возраст выхода на пенсию стремительно снижался, в то время как нормальный пенсионный возраст имел тенденцию к увеличению с начала 1990-х годов. Для того чтобы понять причины таких изменений, обратимся к небольшой исторической справке. Во-первых, вторая половина XX века стала эпохой «расцвета» пенсионных систем развитых стран. В течение нескольких десятилетий охват населения пенсионными системами стал практически всеобъемлющим, а размер пенсионных пособий стал достаточным для поддержания достойного уровня и

Рис. 1. Изменения фактического и нормального возраста выхода на пенсию для мужчин (слева) и для женщин (справа) в странах ОЭСР за период с 1971 по 2015 год, лет

Источник: Pension at a Glance 2017: OECD and G20 indicators. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2017-en.pdf?expires=1527486537&id=id&accname=guest&checksum=62565D618BB44E9C50C412E3493D233E

качества жизни после завершения трудовой деятельности. Таким образом, проблема «вынужденной» занятости пожилых людей получила свое естественное решение. Во-вторых, параллельные тренды снижения рождаемости и смертности в развитых странах создали предпосылки для формирования демографического дивиденда (доля трудоспособного населения достигла максимального исторического значения, в то время как удельный вес иждивенческих групп снизился), который достиг своего пика в 70–80-е годы XX века. В это время активно вводилась практика раннего выхода на пенсию из-за кризиса занятости, возникшего в те годы, разрабатывались специальные программы «освобожденной занятости» (Англия) или предпенсионных выплат (Германия) [11]. Однако через несколько десятилетий ситуация изменилась коренным образом: «благоприятная» возрастная структура сменилась «стареющей», а профицит на рынке труда сменился дефицитом. Помимо этого при колоссальном снижении фактического роста выхода на пенсию заметно увеличилась продолжительность жизни в пенсионном возрасте (с 10,8 до 18,1 лет у мужчин и с 14,7

до 22,5 у женщин) [12]. Возникшая ситуация стала классическим проявлением «эффекта кобры», создав проблемы сразу в двух проекциях: дефиците бюджетов пенсионных систем и потребности в трудовых ресурсах.

Осознание факта, что в условиях старения населения трудовой потенциал старшего поколения является определяющим фактором поддержания устойчивых темпов социально-экономического развития, вынуждало правительства развитых стран проводить необходимые реформы (рис. 2).

Как можно увидеть из рисунка 2, в рамках обоих направлений существует возможность использования как количественных, так и качественных мер по нивелированию последствий демографического старения. Повышение пенсионного возраста – количественная мера, находящаяся на пересечении двух рассматриваемых направлений. С одной стороны, происходит увеличение численности и доли трудящегося населения (соответственно, пополняется база поступлений страховых взносов), с другой – происходит сокращение группы получателей пенсий. Безусловно, реформа повышения пенсионного

Рис. 2. Направления реформирования пенсионной системы и рынка труда в условиях старения населения

Источник: составлено авторами.

возраста является наиболее очевидным вариантом решения проблемы демографического старения и, на первый взгляд, наименее ресурсозатратным. Но, несмотря на потенциальный финансовый эффект, данная мера распространяется на краткосрочный период с необходимостью дальнейшего увеличения порога выхода на пенсию, который, в свою очередь, объективно ограничен продуктивной (с социально-экономической точки зрения) продолжительностью жизни населения. Более того, для проведения рассматриваемой реформы должен быть создан соответствующий экономико-демографический «фундамент», основными характеристиками которого выступают возможности (физическая, квалификационная и институциональная) и желание (установки, мотивация и ценности) старшего поколения к продолжению трудовой деятельности.

В 1990-х годах в странах ОЭСР стали вводиться меры по стимулированию занятости старшего поколения путем увеличения пенсионных пособий пропорционально количеству «отложенных» пенсионных лет. Однако такая мера также представляется не всегда оправданной, особенно в условиях, когда размер пенсионного пособия является относительно высоким, а объем прибавки – незначительным (например, в Бельгии и Норвегии каждый отработанный год увеличивает пенсию менее чем на 3%). В то же время в странах с меньшим размером пособий, низкой устойчивостью

пенсионных систем [13] и наиболее острой потребностью в труде пожилых людей (Япония, Южная Корея, Португалия, Эстония) индексация пенсий за каждый отработанный год превышает 10%.

Опыт реформирования пенсионных систем в странах ОЭСР показывает, что в подавляющем большинстве случаев увеличение пенсионного возраста является первой ступенью трансформации «дизайна» (или «архитектуры») пенсионной системы, позволяющей расширить пространственные и временные рамки для проведения соответствующих реформ [6]. Реформирование пенсионных систем в отдельных странах может иметь свои особенности, однако в условиях старения населения наблюдается единый вектор изменений: постепенный переход от солидарной (распределительной) к накопительной, с соответствующим увеличением индивидуальной ответственности гражданина за размер и состояние собственной пенсии, а также возрастающей ролью негосударственных пенсионных фондов с высокой инвестиционной активностью.

Как уже говорилось ранее, повышение пенсионного возраста – мера, имеющая краткосрочный эффект. В долгосрочной перспективе внимание должно быть сосредоточено на повышении производительности труда (далее – ПТ) населения, что в будущем должно смягчить последствия сокращения предложения на рынке труда. В табл. 1 пред-

**Таблица 1. Темпы прироста производительности труда
в некоторых странах мира (2002–2015 гг.), % к предыдущему году**

Год	Австралия	Канада	Франция	Германия	Япония	Южная Корея	Мексика	Россия	ЮАР	Турция
2002	0,372	1,535	2,881	1,227	1,92	6,036	-3,787	2,934	4,35	6,7
2003	2,065	0,069	0,504	0,81	1,418	4,795	3,071	0,668	7,161	6,443
2004	0,896	0,662	1,053	0,996	2,307	4,225	1,657	1,676	1,512	8,987
2005	0,668	2,381	0,819	1,515	1,536	4,317	-0,634	1,512	-3,065	5,71
2006	0,842	1,137	2,385	1,924	0,208	4,076	3,724	1,796	4,119	4,858
2007	0,671	0,156	-0,337	1,517	0,798	5,989	2,294	2,717	4,693	5,3
2008	0,717	-0,071	-0,776	0,187	-0,16	4,958	-3,073	0,503	-3,153	-0,301
2009	1,99	0,721	-0,768	-2,568	-1,111	1,626	0,551	-3,502	2,745	-4
2010	-0,22	1,104	1,41	2,473	3,267	7,232	-4,902	0,805	6,716	2,576
2011	2,008	1,736	0,845	2,056	0,233	6,429	3,06	1,404	0,297	5,416
2012	2,204	-0,113	0,239	0,621	0,935	-2,914	0,759	0,604	1,071	2,095
2013	1,894	1,415	1,324	0,799	2,065	5,37	-0,424	-0,408	-0,274	6,756
2014	1,491	2,209	0,826	0,401	0,038	-0,924	2,647	0,184	-0,225	0,074
2015	1,022	0,654	0,814	0,767	1,452	1,74	0,062	-1,063	-0,193	3,066

Составлено по: данные ОЭСР. URL: <http://www.oecd.org/employment/ageingandemploymentpolicies.htm>

ставлено изменение темпов прироста ПТ (по методике ОЭСР производительность труда рассчитывается как отношение валовой добавленной стоимости в рыночных ценах на отработанный час) в некоторых странах мира с 2002 по 2015 год.

Как можно увидеть из таблицы 1, темпы прироста ПТ в мире сокращаются, так же как и разброс показателей в отдельных странах мира. Безусловно, наибольшее влияние на ПТ оказывают кризисные явления (например, мировой финансовый кризис 2008 года), в период которых наблюдается ее снижение. Однако с наступлением периода восстановления экономики ПТ вновь начинает возрастать. В свою очередь, старение населения (а именно сокращение доли населения трудоспособного возраста) создает существенные ограничения для повышения роста ПТ. Из таблицы 1 видно, что наибольшие темпы прироста ПТ за рассматриваемый период наблюдались в Южной Корее, Турции и ЮАР – странах, завершающих стадию реализации демографического дивиденда, которая предшествует старению населения и является наиболее благоприятной с экономической точки зрения, т. к. доля трудоспособного населения достигает своего исторического максимума. После реализации демографического «бонуса» прирост ПТ в этих странах также будет

менее значительным. Таким образом, последствия демографического старения создают сложную ситуацию, когда, с одной стороны, требуется увеличивать ПТ в целях сохранения темпов экономического роста, а с другой – изменение возрастного состава населения в сторону его «старения» существенно снижает темпы прироста реальной ПТ.

ПТ является краеугольным камнем концепции «экономики поколений» Р. Ли и Э. Мэйсона, рассматривающей возможные варианты реализации ресурсного потенциала старшего поколения и раскрытие «второго демографического дивиденда» [7]. Фактически, при сокращении доли трудоспособного населения ПТ должна существенно возрастать, т. к. с уменьшением использования одного из факторов на его единицу приходится больший результат производства, однако на практике мы наблюдаем ее сокращение. Снижение прироста ПТ в мире связано не только с возрастающей численностью и долей, но и ролью пожилых людей в экономическом развитии. С учетом роста удельного веса пожилых людей включенность старшего поколения в процессы производства, потребления, распределения и накопления также увеличилась. Однако эти позитивные изменения имеют и обратную сторону: «старение» рабочей силы ведет к изменению характера произ-

водства. Одним из наиболее важных конкурентных преимуществ пожилых работников является большой опыт, но имеющиеся у них навыки значительно устаревают к концу экономического жизненного цикла индивида, что во многом определяется ускоренным технологическим прогрессом [3]. Таким образом, на рынке труда возникает несоответствие между потребностями инновационной экономики в кадрах и квалификацией населения, снижается адаптируемость к новым условиям. Эта проблема является еще одной гранью последствий старения населения: возникает не только количественный, но и качественный дефицит на рынке труда.

Решение проблемы было найдено в следующем. Многими странами мира вводятся ограничения на досрочный выход на пенсию, выражающиеся, в частности, в снижении размера пенсионного пособия, получаемого до достижения законодательно установленного возраста. Мотивом внедрения подобного рода практик стала задача по обеспечению максимальной занятости населения предпенсионных возрастов (чья адаптируемость к нововведениям несколько выше), т. к. для государства этот ресурс является наиболее эффективным способом поддержания баланса на рынке труда, величины совокупного спроса и экономической стабильности страны. Обратимся к данным, отражающим динамику уровня занятости населения в возрасте 55–64 лет в некоторых странах мира за период с 2000 по 2016 год (рис. 3).

Из графика видно, что тренд увеличения занятости населения в возрасте 55–64 лет является единым для развитых стран. При этом важно отметить, что параллельно наблюдается снижение занятости молодежи в возрасте 15–24 лет, что в сумме демонстрирует смещение трудовой активности населения к старшим возрастам. Также обратим внимание на тот факт, что в развивающихся странах, которые на текущий момент находятся на стадии реализации демографического дивиденда (ЮАР, Турция, Китай, Индия), наблюдается сокращение уровня занятости как в группе молодежи, так и в группе пожилых

людей. Происходит это по причине возникновения уже упоминаемого кризиса занятости, т. к. доля трудоспособного населения достигает исторического максимума, и рынок труда вынужден ограничивать присутствие групп населения, по формальным причинам относящихся к числу непроизводительных. Также отдельно следует обратить внимание на Исландию, где тренды изменения занятости кардинальным образом отличаются от других стран. Наблюдаемый рост занятости населения в группе 15–24 лет при отсутствии каких-либо значимых изменений этого показателя среди населения 55–64 лет, обусловлен тем, что включенность представителей предпенсионных возрастов в трудовую деятельность на текущий момент является самой высокой в мире (82%) и дальнейшее расширение происходит очень низкими темпами. Таким образом, повышение уровня занятости населения старших возрастов ограничивается определенным естественным пределом, в связи с чем акцент в большей степени делается на стимулировании трудовой активности представителей младших поколений. Отметим, что этого предела в скором времени может достигнуть и ряд других стран (Норвегия, Швеция, Швейцария, Япония, Новая Зеландия), где уровень занятости населения 55–64 лет превышает 70% [13].

На трудовую активность старшего поколения оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов. Условно их можно разделить на внутренние (индивидуальные) и внешние (институциональные). К индивидуальным факторам относятся состояние здоровья населения старших возрастов, уровень квалификации и мотивы к продолжению трудовой деятельности на пенсии. Отметим, что здоровье является своего рода «ядром», базовой характеристикой. Данные ОЭСР свидетельствуют о том, что уровень занятости населения старших возрастов существенно коррелирует с ожидаемой продолжительностью жизни в пенсионном возрасте [13]. Важно также отметить значимость уровня квалификации населения. В 2015 году в среднем по странам ОЭСР трудовую деятельность в стар-

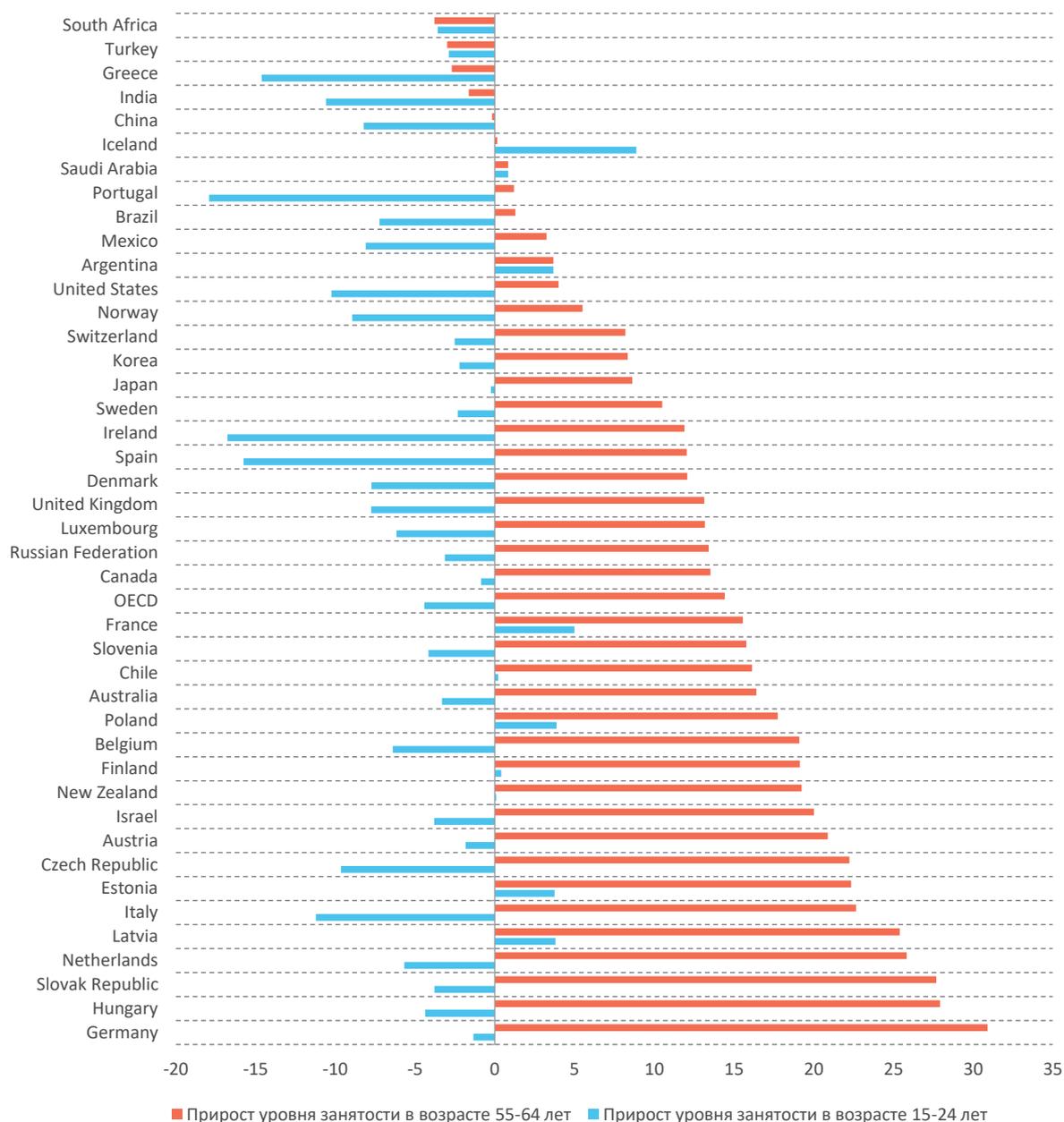

Рис. 3. Динамика изменения показателей уровня занятости населения в некоторых странах мира за период с 2000 по 2016 год (+/-), %

Источник: Pension at a Glance 2017: OECD and G20 indicators. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2017-en.pdf?expires=1527486537&id=id&accname=guest&checksum=62565D618BB44E9C50C412E3493D233E

ших возрастах продолжали 44% населения с начальным уровнем образования, 58% – со средним и 72% – с высшим. Наиболее сложной с точки зрения оценки влияния на трудовую активность в старших возрастах является мотивационная составляющая. В докладе ОЭСР [13] отмечается, что в наиболее развитых странах мира занятость пожилых людей следует характеризовать как «осознанную» и

в меньшей степени как подверженную влиянию экономических мотивов, в то время как на территориях с низким уровнем и качеством жизни старшего поколения она, как правило, носит «вынужденный» характер.

Институциональные факторы чаще всего носят вторичный характер, однако являются важным регулятором организационно-правовых отношений в сфере труда пожилых лю-

дей. Государство имеет в своем распоряжении ряд инструментов, которые, в разной степени, могут оказать влияние на трудовую деятельность населения в пожилом возрасте: повышение пенсионного возраста, финансовые регуляторы, принятие нормативно-правовых актов (например, ограничивающих возможность выхода на досрочную пенсию). Важнейшими внешними факторами также являются общественное восприятие пожилых людей и позиция работодателя. В одном из ранних исследований на уровне стран мира нами было доказано [14]: чем ниже уровень дискриминационных настроений в отношении пожилых граждан на определенной территории, тем выше уровень и качество их жизни, а также включенность в процессы производства и распределения. Таким образом, уровень занятости пожилых людей может быть обусловлен различным набором факторов, степень влияния которых определяется социально-демографическими особенностями населения и социально-экономическим положением страны.

Сложившаяся система организационно-правовых отношений в сфере пенсионного обеспечения и труда пожилых людей в Российской Федерации позволяет говорить о ней как об абсолютно уникальной с точки зрения мировой практики [15; 16]. На это есть целый ряд причин.

Во-первых, нормальный пенсионный возраст в Российской Федерации существенно ниже, чем в среднем по странам ОЭСР, где он составляет 64,3 года для мужчин и 63,4 года для женщин (в России 60 и 55 лет соответственно).

Во-вторых, фактический возраст выхода на пенсию в РФ составляет 63,2 года для мужчин и 60,2 года для женщин [9], что является аргументом в пользу повышения пенсионного возраста. Однако ожидаемая продолжительность жизни в фактическом возрасте составляет 13,1 лет для мужчин и 17,6 лет для женщин, что немногим превышает аналогичные показатели в странах ОЭСР 50-летней давности. Таким образом, здоровье населения старших возрастов является главным барьером повышения пенсионного возраста. При этом по уровню демографической

«старости» Российская Федерация находится рядом с развитыми странами [17], что, соответственно, определяет наличие схожих негативных последствий старения населения (дефицит бюджета пенсионного фонда и нарастающий дефицит рынка труда).

В-третьих, одной из наиболее важных институциональных характеристик занятости пожилых людей в России является возможность трудиться после выхода на пенсию, не теряя возможности получать пенсионное пособие по старости (статья 21 Федерального закона № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [18]). Подобное комбинирование характерно также для ряда стран мира (например, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Япония, Норвегия и США [9]), однако имеет ограничения в виде существенного снижения заработной платы либо пенсионного пособия.

Сохранение практики совмещения трудовой занятости и получения пенсионного пособия в полном объеме объясняется двумя причинами. Во-первых, данный экономический «бонус» позволяет поддерживать достаточно высокий уровень занятости в пожилом возрасте. Во-вторых, статус «пенсионера» как человека, прекратившего свою трудовую деятельность, с высокой вероятностью предопределяет низкую материальную обеспеченность в пожилом возрасте [19]. С 2010 по 2016 год значение коэффициента замещения (отношение среднего размера пенсии к среднему размеру заработной платы) в России снизилось с 35,7% до 33,7% [20]. Фактически, размер пенсий в РФ в среднем составляет лишь треть от средней заработной платы по стране. Для сравнения обратимся к размерам коэффициента замещения в странах мира (табл. 2).

По данным за 2014 год коэффициент замещения в подавляющем большинстве развитых стран превышал 50%. Например, в Нидерландах он составляет 94%, в Великобритании – 90,5%, в США 88,8%, т. е. даже при прекращении трудовой деятельности представитель старшего поколения не испытывает экономического «шока» и может

Таблица 2. Размер коэффициента замещения в некоторых странах мира, 2014 год

Страна	Коэффициент замещения (отношение среднего размера пенсии к среднему размеру заработной платы), %
Исландия	82,6
Швеция	64,4
Германия	50,0
Великобритания	90,5
США	88,8
Нидерланды	94,0
Швейцария	55,7
Австралия	79,8
Россия	33,2

Источник: Pension at a Glance 2015: OECD and G20 indicators. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en [21].

поддерживать уровень потребления на до-пенсионном уровне. В новом веке значение коэффициента замещения в России ни разу не поднималось выше 40% – предела, являющегося критическим, согласно данным Международной организации труда (МОТ). Безусловно, этот фактор вынуждает сокращать потребление и менять его структуру. Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что статус неработающего пенсионера в России с большой долей вероятности предопределяет его место среди социально уязвимых категорий населения.

Наиболее вероятным решением проблемы поддержания прежнего уровня жизни и потребления становится продолжение трудовой деятельности на пенсии: с 1997 по 2016 год доля работающих пенсионеров по старости в России возросла с 25,5 до 40% соответственно [20]. Однако если обратиться к официальным данным Росстата, то можно увидеть, что с 2016 по 2017 гг. доля работающих пенсионеров по старости снизилась с 40 до 24%. Такое масштабное снижение вызвано законодательным решением Правительства РФ, предусматривающим неиндексацию пенсий работающим пенсионерам. Т. е. для трети работающих пенсионеров приоритетом оказалась индексация пенсий, что многое говорит о характере занятости этой части старшего поколения: оплата труда является дополнением к пенсии, а не наоборот.

Таким образом, в текущих условиях (возможность одновременно получать пенсию и работать) сложно говорить о кардинальных изменениях в характере занятости старшего поколения. По-прежнему среди работающих пенсионеров по старости высока доля «вынужденных» работающих в связи с низким уровнем пенсий.

Обратимся к основным показателям занятости населения пенсионного возраста в субъектах Российской Федерации (ранжировано по доле населения пенсионного возраста; табл. 3).

Важной особенностью является отсутствие прямой корреляции между долей пожилых людей и уровнем занятости в регионах. Т. е. фактически, старение населения не является определяющим фактором увеличения доли трудящихся в старших возрастах. Определяющими становятся институциональные факторы, в частности, готовность рынка труда обеспечить рабочими местами работников старших возрастов. Так, например, показатели занятости пожилых людей в мегаполисах (г. Москва и г. Санкт-Петербург) являются одними из самых высоких, в то время как по удельному весу пожилых людей они находятся на 30 и 31 местах соответственно. Однако важнее другое: время поиска работы представителями старшего поколения в рассматриваемых городах заметно ниже, чем в наиболее старых субъектах РФ и в среднем по России. При этом, если обратиться к данным на графике, можно увидеть, что с возрастом время поиска работы существенно не изменяется (рис. 4).

Таким образом, проблема занятости старшего поколения во многом определяется возможностями территории обеспечить их рабочими местами. Вероятно, наиболее развитые субъекты РФ имеют для этого гораздо лучшие стартовые условия, в связи с чем уровень занятости старшего поколения в них существенно выше. В исследовании [19] отмечается, что примерно пятая часть неработающего населения (21%) согласилась бы на посильную работу, если бы поступило предложение. Следовательно, субъектам РФ требуется создавать благоприятные условия для повышения эффективности использова-

Таблица 3. Показатели занятости населения пенсионного возраста в субъектах Российской Федерации, 2016 год

Субъект РФ	Доля населения пенсионного возраста	Уровень занятости населения пенсионного возраста, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы, месяцев
1. Тульская область	30,2	33,5	3,1	9,4
2. Рязанская область	29,9	22,1	1,7	10,4
3. Тамбовская область	29,9	21,5	0,1	15,0
4. Псковская область	29,3	34,1	3,7	8,6
5. Новгородская область	29,1	30,6	4,3	10,0
6. Пензенская область	29,1	31,3	1,6	6,7
7. Тверская область	29	32,7	3,0	9,4
8. Владимирская область	28,9	24,5	1,3	11,5
9. Орловская область	28,7	28,9	1,2	6,9
10. Кировская область	28,6	27,7	1,8	7,8
...				
30. г. Москва	26,8	39,2	0,6	4,6
31. г. Санкт-Петербург	26,7	40,6	0,4	2,3
...				
76. Ненецкий автономный округ	17,8	36,7	1,6	1,0
77. Тюменская область	16,9	26,1	2,7	8,8
78. Республика Саха (Якутия)	16,4	39,7	3,9	8,6
79. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	14,8	27,2	5,7	8,4
80. Чукотский автономный округ	13,9	60,7	1,2	10,1
81. Республика Дагестан	13,2	32,0	1,6	8,1
82. Республика Ингушетия	12	34,8	7,5	13,4
83. Республика Тыва	11,1	24,3	6,1	12,5
84. Ямало-Ненецкий автономный округ	10,8	32,7
85. Чеченская Республика	10	12,0	7,0	10,4

Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>

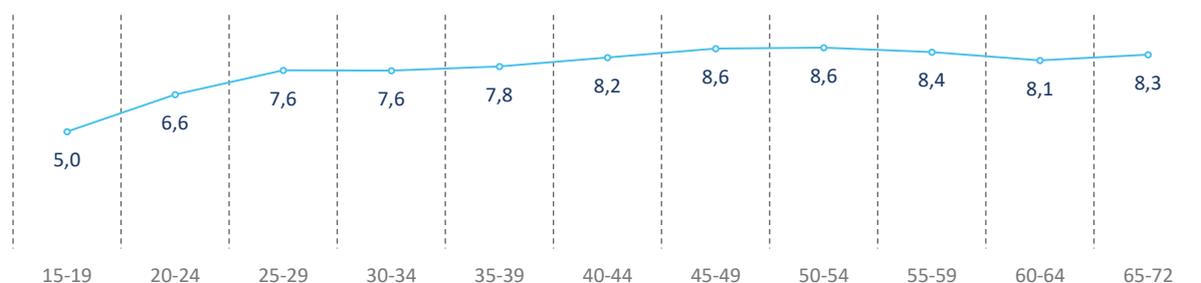

Рис. 4. Среднее время поиска работы безработными по возрастным группам в 2016 году

Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>

ния нереализованного трудового потенциала старшего поколения. С учетом того, что статус пенсионера в России предопределяет место в категории социально уязвимого населения, стимулирование занятости пожилых людей может стать не только фактором поддержания социально-экономического развития в условиях старения населения, но и способом повышения качества жизни данной социально-демографической группы.

Трансформация параметров трудовой активности старшего поколения в Вологодской области по данным социологического опроса

Старение населения представляет собой системное явление с множественными социально-экономическими последствиями. Наряду с количественными изменениями происходят качественные трансформации многих сфер общественной жизни, в том числе и тру-

довой. В связи с тем, что трудовая активность старшего поколения в условиях старения населения выступает одним из наиболее существенных ресурсов поддержания устойчивого развития территорий, особую актуальность приобретают научные исследования в данной области. При этом имеющаяся статистическая информация не позволяет оценить множество параметров трансформационных процессов в сфере труда пожилых людей (например, мотивационные и ценностные ориентации). В соответствии с важностью и актуальностью проблемы в 2018 году Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» провел второй этап социологического исследования «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области» (первый этап был проведен в 2015 году). Объем выборки составил 1500 человек населения старше 50 лет. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения Вологодской области старше 50 лет (согласно половозрастным показателям статистических сборников), что позволяет оценивать полученные результаты как достоверные. Для определения территориальных особенностей в исследовании отдельно выделены два крупных города – Вологда и Череповец, в отдельную группу вынесены восемь муниципальных районов Вологодской области. Ошибка выборки по опросу не превышает 4%. Существенная часть вопросов была посвящена изучению различных аспектов трудовой активности населения пожилого возраста. По сравнению с анкетой 2015 года было добавлено несколько новых вопросов.

Определение возрастных рамок от 50 лет и более было продиктовано необходимостью

оценки настроений населения предпенсионного возраста относительно продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию. Обращает на себя внимание тот факт, что доля респондентов, не планирующих оформлять пенсию в первый же год после выхода на пенсию, возросла с 22% в 2015 году до 27% в 2018 году. В то же время практически каждый третий (32%) пока не принял однозначного решения по данному вопросу. В целом подобные изменения могут косвенно свидетельствовать о позитивном эффекте существующей системы бонусов за отложенные годы выхода на пенсию. Распространение данной модели поведения в предпенсионных возрастах может привести к некоторому снижению темпов роста дефицита бюджета Пенсионного фонда России.

На вопрос «Планируете ли Вы продолжить трудовую деятельность на пенсии?» утвердительно ответило только 34% опрошенных (в 2015 году – 35%). Таким образом, потенциальный ресурс пополнения рабочей силы со стороны пожилых трудящихся в Вологодской области остался прежним. В то же время структура мотивов на продолжение трудовой деятельности рассматриваемой социально-демографической группы заметно изменилась (табл. 4).

По-прежнему главным мотивом к продолжению трудовой деятельности на пенсии является потребность в дополнительном заработке (84%), однако удельный вес выбравших этот вариант ответа с 2015 года снизился на 10%. При этом на 15% увеличилась доля населения, мотивация которых определяется желанием приносить пользу обществу. Результаты исследования также свидетельствуют о том, что население предпенсионных

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Что мотивирует Вас на продолжение трудовой деятельности?», %

Вариант ответа	Доля респондентов	
	2015 год	2018 год
Потребность в дополнительном заработке	94,0	84,0
Желание приносить обществу пользу	10,6	25,2
Потребность в общении	15,2	23,7
Другое	0,7	0,8
Затрудняюсь ответить	3,3	1,5

возрастов в большей степени стало чувствовать свою полезность государству и обществу (с 34% в 2015 году до 42,5% в 2018 году). Как показывают зарубежные исследования [22], чувство собственной значимости старшего поколения возрастает по мере нарастания дефицита трудовых ресурсов. Во многих отраслях экономики пожилых людей стимулируют на продолжение трудовой деятельности ввиду отсутствия подходящей замены. Рост значимости потребности в общении – еще одно важное изменение в структуре мотивации на продолжение трудовой деятельности (прирост на 8,5%). В целом же мы можем говорить о том, что в Вологодской области наблюдается постепенное смещение вектора мотивов от «экономических» (во многом вынужденных) к «неэкономическим» (потребность в общении и желание приносить пользу обществу). Данные явления во многом совпадают с трансформацией характера занятости старшего поколения в развитых странах. Вероятно, введенное на законодательном уровне ограничение на индексацию пенсий при продолжении трудовой деятельности несколько изменило состав рабочей силы населения старших возрастов именно в части мотивационной составляющей, фактически «отсеив» довольно существенную часть населения, для которого трудовая деятельность являлась только инструментом получения заработной платы как «бонуса» к уже имеющемуся пенсионному пособию.

В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что планируемое число лет, которое представители предпенсионного возраста собираются проработать на пенсии, в среднем выросло с 5,5 до 8 лет. Для мужчин этот показатель составил 9 лет, для женщин – 6 лет.

В то же время следует указать, что 45% респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос, в связи с чем прогнозируемое увеличение продолжительности трудовой жизни в перспективе может быть не столь значимым.

Переходя к оценке трудовой активности населения пенсионного возраста, отметим, что за период с 2015 по 2018 год доля продолживших трудиться на пенсии практически не изменилась (45 и 44,5% соответственно), что противоречит выдвинутой нами в 2015 году гипотезе о потенциальном увеличении первичной включенности старшего поколения на рынке труда. При этом в некоторых аспектах изменения мотивации на продолжение трудовой деятельности население пенсионного возраста повторяет тренды, выявленные в группе предпенсионных возрастов (табл. 5). В первую очередь это выражается в увеличении значимости мотива, отражающего важность выполнения общественно полезной деятельности. Также необходимо отметить, что если в 2015 году потребность в общении была в наибольшей степени характерна для самых старших возрастов (70%), то на текущий момент значение этого показателя выровнялось для всех возрастных групп.

В рамках проведенного исследования было выявлено, что около половины пенсионеров (45%) из числа тех, кто продолжил работать после выхода на пенсию, трудятся до сих пор, что соответствует показателю 2015 года (табл. 6).

В то же время структура занятых несколько изменилась. Касается это в первую очередь смещения концентрации занятости населения старших возрастов к предпенсионным и «молодым» пенсионным возрастам, тогда как доля работающих в возрасте 65–69 лет и 70+ лет сократилась на 14 и 7% соответственно.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Что мотивирует Вас на продолжение трудовой деятельности?», %

Вариант ответа	Доля респондентов	
	2015 год	2018 год
Потребность в дополнительном заработке	81,1	83,7
Желание приносить обществу пользу	12,9	21,3
Потребность в общении	20,5	23,9
Другое	1,0	3,2
Затрудняюсь ответить	3,9	7,0

Таблица 6. Распределение утвердительных ответов на вопрос «Работаете ли Вы в данный момент?», % от тех, кто продолжил работать после выхода на пенсию и получает пенсионное пособие

Год	Всего	Пол		Возраст				
		мужчины	женщины	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
2015	44,8	48,3	43,3	78,9	73,8	52,2	39,3	9,0
2018	45,3	48,5	44,1	75,0	87,5	54,5	25,0	2,4

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Что стало причиной прекращения Вами трудовой деятельности?» (вопрос для тех, кто получает пенсию), % от числа тех, кто не работает на данный момент

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст				
		мужчины	женщины	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
Не было необходимости, хотелось на заслуженный отдых	31,1	29,5	31,8	3,2	21,4	28,2	32,4	40,7
Неудовлетворительное состояние здоровья	29,8	32,4	28,7	19,4	14,3	26,2	32,9	41,0
Вынужденное увольнение (сокращение, увольнение по требованию работодателя)	13,2	15,2	12,4	12,9	12,4	12,1	13,5	14,6
Невозможность совмещения домашних обязанностей (воспитание внуков и др.) и трудовой деятельности	6,8	2,7	8,6	6,5	2,9	9,4	6,8	7,0
Хотелось посвятить больше времени любимому делу, хобби, саморазвитию	6,5	7,1	6,3	6,5	2,9	6,7	8,1	7,6
Другое	2,1	3,6	1,4	0,0	1,9	2,0	3,2	1,7
Затрудняюсь ответить	25,4	22,9	26,5	58,1	52,9	29,9	17,1	7,9

Основными причинами завершения трудовой деятельности, особенно в самых старших возрастах, выступают неудовлетворительное состояние здоровья и желание уйти на заслуженный отдых (табл. 7). Важно отметить, что, как и в 2015 году, порядка 13% населения старших возрастов попали под сокращение или были вынуждены уйти с работы по требованию работодателя. Причем это является характерным явлением для всех рассматриваемых возрастов и позволяет предположить, что уровень распространенности подобного рода практик является стабильным на протяжении длительного периода времени. Также стоит обратить внимание на тот факт, что 9% женщин вынуждены были завершить свою трудовую деятельность по причине невозможности ее совмещения параллельно с выполнением домашних обязанностей.

Важной для оценки показателей выступает заинтересованность неработающих пенсионеров в возобновлении трудовой деятельности. Результаты опроса 2018 года свидетельствуют о том, что лишь 13% неработающих пожилых людей готовы взяться за посильную работу, если бы им поступило предложение. Отметим,

что в 2015 году на подобное предложение готовы были откликнуться порядка 21% респондентов. Наблюдаемое снижение произошло преимущественно ввиду существенного снижения заинтересованности в труде представителей старше 65 лет. При этом среди неработающего населения в возрасте 50–54 лет доля готовых согласиться на посильную работу составляет порядка 33%. На наш взгляд, несмотря на наблюдаемое снижение, резервы повышения трудовой активности старшего поколения (особенно в предпенсионных и младших пенсионных возрастах) представляются достаточно высокими.

Заключение

В завершение отметим наиболее важные полученные результаты. Мировые тенденции трансформации рынка труда демонстрируют постепенное смещение структуры занятости в сторону старших возрастов. Институциональная пенсионная «ловушка», вызванная дисбалансом в изменении нормального и фактического возраста выхода на пенсию, вынуждает правительства развитых стран проводить соответствующие реформы в области повыше-

ния эффективности реализации потенциала старшего поколения. На текущий момент политика «стареющих» государств ОЭСР направлена на активное повышение трудовой активности населения предпенсионных возрастов, чья адаптируемость к нововведениям несколько выше, чем у населения пенсионного возраста, а актуальность имеющихся компетенций не столь значимо устаревает к концу жизненного цикла индивида. Важно также указать, что происходит качественный переход от «вынужденного» (преобладание экономических мотивов) к «осознанному» (преобладание неэкономических мотивов) характеру занятости пожилых людей.

Как показало проведенное исследование, несмотря на то что организационно-правовые отношения в сфере пенсионного обеспечения и трудовой занятости старшего поколения в Российской Федерации существенно разнятся с общемировой практикой, многие из мировых трендов находят свое отражение в нашей стране. Данные социологического опроса позволяют утверждать, что концентрация занятого населения постепенно смещается к предпенсионным и младшим пенсионным возрастам. Происходят серьезные изменения в структуре мотивации (нарастающие значимости неэкономических мотивов).

Относительно возможных резервов повышение трудовой активности в старших возрастах, следует обратить внимание на достаточно высокий уровень нереализованного трудового потенциала неработающего населения в возрастах от 50 до 59 лет. На сегодняшний день можно однозначно утверждать, что роль и значимость пожилых людей в социально-экономическом развитии возрастает, причем главным маркером является рост ощущения собственной полезности самим старшим поколением.

Повышение пенсионного возраста в России требует параллельных шагов государства в сфере институционализации занятости населения старших возрастов. Социально-демографическая группа пожилых людей является крайне неоднородной, что безусловно требует введения дифференцированных мер. Главными задачами должны стать обеспечение гарантий занятости в старших возрастах и повышение гибкости рынка труда. По параметрам дожития и состояния здоровья населения старших возрастов Российская Федерация заметно уступает развитым странам. Этот фактор должен учитываться при разработке мер по стимулированию занятости старшего поколения (в частности, создание адаптированных рабочих мест).

ЛИТЕРАТУРА

1. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 512 с.
2. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения. М.: Прогресс, 1977. 520 с.
3. Зиберт Х. Эффект кобры. Как можно избежать заблуждений в экономической политике. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. 244 с.
4. Golini A. *Demographic trends and aging in Europe. Prospects, problems and policies*. Genus, 1997, vol. 53, pp. 33–74.
5. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
6. *Adequate and sustainable pensions. Joint report by the Commission and the Council*. URL: http://europa.eu.int/comm/employment_social/socprot/pensions/index_en.htm
7. Lee R., Mason A. *Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy*. New York: WESS background paper, 2015. 35 p.
8. Починок Н.Б. Порог старости // Официальный сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/751570/natalia-pochinok/porog-starosti>
9. Sanderson W., Scherbov S. *Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging*. PLoS ONE, 2015, vol. 10, URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0121922>
10. Россиян оставят без пенсии? URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2018/06/07/1708798.html>

11. Зеликова Ю. А. Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб.: Норма, 2014. 224 с.
12. *Pension at a Glance 2017: OECD and G20 indicators*. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2017-en.pdf?expires=1527486537&id=id&accname=guest&checksum=62565D618BB44E9C50C412E3493D233E
13. *Pension Sustainability Index 2014*. URL: <http://www.allianz.ru/upload/iblock/960/960d4c19f5004413d9afec71e085328a.pdf>
14. Барсуков В.Н. Оценка дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 429. С. 82–90.
15. Пенсионная реформа в России: результаты мониторинга социально-экономического положения населения и зарубежный опыт. М.: Институт социологии РАН, 2007. 80 с.
16. Проблемы законодательного обеспечения пенсионной реформы в Российской Федерации. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/vestniksf_index17.htm
17. *World Population Ageing 2013*. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml>
18. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525
19. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 195–213.
20. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>
21. *Pension at a Glance 2015: OECD and G20 indicators*. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en
22. Barr N. *The welfare state as piggy bank*. OUP Oxford, 2001. 316 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсуков Виталий Николаевич – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: lastchaos12@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Шабунова Александра Анатольевна – директор, доктор экономических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: aas@vscc.ac.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-03.

Barsukov V.N., Shabunova A.A.

THE TRENDS IN CHANGING LABOR ACTIVITY OF THE OLDER GENERATION AMID POPULATION AGEING²

The effects of population ageing are reflected in many sectors of public life. Given the global nature and irreversibility of this phenomenon, as well as the fact that most developed and developing countries have completed the phase of demographic dividend, the labor potential of the older generation is becoming one of the main resources for sustaining the socio-economic development of ageing states. At the same time, many barriers to its effective implementation remain relevant. This is largely determined by the characteristics of the socio-demographic group of elderly people, as well as by institu-

² The study is supported by project of the Russian Foundation for Fundamental Research no. 16-02-00301/16 “Secondary socialization of elderly people as a factor in the quality of life: trends, problems, mechanisms”.

tional factors. In order to determine the possible areas of increasing the efficiency of labor potential realization of the older generation research into the factors and trends in changes in the activities of the elderly on the labor market is becoming more relevant. The purpose of the paper is to identify and study the current trends reflecting the changes in the labor activity of the older generation amid population ageing. The first part presents the results of analysis of global trends in transformation of components of labor activity of the older generation, as well as the situation of the elderly people in the labor market in Russia. The second part is devoted to the in-depth analysis of labor activity of people of pre-retirement and retirement age according to the sociological survey "Quality of Life of Elderly People in the Vologda Oblast" (2015–2018). Data of the sociological survey suggest that the concentration of the employed of older ages is gradually shifting towards people of pre-retirement and younger retirement age. Significant changes in the structure of motivation (growing importance of non-economic motives) take place. It can be stated that the role and importance of elderly people in the socio-economic development is currently increasing; this is reflected in the fact that the representatives of the older generation become aware of their growing importance for the society.

Older generation, labor activity, labor market, population ageing.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Barsukov Vitalii Nikolaevich – Junior Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: lastchaos12@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Shabunova Aleksandra Anatol'evna – Director, Doctor of Economics, Associate Professor. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: aas@vscc.ac.ru. Phone: +7(8172) 59-78-03.

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.7

УДК 331.5 | ББК 65.24

© Санкова Л.В., Мирзабалаева Ф.И.

РЕГИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ РЫНКОВ ТРУДА И ВЫЗОВЫ ПОЛИТИКЕ ЗАНЯТОСТИ

САНКОВА ЛАРИСА ВИКТОРОВНА

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.
Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77
E-mail: etpk@sstu.ru

МИРЗАБАЛАЕВА ФАРИДА ИСЛАМУДИНОВНА

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36
E-mail: kafedra-etiz@yandex.ru

Современное пространство российского рынка труда характеризуется неоднородностью, различной скоростью продвижения к новым, «цифровым» профилям занятости и различной эффективностью мер политики занятости. Неравномерность в развитии региональных рынков труда определяет возможности и ограничения политики занятости. Целью статьи являются анализ асимметрии региональных рынков труда России, определение связанных с этим ограничений и вызовов, учет которых может способствовать повышению эффективности мер политики занятости в новых социально-экономических условиях развития регионов. В качестве методологической базы исследования использованы общенаучные, статистические методы. В целях кластеризации региональных рынков труда России использованы карты Кохонена на аналитической платформе Deductor. Оценка состояния региональных рынков труда проводилось на основе данных Федеральной службы государственной

Цитата: Санкова Л.В., Мирзабалаева Ф.И. Региональная асимметрия рынков труда и вызовы политике занятости // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 104–123. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.7

Citation: Sankova L.V., Mirzabalaeva F.I. Regional asymmetry of labor markets and the challenges to the labor policy. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 104–123. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.7

статистики за период 2010–2016 гг.³ В качестве параметров, определяющих региональную асимметрию развития рынков труда, выделены следующие: уровень занятости населения, уровень общей безработицы (по методологии МОТ), средняя продолжительность поиска работы, удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, коэффициент напряженности на рынке труда, рейтинг социально-экономического развития региона⁴. В соответствии с ними определены кластеры региональных рынков труда, состав которых относительно стабилен, что позволяет констатировать различную степень эффективности мер политики занятости, скорость и успешность преобразований региональной экономики. Проанализирована динамика средних значений выбранных показателей в рамках кластеров. Научная новизна результатов заключается в авторском подходе к определению и измерению региональной асимметрии региональных рынков труда России, идентификации новых вызовов для политики занятости. Выводы и рекомендации по результатам исследования могут найти практическое применение в деятельности органов власти на федеральном и региональном уровнях при разработке сценарных прогнозов рынков труда, проведении политики занятости, помогут повысить эффективность государственных программ, направленных на развитие «проблемных» региональных рынков труда.

Рынки труда, регионы, асимметрия, безработица, политика занятости.

Актуальность проблематики региональной асимметрии развития рынка труда определяется особой ролью региональных рынков труда в складывающейся новой системе координат пространственного развития экономики, отражением ее возможностей развиваться и отвечать на локальные и глобальные вызовы политике занятости. В последние годы наблюдается увеличение интереса к исследованию неоднородности региональных рынков труда в силу ряда причин. С одной стороны, усиление неравномерности социально-экономического развития регионов России, новые агломерационные эффекты, миграционные потоки, возможности инвестирования в человеческий капитал, эффективность практик регионального менеджмента углубляют асимметрию рынков труда, внося вклад в усиление регионального неравенства занятости, безработицы, рабочих мест, доходов. С другой стороны, причиной выступают цифровая трансформация экономики в региональном разрезе и потенциальные ее эффекты для занятости, безработицы, структуры рабочих мест.

В качестве новых потенциальных источников роста асимметрии региональных рынков труда можно отметить изменение струк-

туры и динамики спроса на труд в связи с расширением определенных сегментов инновационной занятости, внедрение трудосберегающих технологий, развитие новых форм и видов занятости (в рамках которых формируются свои паттерны «устойчивости» и гарантии тех или иных аспектов трудовых отношений). Как показывает практика, внедрение данных технологий не снимает, а в некоторых случаях даже усугубляет проблематику нового неравенства на региональных рынках труда в связи с различными скоростями движения региональных систем занятости к конфигурации, определяемой как трендами социально-экономического, «цифрового» развития, так и складывающейся ситуацией.

Кроме того, необходимо учитывать факторы и процессы, определяющие сохранение депрессивности ряда региональных рынков труда. В исследованиях неравенства региональных рынков можно выделить несколько ведущих векторов: анализ неравенства рынков труда регионов и миграции; диспропорции в развитии рынков труда регионов, заработная плата и производительность; методология измерения неравенства; эконометрическое моделирование пространственного

³ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

⁴ РИА Рейтинг. URL: <http://www.riarating.ru>

неравенства; группировки региональных рынков; проблемы неравенства отдельных групп на рынках труда (в частности, молодежи [1]) и др. Интерес с позиций нашего исследования представляют результаты анализа конвергенции российских регионов по показателям заработной платы, уровня безработицы и среднедушевых доходов с использованием динамической модели с пространственными эффектами [2]. При наличии значимых положительных пространственных эффектов для заработной платы и уровней безработицы в то же время определено, что миграция не способствует конвергенции регионов.

Вместе с тем следует отметить, что пока в отечественных исследованиях положения новой экономической географии для объяснения роста дифференциации региональных рынков труда используются недостаточно.

Асимметрия в развитии региональных рынков труда выступает частью более общей проблемы – неравенства в развитии регионов в целом. Оно в свою очередь детерминировано неравномерностью географического распределения основных средств и технологий, характеристиками населения, рабочей силы и капитала в регионе, конкуренцией регионов за ограниченные ресурсы. В докладе Всемирного банка за 2009 год указывается, что пространственное неравенство формируется под влиянием таких факторов, как пространственная концентрация населения и агломерационные эффекты; экономическое расстояние и институциональные барьеры в широком смысле слова, в том числе барьеры границ, препятствующие проникновению товаров, услуг, инноваций.

В зарубежной литературе проблематика формирования равновесия на локальных рынках труда рассматривается в рамках модели локальных рынков труда [3–5]. Скорость корректировки региональных рынков труда и эластичность занятости во многом определяются институтами рынка труда и характеристиками региональных рынков труда [6].

Для российского рынка труда характерен некий синтез структурных проблем (низкая мобильность, масштабы неформального

сектора и др.) с постоянно низким уровнем безработицы в последние годы [7]. На фоне этого проблематика устойчивости положения региональных рынков труда – аутсайдеров вызывает опасения. Наличие регионов с высокой и низкой безработицей в одной и той же стране свидетельствует о низкой эффективности рынка труда и нерациональном использовании ресурсов. Асимметрия в показателях региональной безработицы может быть следствием как сложившихся показателей естественного уровня безработицы (определяемого экономическими, структурными и институциональными характеристиками регионов, эволюционирующими во времени), а также определяться различными моделями адаптации региональных рынков труда к внешним шокам.

В исследовании российских авторов С.Н. Растворцевой и Д.С. Терновского, исследующих проблемы концентрации экономической активности в российских регионах, показано, что увеличение параметров заработной платы в регионах способствует рассеиванию экономической активности, а ключевыми факторами концентрации экономической активности выступают сфера услуг, прямые иностранные инвестиции и плотность автодорог с твердым покрытием [8, с. 166].

Декомпозиция региональных вариаций по показателям безработицы и занятости позволяет констатировать значимость конкурентных преимуществ регионов, обуславливающих дифференциацию региональных рынков труда. Эти преимущества связаны с рядом материальных и нематериальных характеристик регионов, неизмеряемых параметров предложения труда, характера инновационной активности и эффективности институтов и регионального менеджмента.

Российские исследователи проблематику неравенства рынков труда рассматривают в контексте регионального неравенства в целом. В частности, Н.В. Зубаревич, С.Г. Сафронов [9] в качестве индикаторов социально-экономического неравенства регионов России используют взвешенные по численности населения региона индекс Джини и коэффи-

циент вариаций, что может рассматриваться в большей степени как некоторое следствие эффективности функционирования рынка труда в регионах.

Исследования российских авторов показывают более низкую скорость региональной конвергенции в России по сравнению с международными стандартами. При этом учет пространственных режимов позволяет заметить сильную региональную конвергенцию, прежде всего среди регионов с высоким доходом, расположенных вблизи других регионов с высоким доходом [10].

Одним из эффективно применяемых подходов к исследованию проблем асимметрии региональных рынков труда является кластеризация регионов по ряду показателей. В частности, А.В. Мальцева, О.В. Махныткина, Н.Е. Шилкина описывают методику кластеризации рынка труда на основе использования карт Кохонена [11]. Оценка российских регионов по уровню депрессивности региональных рынков труда представлена в исследованиях и других специалистов [12]. Многомерные классификационные модели для анализа социально-структурной специфики регионов России эффективно применяются в современных исследованиях [13].

Специфика методики определения кластеров с использованием карт Кохонена основана на выявлении внутренних взаимосвязей большого массива статистической информации, определяющих дифференциацию региональных рынков труда. Карты Кохонена позволяют эффективно визуализировать полученную информацию. Кластеризация на основе данной методики позволяет объективно, без влияния субъективности суждений исследователя кластеризовать регионы (в данном случае).

Карта Кохонена состоит из сегментов прямоугольной или шестиугольной формы, называемых ячейками. Визуализация итогов обработки данных на карте осуществляется с использованием расцветки по одному признаку, таким образом, для каждой анализируемой переменной необходимо строить отдельную карту. По интенсивности цвета можно судить о ситуации в том или ином регионе в разре-

зе исследуемых показателей. Исследование с помощью карт Кохонена также позволяет выявить взаимосвязи между кластерами.

Несмотря на значительное количество работ по проблемам неоднородности региональных рынков труда, методология оценки такой региональной асимметрии и ее динамики в современных условиях, межгрупповые перемещения рынков труда с напряженной ситуацией содержат все еще слабо исследованные сегменты. Недостаточная разработанность данной проблемы ограничивает возможности выбора новых векторов в политике занятости в различных кластерах региональных рынков труда с учетом современных трендов в развитии занятости.

В данном исследовании осуществлена оценка асимметричности состояния региональных рынков труда на основе карт Кохонена на аналитической платформе Deductor. Для выявления кластеров региональных рынков труда были выбраны следующие показатели: уровень занятости населения; уровень общей безработицы (по методологии МОТ); средняя продолжительность поиска работы; удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата; коэффициент напряженности на рынке труда; рейтинг социально-экономического развития региона. Массив данных, характеризующих регионы, содержит 4004 переменных, объединенных в группы из вышеперечисленных показателей. В исследовании использованы данные Федеральной службы государственной статистики. Исследование с помощью карт Кохонена также позволяет выявить взаимосвязи между кластерами. Обратимся к анализу полученных результатов исследования (приложение).

Пять из вышеперечисленных показателей часто используются в различных методиках оценки ситуации на рынке труда, но в сочетании с показателями среднемесячной заработной платы и рейтинга социально-экономического региона – впервые. Неоцененность труда ведет к массе негативных последствий: продолжительности поиска работы, повышению затрат на переквалификацию, демотива-

ции и деградации на рынке труда, сложности заполнения вакансий с низкой оплатой труда, снижению престижности ряда профессий и т. д., поэтому данный показатель оказывает существенное влияние на ситуацию на рынке труда.

При определении дифференциации регионов используются различные показатели социально-экономического развития регионов, определяемые по различным методикам. Одним из популярных и комплексных индикаторов состояния экономики региона, на наш взгляд, является рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, основанный на анализе значительного массива показателей – масштаба экономики (объем производства товаров и услуг; объем доходов консолидированного бюджета; численность занятых в экономике), эффективности экономики (объем производства товаров и услуг на душу населения; инвестиции в основной капитал на душу населения; иностранные инвестиции на душу населения; доля прибыльных предприятий; уровень собираемости налогов), показателей бюджетной сферы (доходы консолидированного бюджета на душу населения; доля собственных доходов в суммарном объеме доходов консолидированного бюджета; отношение госдолга к собственным доходам консолидированного бюджета; дефицит к собственным доходам консолидированного бюджета), показателей социальной сферы (отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг; уровень безработицы; ожидаемая продолжительность жизни при рождении; уровень младенческой смертности). Поскольку показатели данного рейтинга характеризуют различные аспекты социально-экономического развития регионов, то они имеют тесную взаимосвязь с комплексной оценкой ситуации в регионе. Выделение кластеров благополучных и неблагополучных рынков труда регионов основывается на средних показателях, по которым формировались кластеры.

Анализ межкластерных перемещений рынков труда регионов показал наибольшую

устойчивость в исследуемом периоде состава пятого кластера. В то же время наибольшая динамика перемещений характерна для региональных рынков труда второго, третьего и четвертого кластеров. Можно наблюдать сокращение количества регионов в составе 2 кластера начиная с 2013 года; увеличение с 2013 по 2015 год количества регионов 3 кластера; практически неизменное количество регионов в составе наиболее благополучного 1 кластера и не очень благополучного 5 кластера (рис. 1).

В качестве неоднозначного тренда следует отметить почти двукратный рост числа регионов в составе «среднего» (4) кластера. Устойчивое количество регионов в составе менее благополучных кластеров позволяет акцентировать внимание как на ограничениях политики занятости, так и на ее меньшей эффективности.

На протяжении исследуемого периода наибольший удельный вес занимают регионы второго, третьего и четвертого кластеров. В рамках каждого кластера можно выделить регионы, составляющие стабильное ядро. В частности, рынки труда г. Москвы, Магаданской, Сахалинской областей, Ханты-Мансийского АО – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа, Камчатского края стабильно оставались в первом кластере. Санкт-Петербург в 2011, 2013, 2016 гг. несколько ухудшал позиции, переместившись во вторую группу. Республика Саха (Якутия) после 2010 года значительно улучшила свое положение, переместившись в первую группу регионов-лидеров. Мурманская область переместилась из 1 в 3 кластер, что связано с заметным ухудшением параметров рынка труда.

В рамках 2 кластера наиболее устойчивые позиции в 2010–2015 гг. характерны для рынков труда следующих регионов: Белгородская, Иркутская, Калужская, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Ростовская, Самарская, Свердловская, Томская и Челябинская области, а также Краснодарский, Красноярский и Хабаровский края, республики Башкортостан, Коми и Татарстан. Ухудшилось положение на рынках

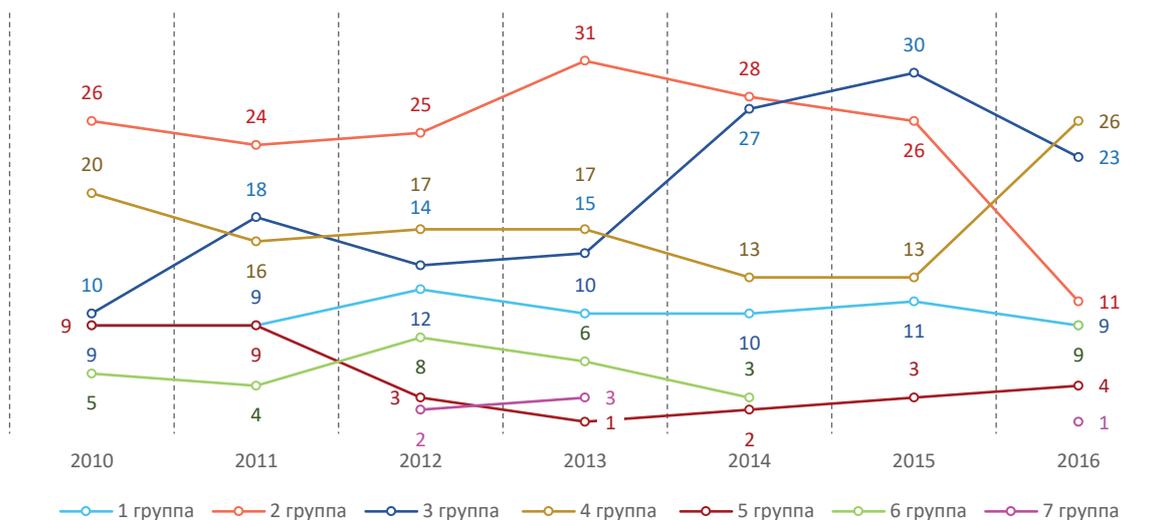

Рис. 1. Количество регионов в кластерах

Источник: данные расчетов авторов.

труда Ростовской, Самарской, Свердловской, Томской, Тульской и Калужской областей, Хабаровского края, республик Башкортостан, Татарстан, которые переместились в 3 кластер. Ярославская область в 2012, 2013 и 2014 гг. находилась во второй группе регионов, позже переместилась в менее благоприятную третью группу. Воронежская область в 2015 году переместилась из 2 кластера в 3-й. Пермский и Приморский край на протяжении исследуемого периода перемещались между 2 и 3 кластерами, в 2016 году перешли окончательно в 3-й. Следует отметить прогресс в развитии рынка труда Удмуртской Республики. Чувашская Республика улучшила позиции и переместилась из 3 во 2 кластер. Омская область переместилась из 2 кластера в 4-й.

Наиболее многочисленным в 2015 году стал третий кластер регионов, а в 2016 году – четвертый, что в целом характеризует ухудшение положения на региональных рынках труда на фоне достаточно невысоких показателей безработицы в России в среднем.

В качестве позитивной тенденции можно отметить сокращение доли регионов 5 кластера (с 9 регионов до 4 регионов) на протяжении 2010–2016 гг. При этом в 2015 году улучшилось состояние рынков труда Карачаево-Черкесской Республики, республик Ингушетии и Тыва. Они переместились из 6 кластера (в котором находились в 2010–2014 гг.)

в 5-й, характеризующийся более благоприятными параметрами рынка труда. Чеченская Республика переместилась в 3 кластер регионов. В данном кластере оказались с ухудшившимся положением Республика Адыгея, Алтайский край, Республика Дагестан (переместились из 4 кластера). Однако в 2016 году ухудшилось положение большинства входящих в данный кластер в 2015 году регионов, что нашло отражение в перемещении их в аутсайдеры (республики Тыва и Ингушетия – в 7 кластер, Карачаево-Черкесская Республика – в 6 кластер).

В 2016 году в 6 кластере появилось целых 9 регионов, которые переместились в данный кластер из более благополучных 3, 6, 5 кластеров (Еврейская автономная область, Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская область, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва). Данный процесс свидетельствует о нарастании асимметрии и депрессивности в ряде регионов.

Наиболее проблемными представляются депрессивные рынки труда 7 группы. В 2012 году в группе находилось только два региона (республики Дагестан и Ингушетия). В 2013 году в ней присутствовало уже 3 региона (республики Дагестан, Ингушетия и Тыва), которые уже в 2014 году переместились в 6 груп-

пу, улучшив свои позиции. Однако в 2016 году в 7 кластере оказалась Республика Ингушетия, которая переместилась из более благополучного по параметрам рынка труда пятого кластера.

Восходящие межгрупповые перемещения региональных рынков труда свидетельствуют об улучшении ключевых показателей функционирования рынка труда, что свидетельствует о наличии потенциала сглаживания диспропорций.

Анализ средних значений в кластерах позволяет сделать следующие выводы. По показателю уровня занятости наибольшая волатильность по годам наблюдалась в 6 кластере (от 49 до 58,72%). Наименьшие колебания ха-

рактерны для средних значений рынков труда регионов 1 кластера (от 70,62 до 71,71%). Сокращение данного показателя отмечается в ряде кластеров в 2015 году. Наименьшие показатели уровня занятости характерны для региональных рынков труда 7 кластера (рис. 2).

В рамках 5, 6, 7 кластеров средние значения общего уровня безработицы (МОТ) в 2010–2016 гг. были значительно выше, чем в первых четырех кластерах, и при этом можно наблюдать значимые его колебания по годам в 5 и 6 кластерах (рис. 3).

Неоднозначная динамика отмечалась в исследуемом периоде по показателю среднего значения средней продолжительности по-

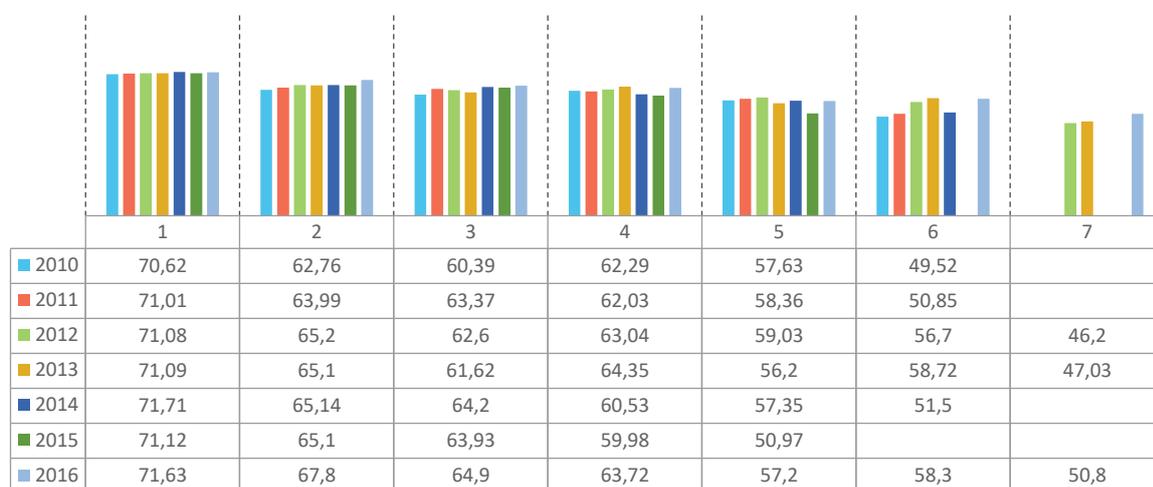

Рис. 2. Средние значения уровня занятости населения по кластерам в 2010–2016 гг., %

Источник: расчеты авторов с использованием данных URL: <http://www.gks.ru>.

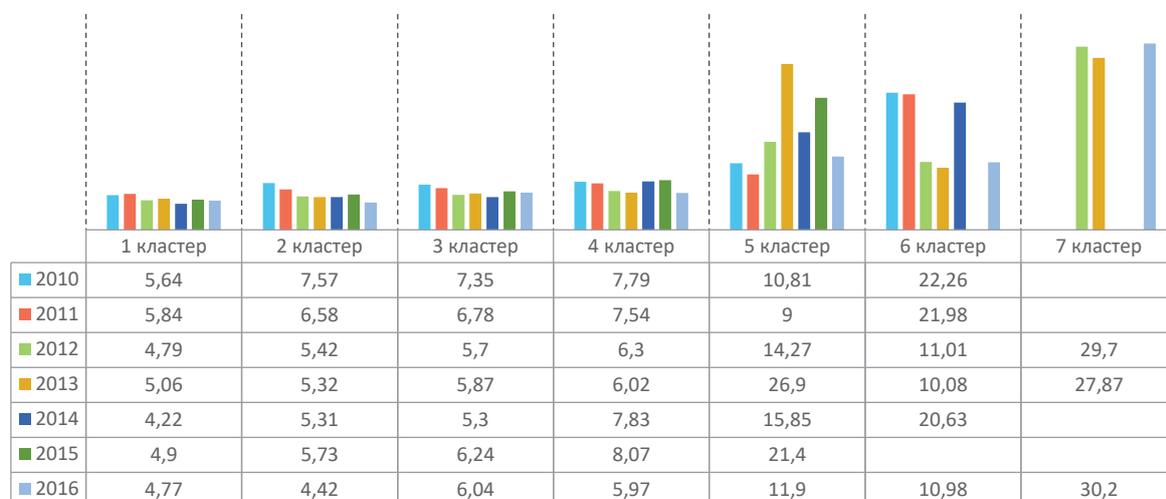

Рис. 3. Средние значения уровня общей безработицы населения по кластерам (МОТ) в 2010–2016 гг., %

Источник: расчеты авторов с использованием данных URL: <http://www.gks.ru>.

иска работы на региональных рынках труда большинства кластеров (рис. 4). В большей степени колебания данного показателя были характерны для регионов 4, 5 и 6 кластеров. При этом наиболее высокий показатель отмечался в 7 кластере в 2012, 2013 и 2016 гг.

Анализ дифференциации региональных рынков труда по среднему значению удельного веса безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, позволяет отметить неоднозначную динамику в рамках 3, 4, 5 и 6 кластеров. В частности, в 4 кластере данный показатель менялся от 27 до 59% (рис. 5).

Динамика средних величин коэффициента напряженности на рынке труда по кластерам свидетельствует об устойчивом росте данного показателя от благополучных регионов к регионам с большей напряженностью на рынках труда (рис. 6). Регионы Северного Кавказа лидируют по числу безработных, обращающихся в службы занятости, на одну заявленную вакансию. Предлагаемые вакансии, как правило, не требуют высшего образования и малопривлекательны.

По среднему показателю среднемесячной номинальной начисленной заработной пла-

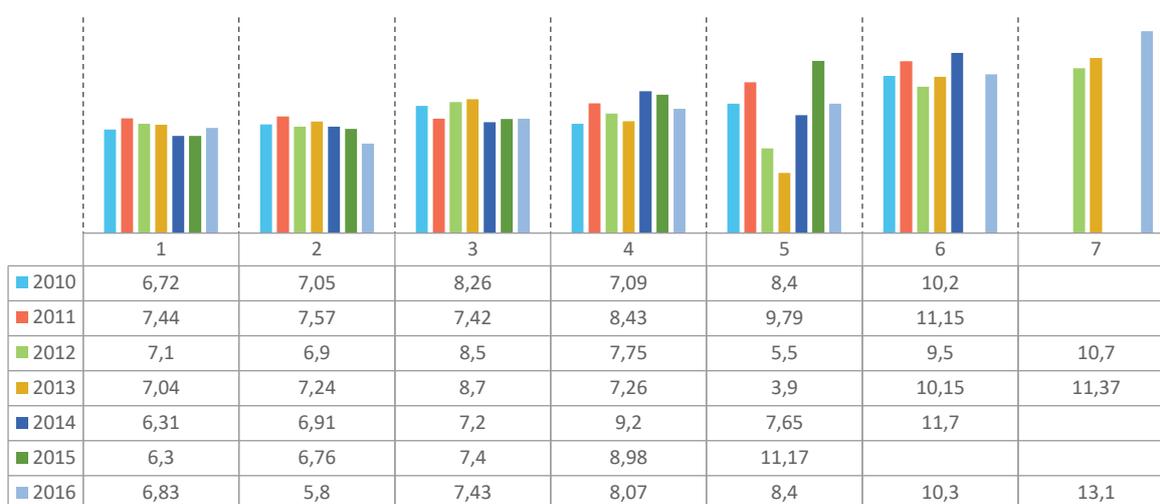

Рис. 4. Средние значения показателя средней продолжительности поиска работы на рынке труда по кластерам, мес.

Источник: расчеты авторов с использованием данных URL: <http://www.gks.ru>.

Рис. 5. Средние значения удельного веса безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, по кластерам, %

Источник: расчеты авторов с использованием данных URL: <http://www.gks.ru>.

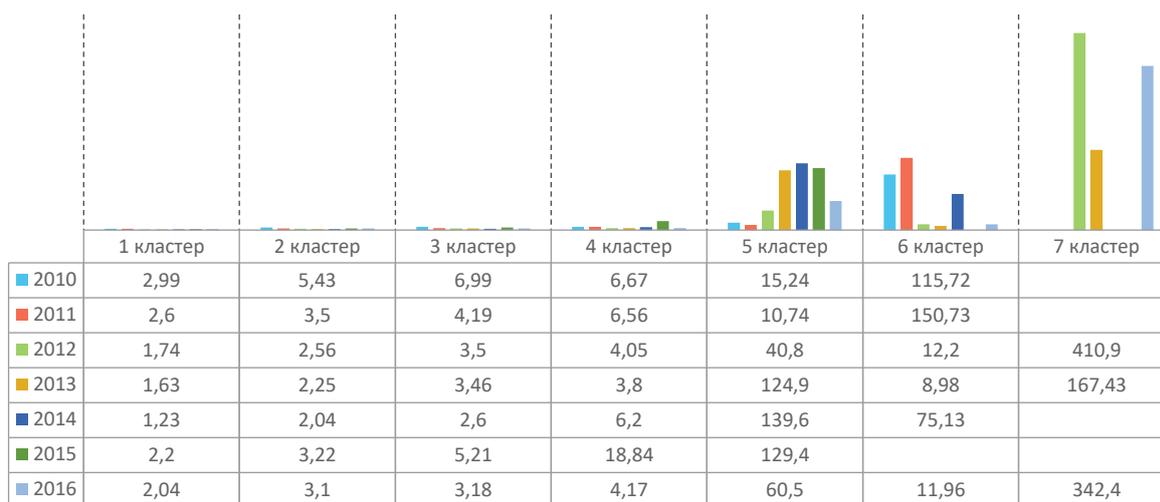

Рис. 6. Средние значения коэффициента напряженности на рынке труда по кластерам, ед.

Источник: расчеты авторов с использованием данных URL: <http://www.gks.ru>.

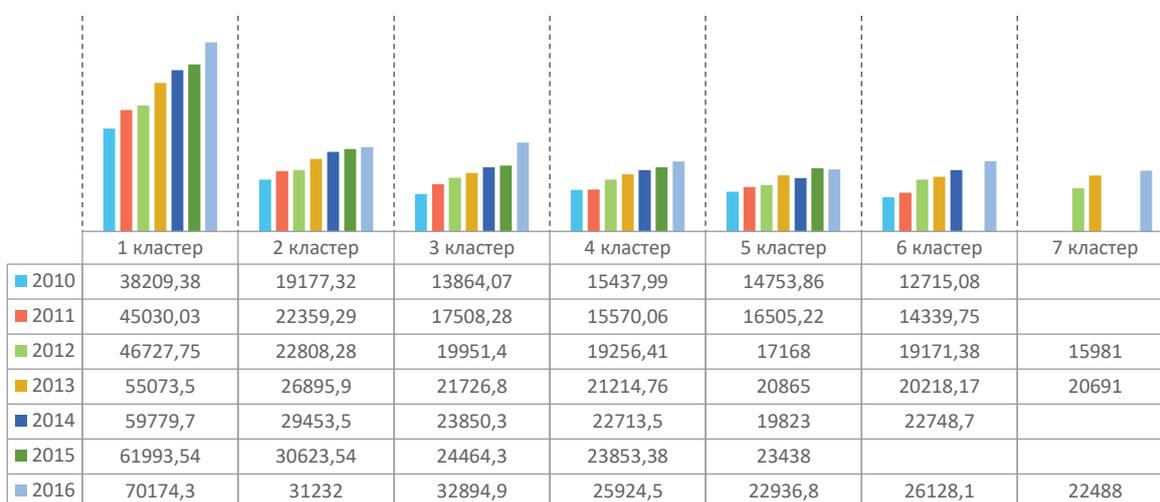

Рис. 7. Средние значения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций по кластерам, руб.

Источник: расчеты авторов с использованием данных <http://www.gks.ru>.

ты на протяжении всего исследуемого периода лидером выступают регионы 1 кластера, демонстрируя более высокие темпы роста данного показателя по годам (рис. 7).

В группе регионов 2 кластера можно наблюдать сокращение данного показателя в 2015 году, для регионов 3 кластера в 2016 году был характерен выраженный рост данного показателя в 2016 году (с 23853,38 руб. до 32894 руб.).

Анализ среднего показателя рейтинга социально-экономического положения регионов показывает близкие значения данного показателя для регионов 1 и 2 кластеров (рис. 8). При этом в регионах 2, 3 и 4 класте-

ров данный показатель значимо увеличивается в 2015 году после сокращения в 2014 году. В регионах 6 кластера данный показатель был даже ниже, чем в «проблемных» регионах 7 кластера (например, 17,35 в 2014 году).

Проведенный нами анализ показал, что асимметрия региональных рынков труда является устойчивой во временном диапазоне. Состав кластеров с «полярной» ситуацией на рынках труда по рассматриваемым нами ключевым параметрам рынка труда слабо менялся в 2010–2016 гг.

Таким образом, устойчивый состав кластеров региональных рынков труда в иссле-

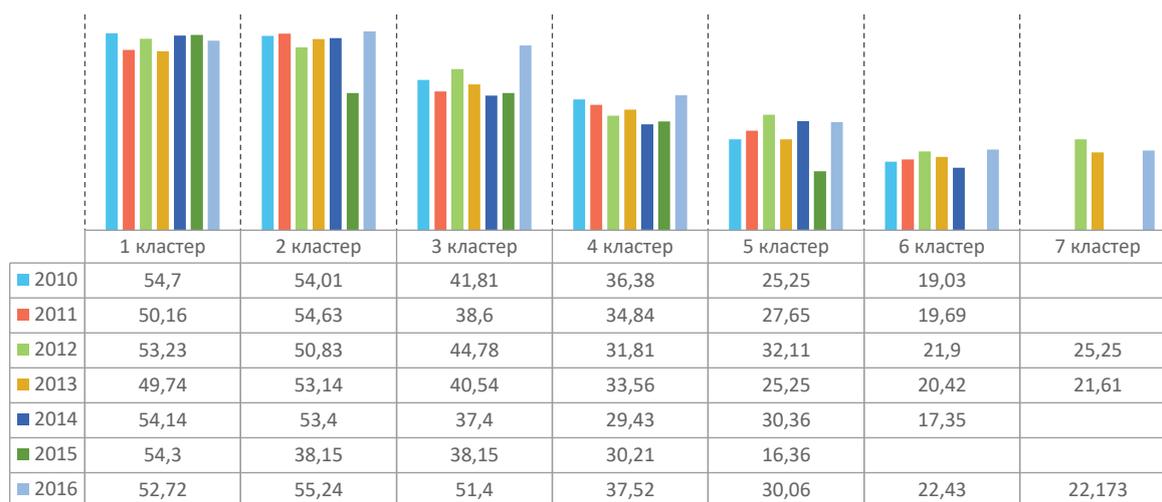

Рис. 8. Средние значения рейтинга социально-экономического положения по кластерам

Источник: расчеты авторов с использованием данных URL: <http://www.gks.ru>.

дуюмом временном диапазоне свидетельствует о неэффективной работе традиционных рыночных сглаживающих механизмов, среди которых миграция, перемещение капитала, торговля, диффузия инноваций и др. Также можно говорить о наличии ограничений политики занятости в данном кластере регионов и новых вызовов для нее.

Территориальные различия в состоянии рынков труда, по мнению исследователей, во многом «запрограммированы» и зависят от унаследованных особенностей регионов (демографических, структурных, производственных, институциональных). Трансформационные процессы способствовали усилению преимуществ и углублению недостатков сложившейся территориальной асимметрии рынков труда. На рынках труда конкретных «проблемных» территорий реализуются антикризисные меры с учетом специфики функционирования региональных экономических систем и факторов, определяющих развитие региональных рынков труда. Данные меры являются достаточно высокзатратными (за счет большого охвата и многообразия форм), что актуализирует необходимость оптимизации затрат. Анализ эффективности антикризисных мер на региональных рынках труда, подходы и рекомендации по повышению их эффективности представлены в работе [14]. Проблемы фор-

мирования политики занятости в условиях глобальных и локальных вызовов подробно рассмотрены группой авторов [15].

Эффективность антикризисных мер на рынке труда на региональном уровне детерминирована структурными и институциональными характеристиками рынков, которые в свою очередь определяют устойчивость нахождения региональных рынков труда в группах «лидеров» и «аутсайдеров». Состав данных групп в основном аналогичен в работах различных авторов.

Так, ряд исследователей [16] выделяют следующие группы регионов: успешные «северные» регионы (Чукотский АО, Магаданская область, Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Мурманская область) и условно центрально-европейские регионы (Москва и Санкт-Петербург, Московская и Ярославская области) с хорошо работающими рынками труда; регионы-аутсайдеры – группа южных республик (Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария; к ним близки также республики Калмыкия, Северная Осетия и Адыгея) и регионы Южной Сибири (Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Алтай, Алтайский край, к которым по ряду показателей близки Еврейская АО, республики Бурятия и Хакасия, Иркутская область). Отмеченные результаты в целом совпадают с полученными нами кластерами.

Таким образом, резкая асимметрия в развитии региональных рынков труда является отражением состояния экономики региона. Необходимо дальнейшее исследование по выявлению взаимосвязи между финансовым, социально-экономическим благополучием региона и состоянием рынка труда. Рынки труда дотационных, депрессивных регионов характеризуются, как правило, высокой напряженностью, для регионов характерны низкая эффективность политики занятости, слабая инвестиционная и инновационная активность. Необходимо принимать радикальные меры – создание высокопроизводительных рабочих мест; стимулирование мобильности рабочей силы в труднедостаточные регионы; обеспечение сбалансированности подготовки кадров и потребностей региональной экономики с учетом избранных векторов ее роста. Вместе с тем длительная депрессивность региональных рынков труда приводит к необратимым процессам в экономике, усиливает социальную напряженность в обществе, создает риск социальной безопасности территории. Высокая безработица, низкая заработная плата, непривлекательные рабочие места, отсутствие перспектив решения актуальных проблем жителей депрессивных регионов приводят к перетоку работников в неформальный сектор.

Явления поляризации региональных рынков труда присутствуют в различных странах (северные и южные, восточные и западные, центральные и периферийные регионы и т. д.), что находит отражение в работах зарубежных исследователей. Большую роль в сглаживании диспропорций в развитии региональных рынков труда играют национальная политика занятости, жесткость институтов рынка труда. Так, исследования показывают, что влияние степени жесткости рынка труда на долю рабочей силы определяется тремя важными компонентами: расходы на социальное обеспечение, государственные расходы на активные программы рынка труда и пассивные меры на рынке труда [17].

Политика должна иметь долгосрочную перспективу в отношении существующих

региональных диспропорций, сосредоточить внимание на устранении барьеров мобильности, пересмотреть существующие институты для осуществления региональной политики и нацелить на тесную координацию региональных инструментов политики на рынке труда [18].

Анализ эффективности политики занятости в пространственном разрезе показывает, что ключевую роль в объяснении реакции на политику играют различия в производительности труда и секторальном вкладе в занятость и выпуск продукции по отраслевым категориям [19]. Особое значение имеют депрессивные рынки труда. Как показывают исследования, социальные выгоды от создания рабочих мест в 2–3 раза выше на одно рабочее место на депрессивных рынках труда по сравнению с более быстро развивающимися местными рынками труда [20].

Одним из вызовов политике занятости сегодня выступает цифровизация экономики. Обращаясь кратко к «цифровому профилю» диспропорций на рынках труда регионов, отметим, что дифференциация регионов по численности персональных компьютеров на 100 работников будет определять разные «цифровые профили» занятости. Так, в Центральном федеральном округе в 2016 году данный показатель варьируется от 39 в Брянской области до 77 в г. Москве (табл.).

Цифровизация экономики формирует новые вызовы и риски для региональных рынков труда, которые необходимо учитывать при разработке и реализации политики занятости. Например, согласно исследованиям, цифровизация экономики затронет в первую очередь занятость в сферах логистики, торговли, строительства, автомобилестроения. Даже краткий обзор некоторых аспектов структуры занятости по регионам позволяет выявить потенциальную «цифровую» асимметрию региональных рынков труда с более высокими рисками, затрагивающую определенные сферы региональной экономики.

В качестве направлений дальнейших исследований планируется рассмотрение следующих аспектов: особенности реализации

Таблица. Максимальное и минимальное число персональных компьютеров на 100 работников в разрезе федеральных округов (2016 год)

Федеральный округ	Минимальное значение	Максимальное значение показателя
Центральный	Брянская область (39)	г. Москва (77)
Северо-Западный	Ленинградская область (42)	г. Санкт-Петербург (59)
Южный	Крым (39)	г. Севастополь и Республика Калмыкия
Северо-Кавказский	Кабардино-Балкарская Республика (50)	Республика Дагестан (35)
Приволжский	Самарская область (59)	Оренбургская область (42)
Уральский	Югра (40)	Тюменская область (50)
Сибирский	Кемеровская область (36)	Томская область (60)
Дальневосточный	Чукотский АО (47)	Магаданская область (56)

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

политики занятости в регионах в составе одного кластера; направления повышения эффективности региональной политики занятости; возможности создания дополнительных рабочих мест в условиях цифровизации экономики страны в целом; складывающийся «цифровой каркас занятости» в регионах и новые параметры асимметрии; оценка эффективности мер активной политики занятости с учетом высокой дифференциации региональных рынков труда и с учетом стратегических рисков; влияние цифровизации на преодоление диспропорций региональных рынков труда в различных сегментах рынка и др.

Результаты могут быть использованы при выработке и реализации региональной политики занятости. Предложенный нами подход к выявлению региональной асимметрии рынка труда расширяет теоретико-методическую базу исследования процессов развития рынков труда регионов, позволяет адекватно оценивать ситуации на региональных рынках труда, определять наиболее значимые факторы их развития в современных условиях и обосновывать соответствующие меры политики занятости с учетом «профилей» рынков труда. В прикладном аспекте применение данного подхода к оценке региональной асимметрии рынков труда позволяет проводить постоянный мониторинг ситуации на рынках труда, оперативно и гибко формировать государственную политику занятости в регионах.

Исследования зарубежных специалистов показывают, что при анализе рынков труда используется более широкий спектр показате-

телей. Российская статистическая служба, к сожалению, не предоставляет некоторой необходимой информации, на основании которой исследование получилось бы более глубоким и последовательным, сопоставимым с зарубежными аналогичными исследованиями (например, не отражает полностью миграционные процессы и поведение мигрантов на рынке труда, потоки средств мигрантов за пределы регионов, часть информации не делится по территориальному признаку и т. д.).

В заключение отметим, что сокращение высокой региональной асимметрии в развитии рынков труда, с одной стороны, предполагает реализацию мер структурной и макроэкономической политики, которая координируется на федеральном уровне, с другой стороны, требует разработки комплексных, интегрированных программ, сочетающих региональные инициативы с внешней помощью. Определенные возможности сокращения высокой асимметрии региональных рынков труда заключаются в более полном использовании агломерационного потенциала, определении точек роста региональной экономики. Вместе с тем необходимо учитывать, что меры по улучшению региональных экономических условий через стимулирование частных инвестиций в целевые сообщества могут повлиять на более широкое пространственное распределение занятости в регионе и не дать ожидаемого эффекта для занятости целевых групп [21].

Кроме того результаты исследований в Испании подтверждают, что эволюция регио-

нальных различий в уровне безработицы не может быть связана с различиями в естественном уровне безработицы, которые не действуют как аттрактор безработицы [22]. Это ограничивает возможность использования показателей естественного уровня безработицы в разработке политики на рынке труда. Принятие императивов устойчивого развития в области достойного труда, сокращения неравенства, рациональных моделей производства и потребления и пр. на уровне регионов непосредственно влияет на предметное поле современной политики занятости, требует совершенствования инструментария и технологий обеспечения устойчивости занятости в регионах, сглаживания необоснованной асимметрии. В современных социально-экономических условиях (введение санкций со стороны ряда стран) вопросы использования внутренних резервов регионов приобретают особую актуальность. Новые вызовы, связанные с цифровизацией экономики, диктуют и соответствующие требования к компетенциям, возможностям занятости, мобильности рабочей силы. С этой точки зрения необходимо формировать и реализовывать новые подходы в политике

занятости. Ожидаемое увеличение пенсионного возраста, демографические риски, введение новых налогов и форм регулирования самозанятости и т. д. изменяют ситуацию на региональных рынках труда. В связи с этим уже сегодня необходимо оценивать ситуацию с точки зрения реализации политики занятости, разрабатывать сценарные прогнозы и принимать превентивные меры.

Региональные органы власти должны оценивать возможности получения синергетического эффекта от сочетания различных ресурсов, изучать ближайших соседей для определения конкурентной среды и поиска возможных траекторий для организации совместной деятельности [23, с. 117].

Устойчивость и комплексность межрегиональных различий предполагают разработку не только фрагментарных антикризисных мер на рынках труда, но и стратегического и комплексного подхода к сглаживанию необоснованной асимметрии с использованием бюджетных инструментов регулирования, структурных мер, селективных мер политики занятости, эффективным задействованием ресурсного потенциала и потенциала инновационного развития территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Furlong A., Goodwin J., Hadfield S., Hall S., O'Connor H., Lowden K., Plugor R. *Young People in the Labour Market*. Routledge, 2017. 160 p.
2. Вакуленко Е.С. Ведет ли миграция населения к межрегиональной конвергенции в России? // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 239–264.
3. Rosen S., Miezowski P., Straszheim M. (eds.). *Wagebased Indexes of Urban Quality of Life. Current Issues in Urban Economics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979, pp. 74–104.
4. Roback J. Wages, Rents and the Quality of Life. *Journal of Political Economy*, 1982, vol. 90, pp. 1257–1278.
5. Moretti E. Local labor markets. In: Card D., Ashenfelter O. *Handbook of Labor Economics*. Elsevier, 2011, vol. 4, ch. 14, pp. 1237–1313.
6. Herwartz H., Niebuhr A. Regional Labor Market Performance in Europe. Error Correction Dynamics and the Role of National Institutions and Local Structure. *International Regional Science Review*, 2015, vol. 40, pp. 270–296.
7. Gurvich E., Vakulenko E. Macroeconomic and structural properties of the Russian labor market: A cross-country comparison. *Russian Journal of Economics*, 2017, vol. 3, iss. 4, pp. 411–424.
8. Растворцева С.Н., Терновский Д.С. Факторы концентрации экономической активности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 153–170.
9. Зубаревич Н.В., Сафонов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.

10. Kholodilin K., Oshchepkov A.Y., Siliverstovs B. The Russian regional convergence process: Where is it leading? *Eastern European Economics*, 2012, vol. 50, no. 3, pp. 5–26.
11. Мальцева А.В., Махныткина О.В., Шилкина Н.Е. Многомерные классификационные модели в сравнительном анализе социально-структурной специфики регионов России // *Науковедение*. 2015. Т. 7. № 6. URL: <http://naukovtdenie.ru>
12. Мирзабалаева Ф.И. Типологизация депрессии на рынке труда с использованием карт Кохонена // *Экономика и управление: проблемы и решения*. 2017. Т. 1. № 10. С. 79–88.
13. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. Data Minig в социологии: опыт и перспективы проведения исследования // *Социологические исследования*. 2016. № 3 (383). С. 35–44.
14. Косарева А.В., Санкова Л.В. Антикризисные меры на региональном рынке труда: монография. Саратов: Райт-Экспо, 2016. 196 с.
15. Sankova L.V., Dudko V.N., Mirzabalaeva F.I. The Employment policy and the Labor Market in the Face to the New Global and Local Challenges. *The Turkish Online Journal of Design Art and Communication*, 2016, t. 6, no. NVSPCL, pp. 3412–3419.
16. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой, С. Рощина. М., 2017. 148 с.
17. Parisi M.L. Labor market rigidity, social policies and the labor share: Empirical evidence before and after the big crisis. *Economic System*, 2017, vol. 41, iss. 4, pp. 492–512.
18. Huber P. Regional Labor Market Developments in Transition. *Policy Research Working Papers*, 2006, ser. 3896. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/8706>
19. Epstein B., Shapiro A.F. Employment and firm heterogeneity, capital allocation, and countercyclical labor market policies. *Journal of Development Economics*, 2017, vol. 127, pp. 25–41.
20. Bartik T.J. How Effects of Local Labor Demand Shocks Vary with Local Labor Market Conditions. *Upjohn Institute Working Paper*, 2014, no. 14–202.
21. Freedman M. Place-based programs and the geographic dispersion of employment. *Regional Science and Urban Economics*, 2015, vol. 53, pp. 1–19. DOI:10.1016/j.regsciurbeco.2015.04.002
22. Bande R., Karanassou M. The NRU and the Evolution of Regional Disparities in Spanish Unemployment. *Discussion Paper*, Institute for the Study of Labor (IZA), Bonn, 2011, no. 5838. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/52010/1/66968614X.pdf>
23. Груздева М.А. Неравномерность развития региональных подсистем регионов Северо-Запада: возможности и угрозы // *Проблемы развития территории*. 2017. № 6 (92). С. 108–120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Санкова Лариса Викторовна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.». Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77. E-mail: etpk@sstu.ru. Тел.: +7(8452) 99-85-35.

Мирзабалаева Фариды Исламудиновна – кандидат экономических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36. E-mail: kafedra-etiz@yandex.ru. Тел.: +7(495) 958-20-74.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Кластеризация региональных рынков труда за 2010–2016 гг. с использованием карт Кохонена

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Число кластеров	6	6	7	7	6	5	7
Число статистических показателей	553	560	567	581	581	581	581
Количество регионов	79	80	81	83	83	83	83
1 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	9/11,4% 1. г. Москва 2. г. Санкт-Петербург 3. Камчатский край 4. Магаданская область 5. Мурманская область 6. Сахалинская область 7. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра 8. Чукотский автономный округ 9. Ямало-Ненецкий автономный округ	9/11,3% 1. г. Москва 2. Камчатский край 3. Магаданская область 4. Мурманская область 5. Ненецкий автономный округ 6. Сахалинская область 7. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра 8. Чукотский автономный округ 9. Ямало-Ненецкий автономный округ	12/14,8% 1. г. Москва 2. г. Санкт-Петербург 3. Камчатский край 4. Магаданская область 5. Московская область 6. Мурманская область 7. Ненецкий автономный округ 8. Республика Саха (Якутия) 9. Сахалинская область 10. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра 11. Чукотский автономный округ 12. Ямало-Ненецкий автономный округ	10/12,0% 1. г. Москва 2. Камчатский край 3. Магаданская область 4. Мурманская область 5. Ненецкий автономный округ 6. Республика Саха (Якутия) 7. Сахалинская область 8. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра 9. Чукотский автономный округ 10. Ямало-Ненецкий автономный округ	10/12,0% 1. г. Москва 2. г. Санкт-Петербург 3. Камчатский край 4. Магаданская область 5. Ненецкий автономный округ 6. Республика Саха (Якутия) 7. Сахалинская область 8. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра 9. Чукотский автономный округ 10. Ямало-Ненецкий автономный округ	11/13,3% 1. г. Москва 2. г. Санкт-Петербург 3. Камчатский край 4. Магаданская область 5. Мурманская область 6. Ненецкий автономный округ 7. Республика Саха (Якутия) 8. Сахалинская область 9. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра 10. Чукотский автономный округ 11. Ямало-Ненецкий автономный округ	9/10,8% 1. г. Москва 2. Камчатский край 3. Магаданская область 4. Ненецкий автономный округ 5. Республика Саха (Якутия) 6. Сахалинская область 7. Ханты-Мансийский автономный округ 8. Чукотский автономный округ 9. Ямало-Ненецкий автономный округ
2 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	26/32,9% 1. Белгородская область 2. Волгоградская область 3. Вологодская область 4. Иркутская область 5. Калужская область 6. Кемеровская область 7. Краснодарский край 8. Новосибирская область 9. Омская область 10. Оренбургская область	24/30,0% 1. Белгородская область 2. г. Санкт-Петербург 3. Иркутская область 4. Калужская область 5. Кемеровская область 6. Краснодарский край 7. Ленинградская область 8. Московская область 9. Нижегородская область	25/30,9% 1. Белгородская область 2. Владимирская область 3. Волгоградская область 4. Иркутская область 5. Калининградская область 6. Калужская область 7. Кемеровская область 8. Краснодарский край 9. Красноярский край	31/37,3% 1. Архангельская область без авт. округа 2. Белгородская область 3. Владимирская область 4. г. Санкт-Петербург 5. Иркутская область 6. Калининградская область 7. Кемеровская область 8. Калужская область	28/33,7% 1. Белгородская область 2. Воронежская область 3. Иркутская область 4. Калужская область 5. Кемеровская область 6. Краснодарский край 7. Ленинградская область 8. Московская область 9. Мурманская область 10. Мурманская область	26/31,3% 1. Архангельская область без авт. округа 2. Белгородская область 3. Иркутская область 4. Калужская область 5. Кемеровская область 6. Краснодарский край 7. Красноярский край 8. Ленинградская область 9. Московская область	11/13,3% 1. Белгородская область 2. г. Санкт-Петербург 3. Кировская область 4. Ленинградская область 5. Липецкая область 6. Московская область 7. Нижегородская область 8. Республика Татарстан 9. Удмуртская Республика

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
2 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	10. Пермский край 11. Приморский край 12. Республика Башкортостан 13. Республика Коми 14. Республика Саха (Якутия) 15. Республика Татарстан 16. Ростовская область 17. Самарская область 18. Свердловская область 19. Томская область 20. Хабаровский край 21. Челябинская область	11. Новосибирская область 12. Омская область 13. Пермский край 14. Приморский край 15. Республика Башкортостан 16. Республика Коми 17. Республика Саха (Якутия) 18. Республика Татарстан 19. Ростовская область 20. Самарская область 21. Свердловская область 22. Томская область 23. Хабаровский край 24. Челябинская область	10. Ленинградская область 11. Нижегородская область 12. Новгородская область 13. Новосибирская область 14. Омская область 15. Республика Башкортостан 16. Республика Коми 17. Республика Татарстан 18. Ростовская область 19. Самарская область 20. Свердловская область 21. Тульская область 22. Удмуртская Республика 23. Хабаровский край 24. Челябинская область 25. Ярославская область	9. Краснодарский край 10. Красноярский край 11. Ленинградская область 12. Московская область 13. Нижегородская область 14. Новосибирская область 15. Омская область 16. Оренбургская область 17. Пермский край 18. Приморский край 19. Республика Башкортостан 20. Республика Коми 21. Республика Татарстан 22. Ростовская область 23. Самарская область 24. Свердловская область 25. Томская область 26. Тульская область 27. Тюменская область без авт. округов 28. Челябинская область 29. Ярославская область	11. Новосибирская область 12. Омская область 13. Оренбургская область 14. Пермский край 15. Приморский край 16. Республика Башкортостан 17. Республика Коми 18. Республика Татарстан 19. Ростовская область 20. Самарская область 21. Свердловская область 22. Томская область 23. Тульская область 24. Тюменская область без авт. округов 25. Хабаровский край 26. Челябинская область 27. Ярославская область	10. Нижегородская область 11. Новосибирская область 12. Омская область 13. Пермский край 14. Приморский край 15. Республика Башкортостан 16. Республика Коми 17. Республика Татарстан 18. Ростовская область 19. Самарская область 20. Свердловская область 21. Томская область 22. Тульская область 23. Тюменская область без авт. округов 24. Удмуртская Республика 25. Хабаровский край 26. Челябинская область	10. Челябинская область 11. Чувашская Республика
3 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	10/12,7% 1. Алтайский край 2. Брянская область 3. Воронежская область 4. Курская область 5. Липецкая область 6. Пензенская область 7. Ставропольский край 8. Тамбовская область	18/22,5% 1. Амурская область 2. Астраханская область 3. Владимирская область 4. Волгоградская область 5. Вологодская область 6. Ивановская область	14/17,3% 1. Алтайский край 2. Брянская область 3. Вологодская область 4. Воронежская область 5. Курская область 6. Липецкая область 7. Оренбургская область	15/18,1% 1. Алтайский край 2. Амурская область 3. Брянская область 4. Волгоградская область 5. Воронежская область 6. Забайкальский край 7. Курская область	27/32,5% 1. Амурская область 2. Архангельская область без авт. округа 3. Астраханская область 4. Владимирская область 4. Владыкалинская область	30/36,1% 1. Алтайский край 2. Амурская область 3. Астраханская область 4. Владимирская область 5. Волгоградская область 6. Вологодская область	23/27,7% 1. Архангельская область без авт. округа 2. Владимирская область 3. Вологодская область 4. Воронежская область 5. Иркутская область

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
3 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	9. Тверская область 10. Ульяновская область	7. Калининградская область 8. Кировская область 9. Новгородская область 10. Орловская область 11. Пензенская область 12. Республика Карелия 13. Рязанская область 14. Тверская область 15. Тульская область 16. Удмуртская Республика 17. Чувашская Республика 18. Ярославская область	8. Пермский край 9. Приморский край 10. Саратовская область 11. Ставропольский край 12. Тамбовская область 13. Томская область 14. Ульяновская область	8. Липецкая область 9. Орловская область 10. Республика Бурятия 11. Республика Мордовия 12. Рязанская область 13. Саратовская область 14. Ставропольский край 15. Тамбовская область	5. Волгоградская область 6. Вологодская область 7. Ивановская область 8. Калининградская область 9. Кировская область 10. Костромская область 11. Курганская область 12. Курская область 13. Новгородская область 14. Орловская область 15. Пензенская область 16. Республика Карелия 17. Республика Марий Эл 18. Республика Мордовия 19. Республика Хакасия 20. Рязанская область 21. Саратовская область 22. Смоленская область 23. Ставропольский край 24. Тверская область 25. Удмуртская Республика 26. Ульяновская область 27. Чувашская Республика	7. Воронежская область 8. Ивановская область 9. Калининградская область 10. Кемеровская область 11. Костромская область 12. Курганская область 13. Курская область 14. Новгородская область 15. Оренбургская область 16. Орловская область 17. Пензенская область 18. Псковская область 19. Республика Карелия 20. Республика Марий Эл 21. Республика Мордовия 22. Республика Хакасия 23. Саратовская область 24. Смоленская область 25. Ставропольский край 26. Тверская область 27. Ульяновская область 28. Чеченская Республика 29. Чувашская Республика 30. Ярославская область	6. Калининградская область 7. Калужская область 8. Краснодарский край 9. Красноярский край 10. Мурманская область 11. Новосибирская область 12. Оренбургская область 13. Пермский край 14. Приморский край 15. Республика Башкортостан 16. Республика Коми 17. Ростовская область 18. Самарская область 19. Свердловская область 20. Томская область 21. Тульская область 22. Тюменская область без авт. округов 23. Хабаровский край
4 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	20/25,3% 1. Амурская область 2. Астраханская область 3. Владимирская область 4. Ивановская область 5. Калининградская область 6. Кировская область 7. Костромская область	16/20,0% 1. Алтайский край 2. Брянская область 3. Воронежская область 4. Костромская область 5. Курганская область 6. Курская область 7. Оренбургская область 8. Псковская область	17/21,0% 1. Амурская область 2. Астраханская область 3. Ивановская область 4. Костромская область 5. Курганская область 6. Орловская область 7. Пензенская область 8. Псковская область 9. Республика Бурятия	17/20,5% 1. Астраханская область 2. Вологодская область 3. Ивановская область 4. Кировская область 5. Костромская область 6. Курганская область 7. Новгородская область 8. Пензенская область	13/15,7% 1. Алтайский край 2. Брянская область 3. Еврейская автономная область 4. Забайкальский край 5. Кабардино-Балкарская Республика 6. Липецкая область 7. Псковская область	13/15,7% 1. Брянская область 2. Еврейская автономная область 3. Забайкальский край 4. Кабардино-Балкарская Республика 5. Липецкая область 6. Республика Адыгея 7. Республика Алтай	26/31,3% 1. Алтайский край 2. Амурская область 3. Астраханская область 4. Брянская область 5. Волгоградская область 6. Ивановская область 7. Кемеровская область 8. Костромская область

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
4 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	8. Новгородская область 9. Орловская область 10. Псковская область 11. Республика Карелия 12. Республика Мордовия 13. Республика Хакасия 14. Рязанская область 15. Саратовская область 16. Смоленская область 17. Тульская область 18. Удмуртская Республика 19. Чувашская Республика 20. Ярославская область	9. Республика Алтай 10. Республика Марий Эл 11. Республика Мордовия 12. Республика Хакасия 13. Саратовская область 14. Смоленская область 15. Ставропольский край 16. Ульяновская область	10. Республика Карелия 11. Республика Марий Эл 12. Республика Мордовия 13. Республика Северная Осетия – Алания 14. Республика Хакасия 15. Рязанская область 16. Смоленская область 17. Тверская область	9. Псковская область 10. Республика Карелия 11. Республика Марий Эл 12. Республика Северная Осетия – Алания 13. Республика Хакасия 14. Смоленская область 15. Тверская область 16. Ульяновская область 17. Чувашская Республика	8. Республика Адыгея 9. Республика Алтай 10. Республика Бурятия 11. Республика Калмыкия 12. Республика Северная Осетия – Алания 13. Тамбовская область	8. Республика Бурятия 9. Республика Дагестан 10. Республика Калмыкия 11. Республика Северная Осетия – Алания 12. Рязанская область 13. Тамбовская область	9. Курская область 10. Новгородская область 11. Омская область 12. Орловская область 13. Пензенская область 14. Псковская область 15. Республика Карелия 16. Республика Марий Эл 17. Республика Мордовия 18. Республика Хакасия 19. Рязанская область 20. Саратовская область 21. Смоленская область 22. Ставропольский край 23. Тамбовская область 24. Тверская область 25. Ульяновская область 26. Ярославская область
5 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	9/11,4% 1. Еврейская автономная область 2. Забайкальский край 3. Кабардино-Балкарская Республика 4. Курганская область 5. Республика Адыгея 6. Республика Алтай 7. Республика Бурятия 8. Республика Марий Эл 9. Республика Северная Осетия – Алания	9/11,3% 1. Еврейская автономная область 2. Забайкальский край 3. Кабардино-Балкарская Республика 4. Липецкая область 5. Республика Адыгея 6. Республика Бурятия 7. Республика Калмыкия 8. Республика Северная Осетия – Алания 9. Тамбовская область	3/3,7% 1. Кировская область 2. Чеченская Республика 3. Чувашская Республика	1/1,2% 1. Чеченская Республика	2/2,4% 1. Республика Дагестан 2. Чеченская Республика	3/3,6% 1. Карачаево-Черкесская Республика 2. Республика Ингушетия 3. Республика Тыва	4/4,8% 1. Республика Адыгея 2. Республика Алтай 3. Республика Дагестан 4. Чеченская Республика

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
6 кластер (всего / уд. вес в общей численности)	5/6,3% 1. Карачаево-Черкес- ская Республика 2. Республика Дагестан 3. Республика Ингушетия 4. Республика Калмыкия 5. Республика Тыва	4/5,0% 1. Карачаево-Черкес- ская Республика 2. Республика Дагестан 3. Республика Ингушетия 4. Республика Тыва	8/9,9% 1. Еврейская автономная область Забайкальский край 2. Кабардино-Балкар- ская Республика 3. Карачаево-Черкес- ская Республика 4. Карачаево-Черкес- ская Республика 5. Республика Адыгея 6. Республика Алтай 7. Республика Калмыкия 8. Республика Тыва	6/7,2% 1. Еврейская автономная область 2. Кабардино-Балкар- ская Республика 3. Карачаево-Черкес- ская Республика 4. Республика Адыгея 5. Республика Алтай 6. Республика Калмыкия	3/3,6% 1. Карачаево-Черкес- ская Республика 2. Республика Ингушетия 3. Республика Тыва		9/10,8% 1. Еврейская автономная область 2. Забайкальский край 3. Кабардино-Балкар- ская Республика 4. Карачаево-Черкес- ская Республика 5. Курганская область 6. Республика Бурятия 7. Республика Калмыкия 8. Республика Северная Осетия — Алания 9. Республика Тыва
7 кластер (всего / уд. вес в общей численности)			2/2,5% 1. Республика Дагестан 2. Республика Ингушетия	3/3,6% 1. Республика Дагестан 2. Республика Ингушетия 3. Республика Тыва			1/1,2% 1. Республика Ингушетия
Источник: расчеты авторов.							

Sankova L.V., Mirzabalaeva F.I.

REGIONAL ASYMMETRY OF LABOR MARKETS AND THE CHALLENGES TO THE LABOR POLICY

The modern Russian labor market space is characterized by heterogeneity, different speed of progress towards new “digital” employment profiles and different efficiency of employment policy measures. Uneven development of regional labor markets determines the opportunities and limitations of the labor policy. The purpose of the article is to analyze the asymmetry of regional labor markets in Russia, identify the associated limitations and challenges considering which can contribute to the efficiency of the labor policy measures in the new socio-economic conditions of regional development. General scientific and statistical methods are used as a methodological base of the research. For the purpose of clustering regional labor markets in Russia Kohonen self-organizing map for Deductor analytical platform are used. The state of regional labor markets is evaluated based on data from the Federal State Statistics Service for 2010–2016³. The parameters determining the regional asymmetry of labor market development are the following: employment rate, general unemployment rate (according to ILO methodology), average period of job search, share of the unemployed looking for job for 12 months, average monthly nominal wage, tension rate in the labor market, and socio-economic development rate in the region⁴. According to them, we identify clusters of regional labor markets whose composition is relatively stable, which helps state a different degree of efficiency of the labor policy measures and the rate and success of regional economic reforms. We analyze the performance of average values of selected indicators within the clusters. The research novelty lies in the author’s approach to the definition and measurement of regional asymmetry of regional labor markets in Russia and identification of new challenges for the labor policy. Conclusions and recommendations based on the research results can be applied in activities of regional and federal authorities in developing scenario forecasts of labor markets, employment policy, they will help improve the efficiency of government programs aimed to develop the “problem” regional labor markets.

Labor markets, regions, asymmetry, unemployment, labor policy.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sankova Larisa Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Head of Department. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Yuri Gagarin State Technical University of Saratov”. 77, Politekhnikeskaya Street, Saratov, 410054, Russian Federation. E-mail: etpk@sstu.ru. Phone: +7(8452) 99-85-35.

Mirzabalaeva Farida Islamudinovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics”. 36, Stremyannyi Lane, Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: kafedra-etiz@yandex.ru. Phone: +7(495) 958-20-74.

³ Federal State Statistics Service. Available at: <http://www.gks.ru>

⁴ RIA Ranking. Available at: <http://www.riarating.ru>

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ¹

УСТИНОВА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

В статье показана роль предпринимательской деятельности в обеспечении экономического развития территорий. Обосновано рассмотрение предпринимательства как формы творческой трудовой активности населения, содержание которой связано с поиском новых творческих идей, их анализом, воплощением на практике, сопровождается совершенствованием как организации производственного процесса, так и выпускаемой продукции. На основе анализа существующих зарубежных работ в области предпринимательства проиллюстрировано наличие дискуссионных аспектов, связанных с влиянием различных социально-демографических характеристик на склонность к предпринимательству. Поэтому цель статьи заключалась в выявлении социально-демографических особенностей предпринимателей, в связи с чем было обращено внимание на разные группы, выделенные в зависимости от мотивации к предпринимательской деятельности («добровольные», «вынужденные»). Показано, что те и другие выражают большее удовлетворение своей жизнью в целом, чуть меньшее – своей работой и ее отдельными аспектами. При этом выявлено, что в условиях соответствия квалификации требованиям рабочих мест наблюдается большее число удовлетворенных, а неэффективное использование человеческого капитала (явление сверхквалификации, а также ситуация, когда квалификация оказывается ниже требований рабочих мест) при-

Цитата: Устинова К.А. Социально-демографический портрет современного предпринимателя // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 124–135. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.8

Citation: Ustinova K.A. A socio-demographic image of a modern entrepreneur. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 124–135. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.8

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-22-01020 «Мотивационно-стимулирующий механизм творческой трудовой активности: сравнительный анализ России и Беларуси».

водит к снижению удовлетворенности жизнью и работой. Установлено, что зачастую в ситуации, когда у населения более высокий образовательный уровень, наблюдается и большая удовлетворенность трудом. Тем не менее удовлетворенность заработной платой достигается не всегда: как «вынужденные», так и «добровольные» предприниматели со средним профессиональным образованием оказываются несколько чаще удовлетворенными уровнем оплаты труда по сравнению с имеющими высшее образование. На основе фактических данных доказана гипотеза о большем уровне реализации отдельных компонентов трудового потенциала у «добровольных» предпринимателей. Выявлено, что наибольшие различия между готовыми и не готовыми к предпринимательской деятельности наблюдаются по таким составляющим трудового потенциала, как потребность в достижениях, творческий потенциал и коммуникабельность.

Предпринимательская деятельность, удовлетворенность трудом, реализация трудового потенциала.

Актуальность исследования

В последние десятилетия интерес к исследованию управления инновационными процессами увеличился (Madhavan, Grover, 1998; Subramaniam, Youndt, 2005), отчасти это связывают с экономическими преобразованиями, которые привели к изменению роли человека в системе факторов производства в связи с возрастанием значения творческих и личностных качеств в трудовых процессах [1, с. 55], усилением роли предпринимательских способностей в обеспечении конкурентных преимуществ территорий (Romer, 1990, 1994; Lucas, 1988) [2]. Предпринимательство рассматривается в качестве одного из источников экономического роста, создания рабочих мест и реализации общественных целей (Linan, Rodríguez-Cohard, Rueda-Cantuche, 2005). Тем не менее своего рода основой для предпринимательства выступают творческие и инновационные процессы. В теории кумулятивного регионального роста использование инноваций и их распространение представлены как один из параметров экономических преобразований [3, с. 10]. По данным исследования «Инновационная активность крупного бизнеса в России: механизмы, барьеры, перспективы» [4], нехватка сотрудников, склонных к инновационной деятельности, и управленческих кадров для реализации инновационных проектов отмечается российскими компаниями реже, чем международными [5, с. 6]. Среди проблем можно отметить и невысокий уровень пред-

принимательской активности в стране и в регионе. Например, по данным RLMS-HSE, из всех респондентов, опрошенных в 2012 году, примерно каждый десятый когда-нибудь пытался начать свое собственное дело, однако сумели преодолеть все трудности только 4,7% [6, с. 47–48]. В связи с этим одной из задач является поиск ответов на вопросы, касающиеся факторов, стимулирующих развитие предпринимательства (Baumol, 1968).

С учетом вышеобозначенного следует отметить, что в исследованиях в области предпринимательства сформировалась ориентация на изучение предпосылок успешного ведения предпринимательской деятельности [7, с. 45]. В многочисленных работах большое внимание уделяется исследованию разных групп факторов как экономического (спрос, предложение, доступность и цены ресурсов), так и неэкономического характера (например, социально-демографические и ментальные аспекты – Бунин, 1993; Барсукова, 1999 [8]; социальное и институциональное окружение – Vygrave, Zacharakis, 2007; Moss Kanter, 2009), влияющих на предпринимательство. Помимо вышеобозначенной классификации факторов распространение получила и та, в которой выделяют как индивидуальные характеристики (наличие предпринимательских способностей, знаний, квалификации и опыта для начала предпринимательской деятельности и др.), так и национальные особенности (общеекономические условия развития страны/региона, развитость культуры

предпринимательства, в частности, система ценностей и др.). Относительно первых отметим, что в научной литературе сохраняется ряд дискуссионных моментов. Например, несмотря на существование множества исследований, в которых обосновывается меньший по сравнению с мужчинами уровень участия женщин в предпринимательской деятельности (Crant, 1996; Wilson et al., 2004; Zhao et al., 2005 и др.), присутствует и другая группа работ (Gupta et al., 2009), в которых обращается внимание на то, что не пол сам по себе, а то, насколько мужчины и женщины считают присущими себе мужские и женские качества, влияет на склонность к предпринимательству. В соответствии с этим в ряде случаев влияние гендера на предпринимательские намерения уменьшается или практически нивелируется (Minniti, Nardone, 2007; Koellinger et al., 2008) [9; 10].

В связи с вышесказанным, цель статьи заключалась в выявлении социально-демографических особенностей «добровольных» и «вынужденных» предпринимателей.

Теоретические аспекты исследования

В научной литературе при характеристике предпринимательства обращается внимание на условия его осуществления, среди которых называются самостоятельность и независимость хозяйствующих субъектов, ответственность за принимаемые решения, ориентация на достижение коммерческого успеха. Ведущее место отводится личности предпринимателя, к которой предъявляются высокие требования (умение реагировать на изменения в экономической и социальной ситуации, самостоятельность в выборе и принятии управленческих решений и др.). Предпринимательство рассматривается с позиции процесса, предполагающего поиск новых творческих идей, их анализ, воплощение на практике, которое может проявляться, например, в совершенствовании организации производства. Тем самым предприниматель, обладая высоким уровнем потенциала, зачастую имеет более высокий уровень индивидуальной трудовой и творческой активности.

Поэтому, соглашаясь с А. Абалкиным, рассматривающим предпринимательство как особый вид творческой деятельности, с нашей точки зрения, ее можно отнести к одной из форм творческой трудовой активности [11].

В ряде случаев при характеристике предпринимательства отмечается его диалектическая сущность. С одной стороны, подчеркивается мыслительный, творческий характер деятельности, с другой – отмечается предметная, практическая ее направленность, связанная с использованием новых знаний и новшеств для создания общественно полезных благ [12]. Следует отметить, что творческий характер предпринимательства получил институциональное закрепление и в нормах российского права. Например, в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ и ряде других норм, регулирующих отношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, в качестве ее признаков отмечаются те, которые присущи и творческой деятельности, поэтому можно говорить о том, что предпринимательская деятельность носит творческий характер [13].

Несмотря на то что в научных исследованиях в целом признается данный факт, существуют некоторые различия в оценках в зависимости от того, о каком виде предпринимательства идет речь – добровольном или вынужденном. В частности, склонность к осуществлению инноваций может различаться в зависимости от мотивации населения к предпринимательству (на добровольной/вынужденной основе). При этом в научной литературе существует несколько позиций относительно данной ситуации. Одна заключается в том, что «вынужденные» предприниматели, по крайней мере, часть из них, не всегда обладают требуемым уровнем способностей и навыков для развития предпринимательства, а их склонность к другому типу работ иногда не приводит к успеху на том месте, на котором они вынужденно оказались [14]. Другая точка зрения связана с тем, что наличие специфических способностей не всегда оказывается значимым для осуществления той или иной деятельности, поскольку

ку талантливый человек может достичь успеха практически в любом направлении [15, с. 124–125]. Таким образом, является значимым учет типа мотивации к предпринимательству не только с позиций влияния на творческие и инновационные процессы, но и с учетом необходимости выделения социально-демографических характеристик населения указанных групп. Интересны в этом плане данные глобального мониторинга по предпринимательству, в соответствии с которыми как среди вынужденных, так и среди «добровольных» предпринимателей большую часть составляют мужчины. «Вынужденные» предприниматели зачастую оказываются старше, чем «добровольные», для них характерен более низкий образовательный уровень. Кроме того, первые обладают меньшим уровнем дохода по сравнению со вторыми [16]. Отметим, что подобного рода информацию позволяют получить социологические исследования.

Методические аспекты исследования

В качестве информационной базы исследования выступили данные мониторинга трудового потенциала, проведенного ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (далее – ВолНЦ РАН) в 2016 году. Репрезентативность получаемой социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения.

Для обеспечения однородности выборочной совокупности осуществляется выделение типичных экономических районов в составе Вологодской области. В структуру районирования вошли 2 города (Вологда и Череповец), а также 8 муниципальных районов с различным уровнем социально-экономического развития (Шекснинский, Грязовецкий, Великоустюгский, Тарногский, Кирилловский, Бабаевский, Никольский и Вожегодский).

На следующем этапе осуществляется разделение выборочной совокупности с соблюдением квот для городской и сельской местности в каждом из опрашиваемых районов (кроме Тарногского, т. к. административный центр района – Тарногский Городок – являет-

ся селом). Для городов Вологда и Череповец дополнительно осуществлялось районирование по городским (избирательным) округам.

Далее выборочная совокупность разбивалась в соответствии с квотами по половозрастному составу населения. Для данного опроса соблюдены условия, отражающие состояние рынка рабочей силы в Вологодской области, – пропорции между занятым, безработным (зарегистрированы на бирже труда) и экономически неактивным населением (студенты, учащиеся, домохозяйки и другие неработающие), определяемые по данным статистики. Объем выборки – 1457 респондентов трудоспособного возраста (мужчины 16–59 лет; женщины 16–54 года).

Как было отмечено выше, в контексте исследования предпринимательства важным представляется учет мотивационных аспектов. С учетом мотивационной составляющей в международных исследованиях выделяют два основных типа предпринимателей «по возможности» (добровольные) и «по необходимости» (вынужденные). Несмотря на то что в научно-исследовательской литературе существуют критерии деления на вышеобозначенные группы, в ряде случаев отмечается, что респонденты при выборе между вариантами ответа «нет лучших возможностей для работы» и «использую новые бизнес-возможности» могут отдать предпочтение положительному варианту, даже если их мотивация ближе к другой альтернативе (Bosma et al., 2009) [17]. В данном исследовании мы идентифицировали предпринимателей «по возможности» с использованием ответа на вопрос «Что из перечисленного ниже входит в Ваши намерения?» (из перечня приведенных в анкете 13 намерений в ходе исследования учитывался 6 пункт «заняться предпринимательской деятельностью, открыть свое дело, стать фермером и т. д.» и применительно к данному пункту вариант ответа «это входит в мои планы»²). Предпринимателей «по необ-

² Вопрос представлен в анкете в табличной форме. По каждому из обозначенных намерений респонденту можно было выбрать один из следующих вариантов ответа «это входит в мои планы», «может быть, еще не знаю», «нет, это не входит в мои планы».

ходимости» определяли на основе ответа на вопрос «Насколько Вы готовы» (из перечня 10 пунктов, приведенных в анкете, учитывался 4 пункт «организовать собственное дело, семейный бизнес» и применительно к данному пункту варианты ответа «готов в полной мере» и «скорее готов»³).

Отметим, что в исследовании в качестве объекта рассматривались лица, которые по разным причинам (вынужденно или добровольно) демонстрируют склонность заниматься предпринимательской деятельностью, а не те, кто непосредственно ее осуществляет, в связи с важностью учета мотивационных аспектов. В данном контексте для нас было значимым определить готовность индивидов к созданию своего бизнеса в будущем, понять, что лежит в основе предпринимательских намерений, поскольку это является важной ступенью в изучении предпринимательского поведения.

Гипотеза исследования заключается в том, что у добровольных предпринимателей по сравнению с вынужденными наблюдается большая эффективность, проявляющаяся в большей реализации их трудового потенциала.

Результаты исследования

Анализ фактических данных свидетельствует, что склонность к предпринимательству как на добровольной, так и на вынужденной основе зависит от социально-демографических характеристик населения. Чаще выражают намерение заняться предпринимательством мужчины (25 против 19%) и молодежь (28 против 20%), аналогичная ситуация и в условиях предпринимательства по необходимости. Однако если в последнем случае суммарно учитывать варианты ответа «готов в полной мере» и «скорее готов», то различие между рассматриваемыми возрастными группами достигает 18%. Т. е. молодежь по сравнению со старшим населением оказывается в большей степени

³ Вопрос представлен в анкете в табличной форме. По каждому из обозначенных пунктов респонденту можно было выбрать один из следующих вариантов ответа «готов в полной мере», «скорее готов», «скорее не готов», «не готов», «затрудняюсь ответить».

склонна к вынужденному предпринимательству, обусловленному внешними причинами (табл. 1).

Другим параметром, который оказывает влияние на желание заниматься предпринимательством, является образовательный уровень. У населения с незаконченным высшим образованием более чем в 70% случаев наблюдаются предпринимательские намерения, с высшим – в 60%, в то время как в ситуации необходимости готовность к организации своего дела проявляют 59 и 45% соответственно (табл. 2). Т. е. вне зависимости от мотивов к предпринимательству различие по выделенным образовательным уровням сохраняется. Тем не менее в случае добровольного предпринимательства более высокий уровень образования сопровождается большим удельным весом тех, кто проявляет готовность к такой деятельности.

В исследовании показано, что положительное влияние на склонность к предпринимательству имеет уровень материального благосостояния. Так, в условиях высоких доходов (для жизни без ограничений) готовность открыть семейный бизнес при необходимости высказывается в 67% случаев, а при возникновении материальных проблем, затрудняющих приобретение продуктов питания, – в 38%. Аналогичная ситуация складывается и когда решение заняться предпринимательством носит добровольный, а не вынужденный характер (табл. 3).

В целом следует отметить схожий характер влияния социально-демографических характеристик на вынужденное и добровольное предпринимательство. Например, в случае предпринимательства «по необходимости» склонность к созданию бизнеса демонстрируют в первую очередь мужчины, молодежь, население с высоким образовательным потенциалом, при этом усиливает склонность к предпринимательству высокое материальное положение.

Необходимо отметить, что предпринимательство связано не только с социально-демографическими характеристиками населения, но и с удовлетворенностью работой и жизнью.

Таблица 1. Распределение добровольных и вынужденных предпринимателей по гендеру и возрасту, 100% по столбцу

Вариант ответа	Пол		Возраст	
	мужской	женский	до 30 лет	после 30 лет
Намерения заняться предпринимательской деятельностью				
Нет, это не входит в мои планы	40,8	47,1	31,1	49,7
Может быть, еще не знаю	34,5	33,6	41,2	30,8
Это входит в мои планы	24,7	19,3	27,6	19,5
Готовность организовать собственное дело, семейный бизнес в случае необходимости				
Готов в полной мере	19,7	19,0	23,1	17,8
Скорее готов	30,5	32,4	40,4	27,7
Скорее не готов	18,4	22,0	18,9	20,7
Не готов	31,4	26,6	17,5	33,8

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016 г.

Таблица 2. Распределение добровольных и вынужденных предпринимателей по уровню образования, 100% по столбцу

Вариант ответа	Уровень образования				
	неполное среднее	средняя школа, в т. ч. ПТУ со средним образованием	среднее специальное образование (техникум и др.)	незаконченное высшее	высшее
Намерения заняться предпринимательской деятельностью					
Нет, это не входит в мои планы	48,3	50,1	44,7	29,2	39,2
Может быть, еще не знаю	27,5	33,2	33,5	40,3	35,6
Это входит в мои планы	24,2	16,7	21,7	30,6	25,2
Готовность организовать собственное дело, семейный бизнес в случае необходимости					
Готов в полной мере	14,6	17,7	30,4	23,8	16,2
Скорее готов	26,1	32,5	35,7	35,1	29,3
Скорее не готов	15,9	20,8	8,9	24,9	18,2
Не готов	43,4	29,0	25,0	16,2	36,4

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016 г.

Таблица 3. Распределение добровольных и вынужденных предпринимателей по уровню доходов, 100% по столбцу

Вариант ответа	Уровень дохода				
	денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	денег хватает только на приобретение продуктов питания	денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги
Намерения заняться предпринимательской деятельностью					
Нет, это не входит в мои планы	25,0	40,9	42,8	49,8	42,3
Может быть, еще не знаю	35,4	29,2	35,7	31,6	35,9
Это входит в мои планы	39,6	29,9	21,5	18,6	21,8
Готовность организовать собственное дело, семейный бизнес в случае необходимости					
Готов в полной мере	51,2	33,6	16,8	13,8	24,6
Скорее готов	16,3	33,6	33,7	32,3	13,8
Скорее не готов	23,3	21,6	21,8	17,4	15,4
Не готов	9,3	11,2	27,7	36,5	46,2

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016 г.

Эти аспекты стали освещаться в ряде исследований и национальных отчетах (Helliwell et al., 2013 [18]; OECD, 2013). При этом считается, что параметры, позволяющие оценить удовлетворенность жизнью, могут рассматриваться в качестве индикаторов государственной политики (Stiglitz et al., 2009 [19]). Результаты межстрановых исследований показывают, что предприниматели в большей степени довольны своей жизнью по сравнению с остальными, при этом среди добровольных такая ситуация встречается чаще.

Анализ фактических данных свидетельствует, что как добровольные, так и вынужденные предприниматели в большей степени удовлетворены своей жизнью (68% опрошенных), более чем в половине случаев – работой и условиями труда. Как ту, так и другую группу предпринимателей в меньшей степени устраивает размер заработка (в последнем случае только чуть больше трети опрошенных выражают удовлетворенность; табл. 4).

Интересным, с нашей точки зрения, является тот факт, что удовлетворенность жизнью и различными сторонами работы зависит от степени соответствия квалификации требованиям рабочих мест, а также от образовательного уровня населения. Состояние удовлетворенности вышеобозначенными аспектами в половине случаев достигается в условиях обеспечения такого соответствия. В меньшей степени аналогичное чувство проявляется в ситуации сверхквалификации и в случае, когда квалификация оказывается ниже требований рабочих мест (табл. 5).

Еще один параметр, влияющий на удовлетворенность как жизнью, так и работой, – образовательный уровень населения. Среди населения с более высоким образованием чаще встречаются удовлетворенные различными сторонами работы. Практически в 40% случаев предприниматели с высшим образованием удовлетворены работой и условиями труда, чуть ниже удовлетворенность зара-

ботком (табл. 6). У респондентов с незаконченным высшим образованием невысокая удовлетворенность различными аспектами может быть отчасти обусловлена совмещением учебы и работы и невозможностью в полной мере реализовывать потенциал.

В исследовании на фактических данных показано, у части населения, проявляющей готовность к предпринимательству как на добровольной, так и на вынужденной основе, выше уровень реализации всех компонентов трудового потенциала по сравнению с противоположной группой (табл. 7, 8). У добровольных предпринимателей наибольшие различия между группами наблюдаются по таким составляющим трудового потенциала⁴, как потребность в достижении, творческий потенциал и коммуникабельность (0,117; 0,074; 0,051 ед.; см. табл. 7).

Аналогичная ситуация наблюдается и при рассмотрении вынужденного предпринимательства. В условиях готовности к организации собственного бизнеса реализация всех составляющих трудового потенциала будет выше, чем в ситуации, когда такого состояния не наблюдается. Наибольшая разница будет достигаться по тем же составляющим, что и при рассмотрении предпринимательства на добровольной основе (см. табл. 8).

Обобщая полученные результаты, отметим, что в научной литературе существует большое количество исследований, в которых речь идет о различиях в предпринимательских намерениях населения в разрезе социально-демографических групп, выделенных по полу, возрасту и другим признакам. В работе выявлен схожий характер влияния социально-демографических характеристик на вынужденное и добровольное предпринимательство. Например, среди вынужденных предпринимателей склонность к созданию бизнеса демонстрируют в первую очередь мужчины, молодежь, население с высоким образовательным потенциалом, при

⁴ С помощью оригинальной методики расчёта интегрального показателя качества трудового потенциала – социальной дееспособности – на микроуровне оценивались такие характеристики трудового потенциала, как физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциал, культурный уровень и нравственность, социальные притязания и коммуникабельность работников [20, с. 61].

Таблица 4. Оценка удовлетворенности различными аспектами жизни и работы, 100% по столбцу

Вариант ответа	Удовлетворенность отдельными аспектами			
	жизнью	работой	условиями труда	зарработком*
Добровольные предприниматели				
Вполне удовлетворен(а)	24,6	19,2	17,5	9,8
Скорее удовлетворен(а), чем нет	43,4	38,9	36,6	22,0
Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	17,8	27,0	26,6	19,6
Скорее не удовлетворен(а)	11,4	12,2	14,6	32,1
Совершенно не удовлетворен(а)	2,8	2,8	4,8	16,4
Вынужденные предприниматели				
Вполне удовлетворен(а)	24,8	19,3	17,5	9,9
Скорее удовлетворен(а), чем нет	43,2	38,8	36,5	21,9
Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	17,6	26,9	26,4	19,6
Скорее не удовлетворен(а)	11,6	12,3	14,7	32,1
Совершенно не удовлетворен(а)	2,8	2,7	4,8	16,6

* В данном вопросе следующие варианты ответа: «да, устраивает», «скорее да, чем нет», «не могу сказать», «скорее нет, чем да», «совершенно не устраивает».

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016 г.

Таблица 5. Оценка удовлетворенности различными аспектами жизни и работы в зависимости от степени соответствия квалификации выполняемой работе (вариант ответа «вполне удовлетворен»), 100% по столбцу

Степень соответствия квалификации выполняемой работе	Удовлетворенность отдельными аспектами			
	жизнью	работой	условиями труда	зарработком
Добровольные предприниматели				
Квалификация выше требований	31,5	30,1	29,4	27,3
Квалификация соответствует требованиям	49,5	52,3	51,3	51,8
Квалификация ниже требований	2,6	0,9	2,0	2,7
Не знаю, трудно сказать	16,5	16,7	17,3	18,2
Вынужденные предприниматели				
Квалификация выше требований	31,4	29,7	29,1	26,8
Квалификация соответствует требованиям	49,1	52,1	51,3	51,8
Квалификация ниже требований	2,5	0,9	2,0	2,7
Не знаю, трудно сказать	17,0	17,4	17,6	18,8

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016 г.

Таблица 6. Оценка удовлетворенности различными аспектами жизни и работы в зависимости от уровня образования (варианты ответа «вполне удовлетворен», «скорее удовлетворен(а), чем нет»), 100% по столбцу

Уровень образования	Удовлетворенность отдельными аспектами			
	жизнью	работой	условиями труда	зарработком
Добровольные предприниматели				
Неполное среднее	7,4	4,2	6,1	3,6
Средняя школа, в т. ч. ПТУ со средним образованием	25,2	18,6	16,8	22,7
Среднее специальное образование (техникум и др.)	32,7	32,6	32,1	38,2
Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	5,2	5,6	3,6	0,9
Высшее	29,5	39,1	41,3	34,5
Вынужденные предприниматели				
Неполное среднее	7,4	4,1	6,1	3,6
Средняя школа, в т. ч. ПТУ со средним образованием	25,2	18,8	16,7	22,3
Среднее специальное образование (техникум и др.)	32,6	32,6	32,3	38,4
Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	5,1	5,5	3,5	0,9

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016 г.

Таблица 7. Уровень реализации компонентов трудового потенциала у добровольных предпринимателей

Компоненты трудового потенциала	Намерения заняться предпринимательской деятельностью			
	Нет, это не входит в мои планы	Может быть, ещё не знаю	Это входит в мои планы	Разница
Численность категории в выборке, чел.	635	493	319	–
Доля категории в выборке, %	43,6	33,8	21,9	–
Индексы уровня реализации качества трудового потенциала				
Физическое здоровье	0,834	0,828	0,848	0,014
Психическое здоровье	0,822	0,810	0,855	0,033
Когнитивный потенциал	0,788	0,798	0,832	0,044
Творческий потенциал	0,676	0,692	0,750	0,074
Коммуникабельность	0,840	0,821	0,891	0,051
Культурный уровень	0,818	0,790	0,864	0,046
Нравственный уровень	0,832	0,811	0,842	0,010
Потребность в достижении	0,696	0,730	0,813	0,117
Уровень реализации качества трудового потенциала, %				
Физические возможности и здоровье	83,4	82,8	84,8	1,4
Психологическая устойчивость	82,2	81,0	85,5	3,3
Знания, эрудиция, квалификация	78,8	79,8	83,2	4,4
Творческие способности (изобретательность, умение решать неизвестные Вам ранее задачи и т. д.)	67,6	69,2	75,0	7,4
Общительность, умение ладить с людьми	84,0	82,1	89,1	5,1
Общая культура (воспитанность, сдержанность и т. д.)	81,8	79,0	86,4	4,6
Морально-нравственные качества (честность, правдивость, чувство долга, порядочность, обязательность и т. д.)	83,2	81,1	84,2	1,0
Стремление к повышению по службе, проявление инициативы и предприимчивости	69,6	73,0	81,3	11,7
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016 г.				

этом усиливает склонность к предпринимательству высокое материальное положение.

Как было представлено выше, в исследовании выделено две группы предпринимателей в зависимости от характера их мотивации, которые рассмотрены не только в зависимости от социально-демографических характеристик населения, но и в контексте удовлетворенности различными аспектами работы. В исследовании показано, что как добровольные, так и вынужденные предприниматели выражают большее удовлетворение своей жизнью в целом, чуть в меньшей степени – своей работой и ее отдельными аспектами. При этом выявлено, что в условиях соответствия квалификации требованиям рабочих мест наблюдается большее число удовлетворенных, а неэффективное использование человеческого капитала (явление сверхквалификации, а также ситуация, когда квалификация оказывается ниже требований рабочих мест) приводит

к снижению удовлетворенности жизнью и работой. Показано, что зачастую при более высоком образовательном уровне наблюдается и большая удовлетворенность трудом. Тем не менее удовлетворенность заработной платой достигается не всегда (как среди вынужденных, так и среди добровольных предпринимателей население со средним профессиональным образованием оказывается несколько чаще удовлетворено уровнем оплаты труда по сравнению с теми, у кого высшее образование). На основе фактических данных доказана гипотеза о большем уровне реализации отдельных компонентов трудового потенциала у добровольных предпринимателей. Выявлено, что наибольшие различия между готовыми и не готовыми к предпринимательской деятельности наблюдаются по таким составляющим трудового потенциала, как потребность в достижении, творческий потенциал и коммуникабельность.

Таблица 8. Уровень реализации компонентов трудового потенциала у вынужденных предпринимателей

Компоненты трудового потенциала	Готовность организовать собственное дело, семейный бизнес в случае необходимости				
	готов в полной мере	скорее готов	скорее не готов	не готов	разница
Численность категории в выборке, чел.	233	379	243	349	–
Доля категории в выборке, %	16,0	26,0	16,7	24,0	–
Индексы уровня реализации качества трудового потенциала					
Физическое здоровье	0,849	0,823	0,811	0,833	0,016
Психическое здоровье	0,852	0,824	0,828	0,800	0,052
Когнитивный потенциал	0,844	0,803	0,782	0,765	0,079
Творческий потенциал	0,776	0,704	0,685	0,641	0,135
Коммуникабельность	0,902	0,845	0,831	0,813	0,089
Культурный уровень	0,862	0,831	0,804	0,785	0,077
Нравственный уровень	0,849	0,830	0,805	0,814	0,035
Потребность в достижении	0,810	0,777	0,694	0,651	0,159
Уровень реализации качества трудового потенциала, %					
Физические возможности и здоровье	84,9	82,3	81,1	83,3	1,6
Психологическая устойчивость	85,2	82,4	82,8	80,0	5,2
Знания, эрудиция, квалификация	84,4	80,3	78,2	76,5	7,9
Творческие способности (изобретательность, умение решать неизвестные Вам ранее задачи и т. д.)	77,6	70,4	68,5	64,1	13,5
Общительность, умение ладить с людьми	90,2	84,5	83,1	81,3	8,9
Общая культура (воспитанность, сдержанность и т. д.)	86,2	83,1	80,4	78,5	7,7
Морально-нравственные качества (честность, правдивость, чувство долга, порядочность, обязательность и т. д.)	84,9	83,0	80,5	81,4	3,5
Стремление к повышению по службе, проявление инициативы и предприимчивости	81,0	77,7	69,4	65,1	15,9
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016 г.					

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонидова Г.В., Панов А.М., Попов А.В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения // Проблемы развития территории. 2013. № 4 (66). С. 49–57.
2. Stel A. van, Carree M., Thurik R. The Effect of Entrepreneurial Activity on National Economic Growth. *Small Business Economics*, 2005, vol. 24, no. 3, pp. 311–321. DOI 10.1007/s11187-005-1996-6.
3. Проблемы экономического роста территории: монография / под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
4. Инновационная активность крупного бизнеса в России. Механизмы, барьеры, перспективы. Исследование Российской экономической школы, PricewaterhouseCoopers в России и Центра технологий и инноваций PwC // Российский журнал менеджмента. 2010. № 4. С. 81–112.
5. Завьялова Е.К., Цыбова В.С., Яхонтова Е.С. Взаимосвязь управления человеческими ресурсами и инновационной активности российских компаний // Российский журнал менеджмента. 2014. № 12 (3). С. 3–32.
6. Козырева П.М. Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1 (37). С. 43–58. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.3
7. Чепуренко А.Ю. Теория предпринимательства: новые вызовы и перспективы // Форсайт. 2015. Т. 9. № 2.
8. Чепуренко А.Ю., Яковлев А.А. Теория предпринимательства: важность контекста // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11. № 2. С. 51–60.
9. Delle E., Amadu I.M. Proactive Personality and entrepreneurial intention: employment status and student level as moderators. *International Journal of Small Business and Entrepreneurship Research*, 2015, vol. 3, no. 4, pp.1–13.

10. Neneh B.N. An Assessment of Entrepreneurial Intention among University Students in Cameroon. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2014, vol. 5, no. 20.
11. Богданчикова Т.В. Трудовая и творческая активность работников в условиях предпринимательства // Омский научный вестник. 2006. № 4 (38). С. 181–184.
12. Новожилов А.Е. Созидательный потенциал предпринимательства. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23086/1/iurp-2006-45-11.pdf> (дата обращения 14.03.2018).
13. Ковалевский М.А. Предпринимательская деятельность как деятельность творческая: правовые аспекты. URL: http://anoufrieu.ru/assets/files/predprinimatelskaja_kak_tvorcheskaja-kovalevsk.pdf (дата обращения 12.03.2018).
14. Williams C.C. Beyond necessity-driven versus opportunity-driven entrepreneurship: A study of informal entrepreneurs in England, Russia and Ukraine. *The International Journal of Entrepreneurship and Innovation*, 2008, vol. 9, no. 3, pp. 157–165.
15. Заздравных Е.А. Теоретический анализ взаимосвязи предпочтений предпринимателей и их инновационной активности // Журнал экономической теории. 2017. № 2. С. 122–131.
16. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016/2017. URL: http://gsom.spbu.ru/files/docs/gem_russia_2016-2017.pdf (дата обращения 12.03.2018).
17. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2013. URL: http://gsom.spbu.ru/images/cms/data/faculty/gem_2013_final20_all.pdf (дата обращения 13.03.2018).
18. Helliwell J.F., Layard R., Sachs J. *World Happiness Report*. New York: UN Sustainable Development Solutions Network, 2013.
19. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Available at: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.html>
20. Леонидова Г.В., Панов А.М. Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния // Проблемы развития территории. 2013. № 3 (65). С. 60–70.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинова Ксения Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Ustinova K.A.

A SOCIO-DEMOGRAPHIC IMAGE OF A MODERN ENTREPRENEUR⁵

The article shows the role of entrepreneurship in territories' economic development. Entrepreneurship is considered as a form of population's creative labor activity associated with the search for new creative ideas, their analysis, practical implementation, accompanied by improvement of both production process organization and products released. Based on analysis of the existing foreign works in the field of entrepreneurship, we demonstrate the presence of debatable aspects related to the influence of various socio-demographic characteristics on propensity to entrepreneurship. Therefore, the purpose of the article is to identify the socio-demographic characteristics of entrepreneurs; attention is paid to different groups identified depending on the motivation for business ("voluntary", "forced"). It is shown that both express greater satisfaction with their lives in general, they are a little less satisfied with their work and its individual aspects. It has been revealed that amid compliance of job requirements with the qualifications there is a greater number of satisfied people; inefficient

⁵ The publication is prepared within the framework of the Russian Foundation for Humanities scientific project no. 17-22-01020 "Motivational and Stimulating Mechanism of Creative Labor Activity: Comparative Analysis of Russia and Belarus".

use of human capital (the phenomenon of overqualification, as well as the situation where the qualification is lower than job requirements) leads to a decrease in life and work satisfaction. It has been established that in a situation where the population has a higher educational level there is often greater satisfaction with work. However, satisfaction with wages is not always achieved: both "forced" and "voluntary" entrepreneurs with secondary vocational education are more likely to be satisfied with the level of wages compared to those with higher education. Based on facts we prove the hypothesis about a greater level of implementation of individual components of labor potential among "voluntary" entrepreneurs. It is revealed that the greatest differences between those ready and not ready for entrepreneurship is observed in components of labor potential such as the need for achievement, creative potential and sociability.

Entrepreneurship, job satisfaction, realization of labor potential.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ustinova Kseniya Aleksandrovna – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate at the Department of Standard of Living and Lifestyles Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ustynova-kseniya@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.9

УДК 316.4 | ББК 60.52

© Гужавина Т.А.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: К ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ¹

ГУЖАВИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: tanja_gta@mail.ru

Статья посвящена исследованию структурных характеристик социального капитала населения сельских территорий. Сельские территории, продолжая оставаться источником материальных и человеческих ресурсов, испытывают значительное влияние со стороны кризисных экономических процессов. Факты современной жизни свидетельствуют о разрушении традиционных ценностей и уклада жизни селян. Это ведет к ослаблению социального капитала жителей сельских территорий и снижает возможности для реализации их человеческого потенциала, не способствует самоорганизации населения. Объектом исследования стало население области, проживающее в границах сельских территорий, предметом – накопленный им социальный капитал. Методологической основой изучения состояния социального капитала сельских территорий стала концепция, основы которой были заложены Бурдье, Коулманом, Фукуямой. Эмпирической базой работы стали результаты исследования, проведенного специалистами Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» на территории Вологодской области, посвященного региональному социальному капиталу. В качестве индикаторов для анализа когнитивной и структурной составляющих социального капитала использовались доверие, включенность в сетевое взаимодействие. Гражданская активность и локус ответственности послужили индикаторами внешних экстерналий. Анализ базового компонента

Цитата: Гужавина Т.А. Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 136–152. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.9

Citation: Guzhavina T.A. Social capital of the rural population: assessment of condition. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 136–152. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.9

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» грант № 16-03-00188/16.

социального капитала (доверия) позволил произвести группировку респондентов относительно выявленного уровня. Большая часть сельского населения имеет узкий радиус доверия, ограниченный доступ к ресурсам и обладает минимальным социальным капиталом. Отмечены более высокая общественная активность респондентов с широким радиусом доверия, их включенность в деятельность различных организаций. Они имеют более устойчивые статусные позиции. Именно эта группа может стать опорой для реализации инициатив, выдвигаемых как самим населением, так и органами местного самоуправления.

Социальный капитал, доверие, открытый капитал, закрытый капитал, сельские территории, социальные ресурсы, конвертация форм капитала, солидарность, самоорганизация.

Введение

Статус российского села в истории нашей страны таков, что оно в течение веков было и продолжает оставаться источником ресурсов для нашего государства, обеспечивая его продовольственную безопасность [1], снижая тем самым уязвимость страны в отношении влияния внешних сил. Долгое время село рассматривали как среду, где сохраняются традиционный уклад жизни и хозяйствования населения, отношения крестьянской солидарности и коллективизма [2]. Однако факты свидетельствуют о том, что многие традиции сельского образа жизни утрачены, а им на смену приходят индивидуализированность быта, массовая культура с ее утилитарными ценностями, усиление прагматизма в отношении взаимопомощи и взаимной поддержки, снижение уровня доверия. Меняется и социальный состав сельских поселений, что ведет к изменению характера отношений и контактов между селянами [3]. Исчезновение традиционного крестьянского уклада жизни влечет за собой и исчезновение его носителей на селе. Во многом это связано с трансформацией общественного сознания как населения страны в целом, так и ее сельских жителей. Как отмечает А. Крисанов: «Национальное самосознание современной России почти не связано с пониманием и признанием ее совсем недавней «крестьянственности» [4, с. 47].

Под воздействием рыночных трансформаций на селе получили распространение серьезные негативные процессы, к числу которых относят деиндустриализацию, деинтеллектуализацию трудового потенциала и ряд других негативных тенденций [5, с. 171].

Деградация производственного потенциала сопровождается потерями трудовых ресурсов, углублением дифференциации в уровне развития аграрного сектора и других секторов в регионах, между сельскими территориями центра и периферии; возникновением управленческих проблем, что выражается в разрыве горизонтальных и вертикальных связей в АПК; диспаритетом в межотраслевом обмене сельского хозяйства с другими отраслями экономики. Обнищание селян – еще одно существенное негативное последствие.

В целом же происходящие перемены ведут к увеличению социальных рисков и конфликтности, усилению у сельских жителей настроений отчуждения и нестабильности, ощущению ограничения возможностей реализации своего потенциала. В совокупности эти и другие факторы превращают село в сегмент общества риска и ведут к истощению социальных ресурсов сельского сообщества, что во многом проявляет себя в ослаблении его социального капитала. Ученые ставят вопрос о необходимости возрождения социального капитала, поскольку в определенные периоды жизни села именно социальный капитал обеспечивал выживание и развитие сельского социума [6; 7; 8; 9].

Теоретические основания исследования

Зародившись благодаря изысканиям П. Бурдье, Дж. Коулмана, Р. Патнэма [10–13], исследование социального капитала получило распространение и в отечественной науке в работах Л. Беляевой, Р. Меняшева, Л. Полищука, В.В. Радаева и др. [14–17].

Концептуально устоявшимися на сегодняшний день являются многие аспекты дан-

ной теории. Основанием ее можно считать идею о том, что сущность социального капитала составляют связи и отношения, базирующиеся на доверии и нормах взаимодействия. Иными словами, социальный капитал имеет общественную природу.

Социальный капитал предстает в двух своих основных характеристиках: как ресурс он обеспечивает внешние позитивные эффекты в виде помощи и поддержки, признания, включения в статусную группу, получения необходимой информации, как актив социальный капитал создается за счет вложений. Инвестициями служат время, затраченное на визиты и общение, на поддержание контактов в сетях отношений, материальные ресурсы, затраченные на подарки и взносы в фонды ассоциаций, на благотворительность, на получение информации и т. п. Социальный капитал создается и воспроизводится только в ходе его активного использования. Рассматривая социальный капитал как одну из форм капитала наряду с материальным и человеческим, П. Бурдье сформулировал его принципиальные отличительные характеристики. К их числу он относит неосвязаемость и символичность, отсутствие права собственности, что превращает данную форму капитала в общественное благо [10]. В то же время понимание социального капитала П. Бурдье носит инструментальный характер. Он сосредоточивает свое внимание на пользе, которую индивиды получают, принимая постоянное участие в деятельности групп с целью создания некоторого ресурса. Это дает возможность трактовать социальный капитал как внешние эффекты, возникающие за счет включенности в сети социальных отношений, формирующиеся на основе норм доверия и взаимности.

Социальный капитал имеет достаточно сложную структуру, для описания которой уместно выделить два его аспекта: когнитивный и структурный. Структурная составляющая показывает принадлежность индивидов к различным группам и организациям, иными словами, их включенность в сети. Когнитивный же аспект базируется на доверии к окружающим, на ощущении готовности

Рис. 1. Компоненты социального капитала

объединиться с другими людьми, на стремлении повлиять на ситуацию и ход событий, взять ответственность на себя.

В структуре социального капитала все его исследователи без исключения придают огромное значение доверию, считая его базовым компонентом, без наличия которого формирование и поддержание социального капитала невозможно. Доверие выступает основой, на которой строятся человеческие отношения. По мнению исследователей, доверие следует рассматривать как метаотношение, обобщающее другие отношения [18]. Роль доверия в формировании социального капитала рассматривается в работах [10; 19–21]. Как фактор экономического роста выделяет доверие Ф. Фукуяма. Основанием доверия, по его мнению, служит ожидание того, что другие члены сообщества будут вести себя более или менее предсказуемо, будут относиться к нуждам окружающих честно и со вниманием, в соответствии с некоторыми общими нормами [21]. Доверие предстает как культурная составляющая, оказывающая влияние на экономическую жизнь любого общества. Оно определяет прогресс, обеспечивает рост эффективности экономики за счет снижения издержек.

Углублением тематики социального капитала в зарубежной и отечественной науке стало его детальное изучение на региональном уровне, а также на уровне городских и сельских сообществ, отдельных групп [9; 14; 22–27].

При изучении социального капитала сельских сообществ исследователи уделяют внимание самым разным аспектам. Целый ряд исследований социального капитала сельских общин анализирует его влияние на самые разные аспекты жизни сообщества: практики микрофинансирования [28], совершен-

ствование деятельности малых предприятий [29], расширение экономических прав населения [30], использование современных форм коммуникации, прежде всего интернета [31], и т. д. Б. Реймер в своей работе «Сущность социального капитала: особенности и проявления в сельской местности Канады» связывает социальный капитал с типом социальных отношений [32]. Он акцентирует внимание на понимании социального капитала как динамичных социальных отношений. В свою очередь, это позволяет автору выделить специфику проявления социального капитала в зависимости от той сферы, в которой формируются и разворачиваются социальные отношения.

Интерес к изучению социального капитала жителей сельских территорий обозначил проблематику зарождающихся исследований в этой области у отечественных ученых. Важным аспектом является возможность исследования ситуации, свойственной российским социально-экономическим и социально-политическим условиям. Условия формирования и воспроизводства социального капитала сельских жителей анализируются в работах Г.В. Бражника, В.П. Бабинцева, Н.В. Шевченко. По их мнению, «социальный капитал сельских жителей формируется как отражение возможностей, возникающих в результате межличностного и межгруппового взаимодействия» [7, с. 50]. Они отмечают сложности его объективной оценки, связанные с противоречивостью человеческого сознания и поведения. В качестве ограничений для возрождения и поддержки социального капитала сельских сообществ выступают: снижение потребности самих жителей села в социальном капитале, разрушение человеческого капитала селян, дискредитация базовых ценностей и ориентация на более примитивные потребности, изменение традиционных моделей поведения на селе и ряд других факторов [5]. Вопросы конвертации социального капитала сельской семьи на примере конкретного региона рассматривает Г. Зинатуллина [33]. Т.П. Кожиной затронута проблема доверия среди сельских женщин [9]. Тем не менее от-

метим, что изучению социального капитала сельских сообществ уделяется неоправданно мало внимания. Считать данную область достаточно разработанной не представляется возможным.

Методология исследования

Концепция социального капитала является дескриптивной по своей сущности. Интерес к ней связан с пришедшим в научную мысль пониманием того, что «отношения имеют значение». Признание факта ограниченности рациональности в поведении человека привело к усилению внимания к неэкономическим факторам [34]. Влияние неэкономических факторов выражено слабее, оно менее устойчиво, их действие неоднозначно. Мейнстрим современной экономической науки признает, что человек использует не только рациональные модели поведения, но и другие установки, осуществляет ценностный выбор.

Социальный капитал можно отнести к группе неэкономических факторов развития, оказывающих влияние на экономическую сферу. Для оценки состояния социального капитала сельского населения, проживающего на территории Вологодской области, были использованы результаты социологического исследования, проведенного специалистами Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». на территории Вологодской области в рамках исследования по гранту «Региональный социальный капитал в условиях кризиса». Общий объем выборки составляет 1500 человек. В структуре выборки население сельских территорий составляет 46%. Опрашиваются жители области старше 18 лет в двух крупных городах (Вологда, Череповец), а также в 8 районах области (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский). Выборка целенаправленная, квотная. Способ отбора респондентов – многоступенчатый квотный отбор, квотируемые признаки – пол, возраст. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих усло-

вий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области.

Важным методологическим аспектом исследования является выделение населения сельских территорий. По сложившейся в последние десятилетия традиции к сельскими территориями относят территории, находящиеся за пределами городов и имеющие долю сельского населения свыше 50% [35]. Данная установка позволяет исследователям ВолНЦ РАН приравнять муниципальные районы, соответствующие названному параметру, к сельским территориям [36, с. 223]. В нашем исследовании мы придерживаемся данной классификации, считая ее обоснованной.

Вторая проблема касается методики оценки социального капитала. На сегодняшний день не существует более или менее устоявшейся методики его измерения ни в зарубежной, ни в отечественной науке. Исследователи анализируют различные индикаторы, характеризующие основные компоненты социального капитала – доверие, сети, взаимность в отношениях. Широко используются дополнительные показатели, характеризующие различные стороны жизни общества [36]. Предпринимаются попытки измерения социального капитала в зависимости от уровня его накопления [37]. Наибольшее распространение получили измерения социального капитала на микро- и макроуровнях [38; 39]. Однако аналитический обзор существующих подходов и методик измерения социального капитала выходит за рамки данной публикации. Отметим, что подходы к его измерению в значительной степени зависят от области исследований.

Для дальнейшего изучения социального капитала мы интерпретируем его как, во-первых, наличие сетей социальных отношений, основанных на доверии и обладающих общими нормами и ценностями, с учетом уровня вовлеченности в них людей, во-вторых, как внешние эффекты и результаты, генерируемые социальным взаимодей-

ствием в рамках этих сетей и полезные для общества, социальных групп (в нашем контексте – для жителей сельских территорий).

Оценку состояния социального капитала населения сельских территорий целесообразно производить на основании выявленных структурных составляющих. В связи с этим в качестве индикатора измерения когнитивной составляющей анализируется доверие, в качестве измерения структурной основы социального капитала рассматриваются включенность в сетевое взаимодействие. В качестве экстерналий рассматриваются гражданское участие и локус ответственности индивидов.

В дальнейшем анализе мы основываемся на следующих тезисах:

- социальный капитал воплощен в социальных отношениях, возникающих в процессе взаимодействия субъектов;
- признание доверия в качестве базового элемента социального капитала и основы прочных социальных отношений, что способствует созданию общих ценностей и норм;
- включенность в сети отношений на определенном социальном уровне позволяет актору (индивиду или сообществу) использовать ресурсы этой сети для достижения своих целей, в частности решать экономические проблемы;
- социальный капитал способствует солидарному объединению индивидов в сплоченную группу, соответственно, способствуя тем самым социальной координации и социальному порядку, в этом заключены функциональные характеристики социального капитала;
- реализация социального капитала наблюдается через определение индивидом своей зоны ответственности за состояние дел в месте проживания.

На основании сформулированных теоретических принципов и будут анализироваться эмпирические данные с целью получить представление о состоянии социального капитала сельского сообщества.

Анализ данных

Диагностика состояния социального капитала региона или любого другого территори-

ального сообщества позволяет понять, какими ресурсами располагает население, каков его резервный потенциал. Об исчерпаемости ресурсов сельских территорий говорит, прежде всего, высокий уровень экономических рисков, связанных с жизнью в сельской местности. Возможность оказаться в категории бедных значительно выше в сельской местности, чем в городской (рис. 2). Значение индекса риска бедности выше 1 показывает, во сколько раз риск бедности для населения, сгруппированного по месту проживания, превышает риск бедности для населения в целом. Значение индекса риска бедности ниже 1 свидетельствует о более низком риске бедности, чем риск бедности для населения в целом [40, с. 121]. Кроме того, чем меньше численность жителей населенного пункта, тем выше риск.

Ограниченность ресурсов, которыми располагают селяне, является результатом ряда факторов: в сельской местности ниже оплата труда [41, с. 115], больше тех, кто получает минимальную оплату за свой труд [41, с. 112], меньше квалифицированных рабочих мест. Практически отсутствует возможность сменить работу, не меняя место жительства. Сельский житель прикреплен к своей терри-

тории проживания. В результате социально-экономическое неравенство выражено среди селян ярче.

Среди жителей сельских территорий Вологодской области в сравнении с жителями городов больше тех, кому не хватает средств на самое необходимое, и несколько меньше тех, кто не имеет материальных проблем. Выражением данного положения дел является самооценка жителями своего материального положения (табл. 1).

При дефиците материальных ресурсов, получаемых извне в виде зарплаты, пенсий, пособий, возрастает значение таких источников, как помощь со стороны членов семьи, других родственников, друзей. Именно эти три группы выделяют в своем окружении жители сельских территорий при ответе на вопрос «К кому Вы сможете обратиться при возникновении проблемной жизненной ситуации?». Более 90% респондентов выбирают членов семьи, востребованность других родственников и друзей ниже и составляет около 55%. К соседям обратятся менее 5% респондентов, столько же пойдут за поддержкой к своему руководителю. В данном случае мы можем утверждать, что сетевые ресурсы

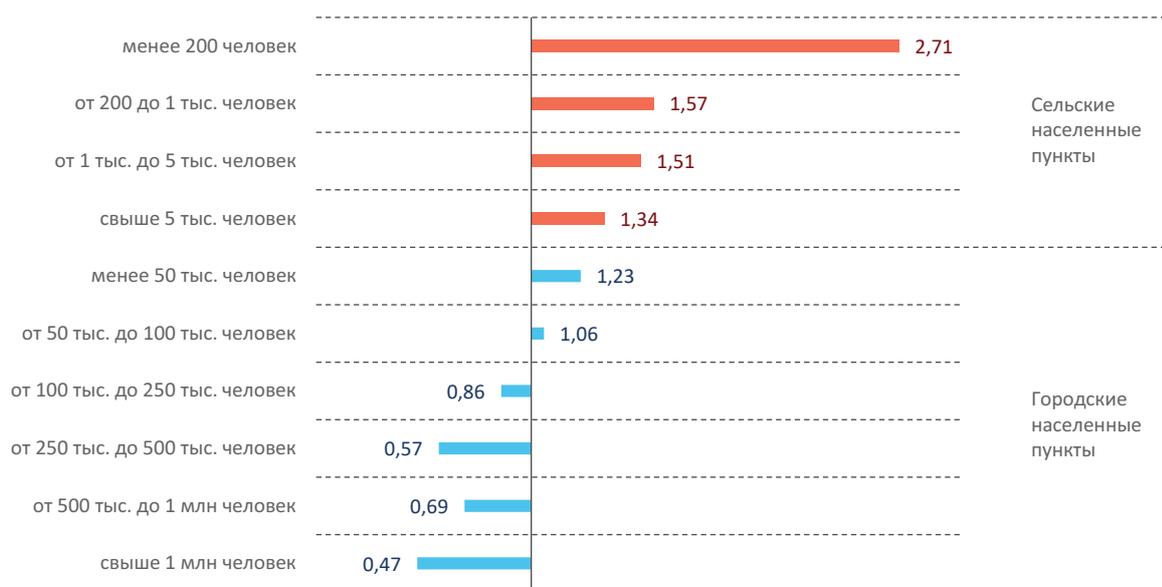

Рис. 2. Индекс риска бедности по населенным пунктам с различной численностью населения в 2016 году (по материалам выборочного обследования бюджета домашних хозяйств)

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 121.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «К какой группе Вы бы отнесли себя и Вашу семью?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Сельские территории
Живем в достатке	2,0	1,7	1,3
Особых денежных проблем нет	21,0	15,6	14,7
На повседневные нужды денег хватает	45,0	49,4	42,1
Денег хватает только на самое необходимое	28,6	29,1	31,7
Денег до зарплаты не хватает даже на самое необходимое	3,3	4,2	10,1

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

у сельского населения находятся в основном в семейном окружении, что делает их ограниченными, соответственно, ограничены и возможности конвертации социальной формы капитала в экономическую. Данная ситуация имеет место не только на территории Вологодской области [33].

Ограничение сетевых контактов семейными структурами специалисты оценивают как проявление не столько социального, сколько биосоциального начала в социальных отношениях. В частности на это указывает в своей работе «Социокультурные коды в экономической жизни» А. Аузан [42]. Речь идет о таком типе отношений, которые не требуют значительных усилий и формируются априори. Эти отношения являются базовыми для формирования межличностного доверия, служащего для формирования всех иных его форм. Анализ данного типа доверия дает возможность оценить характер сформировавшихся отношений, определить радиус (Ф. Фукуяма) [21], что позволяет выявить наиболее устойчивые связи индивида в его окружении. Тем самым приходит понимание среды формирования онтологической безопасности, которая содержит в себе представления о постоянстве социального окружения, защищает от состояния неопределенности и страха [43, с. 25]. Включенность на основе доверия в то или иное сетевое взаимодействие позволяет оценить существующий в сообществе интеграционный потенциал.

Сложившиеся экономические условия оказывают влияние на социальное самочувствие населения сельских территорий и на характер социальных настроений, формирующихся в их среде (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Сельские территории	Область в целом
Эмоциональный подъем, бодрость	3,3	9,4
Обычное, ровное	65,9	62,5
Тревожность, раздражение	18,4	18,1
Безразличие, апатия	5,8	5,0
Затрудняюсь ответить	6,7	5,0

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Индикатором измерения межличностного доверия являются ответы респондентов на вопрос «Кому можно доверять, на Ваш взгляд, в наше время?». На основе полученных данных были выделены основные группы респондентов, которые могут быть условно обозначены как «недоверяющие», «доверяющие избирательно» и «доверяющие»² (табл. 3).

«Недоверяющие» представляют собой группу респондентов, выбравших альтернативу «никому нельзя доверять». Это те, кто ориентирован на очень ограниченный круг контактов. Их доля в общей выборке составила порядка 26%. Данный показатель несколько выше, чем общеобластной результат, что говорит о более высоком уровне недоверия окружающим в среде сельских жителей. Своему окружению, в том числе и самому близкому, не готов доверять практически каждый четвертый. Радиус доверия этой группы определяется как малый. В терминах П. Штомпки в этой категории респондентов преобладает «залог» негативного плана [44].

² Данные, полученные отдельно по группе респондентов, выбравших альтернативу «доверять можно всем без исключения», оказались статистически не значимы, что позволило нам их объединить.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Кому можно доверять, на Ваш взгляд, в наше время?», % от числа ответивших жителей сельских территорий

Вариант ответа	Сельские территории	Область в целом
Никому нельзя доверять	25,7	21,6
Только самым близким друзьям и родственникам	60,5	56,6
Большинству знакомых людей можно доверять, доверять можно всем людям без исключения	13,8	21,8

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Иными словами, присутствует фактор ожидания негативных действий со стороны контрагентов взаимодействия, что формирует настрой на оборонительную реакцию. Однако представители этой группы, несмотря на заявленное отношение к своему окружению, в реальной практике готовы доверять самым различным агентам, к числу которых можно отнести врачей, учителей, полицейских, продавцов и т. д. Представители данных профессиональных групп чаще всего не являются родными или друзьями, однако благодаря им поддерживается связь с важными институциональными структурами. Поэтому в данном случае можно скорее говорить не столько о недоверии, сколько об отсутствии доверия как о нейтральной позиции по отношению к незнакомым людям. Кроме того, здесь проявляют себя индивидуалистические настроения, ориентация на собственные силы и возможности.

Группу «доверяющие избирательно» составляют вологжане, выбравшие альтернативу «доверять можно только самым близким друзьям и родственникам». В структуре респондентов они составляют большинство – 60%. Здесь также наблюдается некоторое превышение над общеобластным показателем. Радиус доверия этой группы определяется как ограниченный. Несмотря на то что круг людей, которые находятся с респондентами в доверительных отношениях, шире, чем в первом случае, их контакты сосредоточены прежде всего на хорошо знакомых людях, с которыми установлены преимущественно личные отношения. Основная проблема данной группы заключается в стремлении сохранить связи, прежде всего на уровне семейных отношений, то есть именно те связи, которые не требуют усилий и затрат на свое

поддержание и сохранение. Отказ от доверия, его «свертывание» фактически означает ограничение инвестиций в свои социальные ресурсы. Кроме того, здесь в большей степени представлены индивидуалистические настроения, а также ориентация на собственные силы и возможности. Имеет место и отказ от социально активной позиции, которая всегда требует широкого взаимодействия с окружающими. Среди представителей названных групп доля участвующих в деятельности каких-либо организаций составляет 20 и 25% соответственно. Основная масса респондентов занимает крайне пассивную позицию, не участвуя нигде и ни в чем.

Третья группа – «доверяющие» – включает в себя тех, кто открыт общению, чья позиция выражена альтернативами «большинству знакомых людей можно доверять» и «доверять можно всем без исключения». Состав группы – около 13%, радиус доверия этой группы обозначен как расширенный. Эта группа открыта взаимодействию и склонна к проявлениям гражданской активности, именно ее представители включены в деятельность различных организаций и могут рассматриваться как активисты гражданского общества. Через доверие осуществляется взаимодействие не только с близким окружением, но и с властными и общественными структурами, вовлечение в формальные и неформальные практики, тем самым проявляется гражданская активность для реализации и защиты своих прав. Доверяющие проявляют значительно большую активность в общественной жизни (табл. 4).

Требует оговорки сам факт участия. Активность населения в целом очень низка. Около 80% нигде не состоят и ни в чем не участвуют. На этом фоне позиция группы «дове-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Входите ли Вы в состав каких-либо официальных общественных организаций?» (приведено распределение только положительных ответов), % от числа опрошенных жителей сельской местности

Вариант ответа	Недоверяющие	Доверяющие избирательно	Доверяющие
Профессиональные и предпринимательские	1,1	2,1	2,1
Ветеранские	3,9	2,6	3,1
Молодежные, студенческие	0,0	1,9	3,1
Творческие	0,0	0,9	4,1
Историко-культурные	0,0	0,7	3,1
Общественно-политические объединения	0,6	0,7	2,1
Общественные организации в сфере ЖКХ	0,0	0,7	1,0
Родительские	4,4	6,8	12,4
Профсоюзы	2,8	7,0	8,2

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

ряющие» более выигрышна. 34% представителей названной группы состоят в различных формальных общественных организациях.

В значительной степени показателем для сравнительной оценки выделенных групп рассчитанный индекс доверия³, который не просто характеризует сформировавшийся его уровень среди респондентов, выбравших различные альтернативы для выражения своей позиции (рис. 3), а позволяет увидеть значимые различия в позициях.

Рассчитанный индекс однозначно указывает на более высокое доверие родственникам, что служит явным подтверждением значимости для вологжан семьи и семейных отношений. Доверие членам семьи является безусловным, поскольку основано на близком и постоянном взаимодействии, на кровно-родственных отношениях, являющихся примордиальными. Относительно других категорий в окружении респондентов значения индекса становятся более разнообразными. В группе «недоверяющие» положительный значимый (от 0,5) для анализа индекс доверия присутствует по отношению к членам семьи,

родственникам и друзьям. Но уже при выборе альтернативы «друзья» индекс обнаруживает значительное снижение, достигая на «соседях» негативного значения и резко понижаясь на остальных альтернативах. Большая же часть индекса находится в зоне отрицательных значений. В группе «доверяющие избирательно» готовность взаимодействовать на основе доверия за пределами своей семьи с другими родственниками и друзьями также показывает сильную тенденцию к снижению. Положительные значения индекса имеют «коллеги» и «руководитель» организации, где работают респонденты. Начиная с альтернатив «соседи» и «знакомые» индекс приобретает минимальные значения. По-видимому, связи и контакты с коллегами и руководством имеют большее значение и являются для респондентов более продуктивными, чем связи с соседями. Актуальность взаимодействия с представителями других групп снижается.

Риски доверия у этих двух групп выше, а это означает, что их представители предполагают, что контрагенты скорее не выполнят свои обязательства, чем выполнят. Такой негативный залог формирует оппортунистическое поведение, готовность к ответным, а порой и упреждающим негативным действиям в адрес контрагента взаимодействия. Подобная установка не способствует укреплению межличностного доверия. Факторами, ее порождающими, могут быть как собственно социализация, так и личный негативный опыт. Но это могут быть и условия, созданные социально-экономическим кризисом, переживае-

³ Индекс доверия рассчитывается как разница взвешенных положительных и отрицательных альтернатив. Пределы колебаний индекса от -2 до 2, где «2» соответствует альтернативе «да» (доверяю), «1» – «скорее да, чем нет», «-1» – «скорее нет, чем да», «-2» – «нет». Положительное значение свидетельствует о преобладании доверия к..., отрицательное – о недоверии. Значимым считается значение больше 0,5, и меньше -0,5. На графике приведены результаты ответов (в пересчете на средневзвешенные) на вопрос «Кому Вы можете доверять?» в сопряжении с вопросом «Насколько Вы доверяете или не доверяете...».

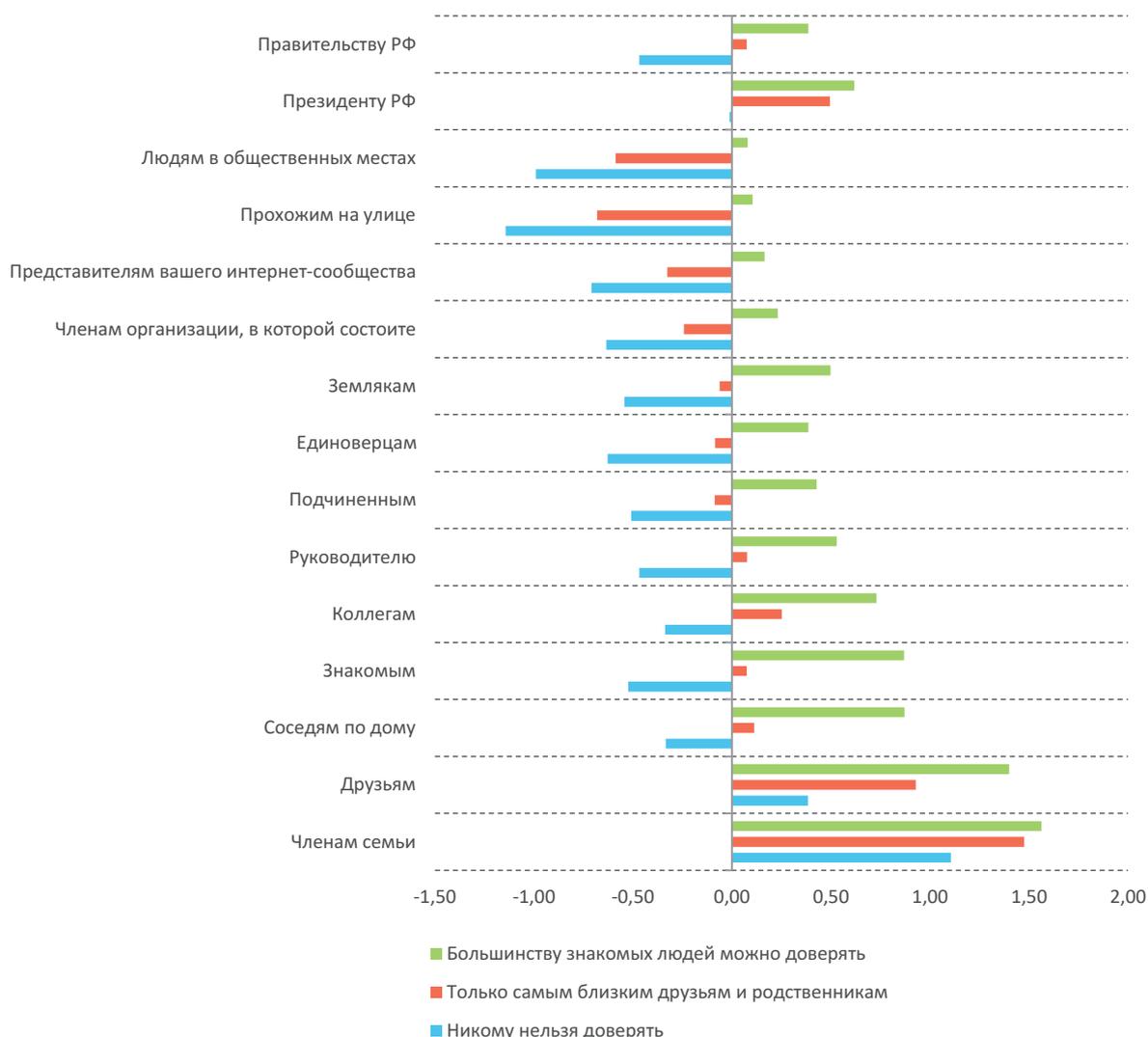

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете или не доверяете...» (графики построены на основе значений индекса доверия; среди респондентов – представителей выделенных трех групп)

мым российским обществом, ориентирующим актора на выживание, и провоцирующие определенный вид поведения. В этом случае недоверие укореняется в общественном мнении, которое начинает его культивировать. Основной негативный результат распространения недоверия состоит в том, что люди, не веря никому, снимают таким образом с себя обязательства по соблюдению норм, правил, начинают явно или неявно уклоняться от выполнения своих обязанностей: гражданских, профессиональных или семейных.

Обращают на себя внимание также негативные значения индекса доверия в отношении земляков и единоверцев. И соседи, и

земляки, и единоверцы представляют собой группы, формирующиеся на основе территориального единства и поселенческой близости, играет свою роль и наличие общих ценностей. Особенно это касается религиозных сообществ. Низкий уровень доверия представителям этих категорий у большей части респондентов, входящих в группы «недоверяющие» и «доверяющие избирательно», может рассматриваться как показатель социальной напряженности в сельском сообществе.

Наибольшие позитивные значения индекса доверия показывает в группе «доверяющих». Своей позицией они обеспечивают себе расширенные контакты. Доверие, которое

они оказывают окружающим, охватывает не только его первичные адресаты, к числу которых можно отнести родных, близких и друзей. Доверие этой группы имеет более широкие горизонты. Многие из окружения, которому доверяют жители сельской местности, это работники соседних предприятий, сотрудники различных учреждений. Среди них много тех, кого жители сельских территорий не знают непосредственно, но знают в лицо либо с кем общаются крайне редко. Ряд категорий, которым выказано доверие, может означать так называемых отсутствующих других [44, с. 117]. Ими могут быть единовверцы, земляки, члены одной сети и т. д. Как утверждает П. Штомпка, это те, с кем мы не сталкиваемся непосредственно, «...наше представление соединяет их в реальные сообщества... В этом случае доверие конкретным лицам незаметно переходит в доверие к более абстрактным общественным объектам» [44, с. 117]. В качестве таковых выступают исповедующие одну религию, принадлежащие к одному этносу или поколению и т. п. Данные общности, выделяемые по какой-то одной черте, чаще всего выделяются на основании распространенных в социуме стереотипов. Эти категории являются промежуточными между межличностным и институциональным доверием.

Полученные в ходе исследования данные позволяют произвести сравнительный анализ выделенных групп и по таким значимым параметрам, как образование и материальная самоидентификация (табл. 5, 6).

Значение образования для формирования социального капитала можно оценить как высокое. От уровня образования во многом зависит, на какие перспективы рассчитывает человек, как ориентирован на свои будущие достижения. В ходе получения образования формируется собственно сам запас социального капитала, состоящий из связей и отношений. По версии Липсета [45], образование повышает доверие к незнакомым людям, снижает уровень насилия в обществе. Исследователи считают, что образование в значительной мере способствует созданию социальных навыков, коммуникации, учит взаимодействию.

Наблюдается и определенная связь между доверием и уровнем самоидентификации. Уровень самооценки материального положения у «недоверяющих» ниже, чем у относящихся к группам «доверяющие ограниченно» и «доверяющие». Доля недоверяющих значительно выше в группах тех, кто оценивает свое материальное положение как низкое. Тревожит и тот факт, что их меньше и в группе населения, которая обеспечивает свои повседневные нужды.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какое у вас образование» в зависимости от уровня доверия, % от числа опрошенных жителей сельских территорий

Вариант ответа	Недоверяющие	Доверяющие избирательно	Большинству знакомых людей можно доверять
Неполное среднее	12,2	6,6	3,5
Окончил среднюю школу	27,6	26,5	30,0
Окончил колледж, техникум, училище	50,8	51,0	63,7
Окончил вуз	8,8	14,6	20,9

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «К какой группе Вы бы отнесли себя и Вашу семью?» в зависимости от уровня доверия, % от числа опрошенных жителей сельских территорий

Вариант ответа	Недоверяющие	Доверяющие избирательно	Доверяющие
Живем в достатке	2,2	0,7	3,6
Особых денежных проблем нет	11,6	16,0	14,0
На повседневные нужды денег хватает	28,7	45,5	54,7
Денег хватает только на самое необходимое	37,0	30,8	24,4
Денег до зарплаты не хватает даже на самое необходимое	19,9	7,0	7,0

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 год.

Институциональное доверие – это доверие абстрактным структурам [46]. В качестве таких структур выступают организации и учреждения, функционирующие на основе определенных правил и в границах этих правил. Здесь мы имеем дело с «публичным доверием», о котором П. Штомпка говорит как об ожиданиях, обращенных к особам публичной жизни, институциям, организациям, режимам, с которыми мы имеем только опосредованные контакты [44, с. 183]. Ими выступают президент, правительство, парламент, губернатор, суд, армия и т. д. (табл. 7).

Институциональное доверие среди сельских жителей несколько ниже, чем в целом по области или среди жителей городов. И если низкое институциональное доверие структурам, о которых люди получают информацию из СМИ, вполне можно объяснить их отда-

ленностью друг от друга, то причины низкого уровня доверия органам местного самоуправления имеют иную природу. Она кроется в условиях жизни, в низком достатке, в нерешенности многих важных проблем сельской жизни. При этом местная администрация порой просто лишена ресурсов, в связи с чем невозможность преодоления местных проблем становится еще одним условием формирования апатии населения.

Низкий уровень институционального доверия влечет за собой и низкий уровень включенности населения в деятельность различных общественных структур. В деятельности профсоюзов принимают участие лишь 4% респондентов, в ветеранских организациях – 3%, в молодежных – 3%. Наиболее популярны родительские организации, которые созданы и действуют при школах и детских садах.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете или не доверяете..?», % от числа опрошенных жителей сельских территорий

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Сельские территории	Область
Президенту РФ				
Полностью / скорее доверяю	59,1	67,5	60,8	62,2
Скорее / полностью не доверяю	32,5	25,3	23,4	26,6
Затрудняюсь ответить	8,4	7,2	15,8	11,6
Правительству РФ				
Полностью / скорее доверяю	46,8	55,3	42,0	46,8
Скорее / полностью не доверяю	42,0	34,7	38,9	38,6
Затрудняюсь ответить	11,2	10,0	19,1	14,6
Совету Федерации				
Полностью / скорее доверяю	39,6	46,9	29,3	36,8
Скорее / полностью не доверяю	44,5	38,3	41,4	41,4
Затрудняюсь ответить	15,9	14,8	29,3	21,8
Государственной Думе РФ				
Полностью / скорее доверяю	36,5	42,5	26,0	33,2
Скорее / полностью не доверяю	49,1	45,4	43,5	45,5
Затрудняюсь ответить	14,4	12,1	30,5	21,3
Губернатору				
Полностью / скорее доверяю	29,9	47,4	36,7	37,8
Скорее / полностью не доверяю	58,3	44,2	41,5	46,6
Затрудняюсь ответить	11,8	8,4	21,8	15,6
Законодательному Собранию области				
Полностью/скорее доверяю	28,9	37,7	25,7	29,7
Скорее/полностью не доверяю	56,6	45,7	45,1	48,2
Затрудняюсь ответить	14,6	16,6	29,2	22,1
Главе местной администрации (мэру)				
Полностью/скорее доверяю	27,6	48,9	38,0	38,2
Скорее/полностью не доверяю	60,1	41,7	42,1	46,7
Затрудняюсь ответить	12,3	9,4	19,9	15,1

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Есть люди, готовые объединяться с другими для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, которые не видят необходимости объединяться с другими для совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают. К кому Вы больше отнесли бы себя – к первым или ко вторым?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Сельские территории	Область в целом
К тем, кто готов объединяться	61,6	64,5	62,4	62,8
К тем, кто не готов объединяться	38,4	35,5	37,6	37,2

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

В них состоят 11% респондентов. Достаточно много вовлеченных в деятельность организаций в сфере территориального, домового самоуправления (ТОС, ТСЖ и т. п.) – 5%. И в случае с родительскими комитетами, и в случае с территориальным общественным самоуправлением речь идет о самых насущных и жизненно важных вопросах, что подвигает селян к активному их решению. Общий интерес, общие задачи объединяют людей. А это способствует укреплению доверия, формированию социального капитала. Следует отметить, что потенциал населения относительно участия в общественно полезной деятельности реализуется в незначительной степени, несмотря на то что большая часть сельского населения заявляет о своей готовности к объединению с другими для совместных действий (табл. 8).

За всем этим стоит возможность мобилизации социально-инновационных сил общества. Большую роль, на наш взгляд, здесь могут сыграть те жители сельских территорий, которые ориентированы на доверие и соответственно на взаимодействие с другими людьми.

Еще одним резервом для роста социального капитала жителей сельских территорий является формирование у них понимания и стремления оказать влияние на положение дел. Преобладающая часть жителей области заявляет о своей неготовности брать на себя ответственность за состояние дел в самых разных сферах общественной жизни. В зоне ответственности семья и семейные отношения. Об этом говорят около 80% респондентов. Данное заявление вполне коррелируется с ориентацией на ближний круг контактов, на малый и ограниченный радиус доверия. Что же касается положения дел в других сферах, то степень влияния здесь падает. На ра-

боте пользуются влиянием около 37%, в доме, в микрорайоне – около 20%, в деревне, поселке – около 7%. Когда речь заходит об области или о стране, доля считающих возможным повлиять на что-то опускается до 1%. Данный факт говорит не только о низкой активности граждан, об отсутствии инициативы с их стороны, но и об отсутствии каналов влияния, приемлемых форм участия, поощрения этого участия со стороны власти, об отсутствии реальной заинтересованности с ее стороны в таком участии.

Обсуждение результатов

С теоретической точки зрения исследователи не выделяют каких-то специфических черт социального капитала в зависимости от исследуемой общности. Специфическими чертами являются условия его формирования, уровень накопления и конкретные формы проявления. Поэтому, говоря о социальном капитале населения сельских территорий, мы имеем в виду тот факт, что его формирование и реализация происходят в определенных социально-экономических условиях, имеющих свою специфику в границах сельских территорий. К их числу можно отнести сферы деятельности, отраслевую структуру занятости, более низкий уровень доходов основной части населения. Важным фактором, на наш взгляд, являются ограничения в возможности смены места работы без смены места жительства. Среди условий формирования социального капитала важное значение имеет факт наличия кризисных явлений, которые, как отмечалось выше, наиболее тяжело сказались на населении сельских территорий. Анализ состояния социального капитала территориального сообщества позволяет оценить ресурсы, которыми располагает население, его

резервный потенциал, необходимый для преодоления сложившейся ситуации. В первую очередь это касается мифа о высоком потенциале, ресурсах, имеющихся у населения, и о значительном запасе терпения. Фактически убеждаемся в том, что ресурсы населения ограничены и ориентированы в большинстве случаев на стратегию выживания, что отнюдь не способствует преодолению кризисной ситуации. Высоки риски бедности. Трудности экономического характера сказываются на самооценках настроения, статусном положении, порождают апатию и неготовность к каким-либо активным действиям. Социальные контакты ориентированы в основном на ближнее окружение, что ведет к усилению культуры недоверия. Низкий уровень включенности в общественные отношения не позволяет жителям сельской местности в полной мере использовать ресурсы своего сетевого окружения, в частности, для достижения своих целей, таких как карьерные достижения или решение экономических проблем. Низкий уровень доверия ведет к определенной деградации системы ценностей, что ослабляет социальные связи и отношения, не способствует солидарному объединению индивидов в сплоченную группу, а также социальной координации и социальному порядку, снижает уровень ответственности за состояние дел в месте проживания. Еще одним следствием низкого уровня доверия является ослабление институциональных структур, в особенности это касается местного самоуправления.

Исследование структурных компонентов социального капитала населения сельских территорий позволяет сделать вывод об их наличии. Однако и уровень доверия, и ресурсные возможности сетей весьма ограничены. В сово-

купности это ведет к слабым внешним проявлениям социального капитала в виде низкой гражданской активности и крайне ограниченного локуса ответственности. В целом можно сделать вывод о слабом социальном капитале, имеющемся в распоряжении населения рассматриваемых территорий, об ориентации населения на выживание, а не на развитие.

Несмотря на проблемную ситуацию с состоянием социального капитала в границах сельского территориального сообщества, анализ имеющихся эмпирических данных позволяет выделить и наличие возможных точек его накопления. Прежде всего это касается потенциала такой категории населения, как «доверяющие». Наряду с тем что она составляет меньшинство в структуре населения сельских территорий, эта группа демонстрирует более позитивные оценки по всем параметрам проведенного исследования. Ее представители в большей степени ориентированы на будущее и готовы инвестировать в социальный капитал за счет участия в деятельности различных структур как сетевого, так и несетевого характера. В итоге в этой среде формируется определенный запас социального капитала. Но проблема в том, что социальный капитал здесь формируется и функционирует в основном на микроуровне, в локальных сетях и не поднимается выше, о чем свидетельствуют низкий уровень институционального доверия, слабая гражданская активность.

Для преодоления последствий кризисных явлений можно и нужно опираться на социальный капитал территориальных сообществ. Но, как и другие формы капитала, он требует поддержки и прирастает в процессе своего активного использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чекавинский А.Н. Социальное развитие села как фактор устойчивости аграрного производства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 3 (11). С. 145–152.
2. Бражник Г.В., Шевченко Н.В. Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2014. № 9 (180). С. 60–65.
3. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
4. Крисанов А.А. Русская национальная идея и исторические судьбы русского крестьянства // Национальная идея в контексте российской ментальности. Орел, 2004. С. 46–55.
5. Иванов В.А. Влияние рыночных реформ на развитие аграрного сектора и самообеспечение продовольствием северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 170–186.
6. Бражник Г.В. Солидарность как основа социального капитала сельского социума: перспективы возрождения // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 2 (145). С. 57–62.
7. Бражник Г.В., Бабинцев В.П., Шевченко Н.В. Условия формирования и воспроизводства социального капитала сельских жителей // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2014. № 16 (187). С. 49–53.
8. Бражник Г.В., Шевченко Н.В. Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2014. № 9 (180). С. 60–65.
9. Кожина Т.П. Особенности социального доверия сельских женщин Вологодской области // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., г. Череповец, 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Т.А. Гужавина. Череповец: ЧГУ, 2012. С. 176–185.
10. Bourdieu P. *The forms of capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N. Y.: Greenwood Press, 1986.
11. Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
12. Putnam R., Helliwell J. Economic Growth and Social Capital in Italy. *Economic Journal*, 1995, no. 21 (3), pp. 295–307.
13. Woolcock M. *Measuring Social Capital. An Integrated Questionnaire*. World Bank, Washington, D.C., 2003.
14. Беляева Л.А. Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // Философские науки. 2016. № 10. С. 92–107.
15. Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // НЛО. 2012. № 117. URL: [http://http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/g25.html](http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/g25.html) (дата обращения 20.11.2017).
16. Menyashev R., Polishchuk L. *Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia? Working paper WP10/2011/01*. Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 44 p.
17. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
18. Антоненко И.В. Интегративный потенциал доверия: метаотношение и функции // Вестник ГУУ. 2012. № 1. С. 104–108.
19. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, 1988, vol. 94, pp. 95–120.
20. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press. N. Y.: Princeton, 1993.
21. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
22. Beugelsdijk J., van Schaik T. Differences in social capital between 54 Western European regions. *Regional Studies*, 2005, vol. 39, pp. 1053–1064.
23. Blume L. Patterns of social capital in West German regions. *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15, pp. 229–248.

24. Bowles S., Gintis H. Social Capital and Community Governance. *Economic Journal*, 2002, vol. 112 (483), pp. 419–436.
25. Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 110–125.
26. Гужавина Т.А. Социальный капитал региона как фактор модернизации // Проблемы развития территории. 2016. № 1. С. 130–144.
27. Колпина Л.В. Проблемы функционирования региональных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 138–150.
28. Akram S., Routray J.K. Investigating causal relationship between social capital and microfinance: Implications for rural development. *International Journal of Social Economics*, 2013, no. 40 (9), pp. 760–776.
29. Bułkowska M., Chmurzyńska K. State policy towards rural areas – targets and target implementation. *Proceedings of The International Scientific Conference: Rural Development*, 2011, no. 5 (1), pp. 84–91.
30. Binswange H.P. Empowering rural people for their own development. *Agricultural Economics*, 2007, no. 37, pp. 13–27.
31. Stern M.J., Adams A.E. Do rural residents really use the internet to build social capital? An empirical investigation. *American Behavioral Scientist*, 2010, no. 53 (9), pp. 1389–1422.
32. Reimer B. *Understanding Social Capital: Its Nature and Manifestations in Rural Canada*. Available at: <https://socionet.ru/publication.xml?h=репер:wpa:wuwpot:0511002>
33. Зинатуллина Г.Ф. Конвертация социального капитала сельской семьи региона // Регионология. 2015. № 1 (90). С. 134–142.
34. Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 45–56.
35. *OECD Regional Typology. Directorate for Public Governance and Territorial Development*. 2011. Available at: http://www.oecd.org/gov/regionalpolicy/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf
36. Нилов В. Методы измерения социального капитала и их использование в научных исследованиях // Социальная инноватика в региональном развитии: сб. мат-лов Пятой школы молодых ученых. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 141–149.
37. Титов В.Н. Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–100.
38. Glaeser Ed., Laibson D., Sacerdote B. The Economic Approach to Social Capital. *NBER Working Paper*, 2000, no. 7728.
39. Воронин Г.Л. К вопросу об измерении уровня реализации социального капитала (по результатам РМЭЗ): мат-лы III Всеросс. социолог. конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_vsk_2.html?section=71
40. Чекмарева Е.А., Панов М.М. Проблема оценки трудового потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 221–239.
41. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 311 с.
42. Азуан А. Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 173–176.
43. Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект-Пресс, 2011. 232 с.
44. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с польского Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.
45. Lipset S.M. *Political Man: The Social Basis of Modern Politics*. N. Y.: Doubleday, 1960.
46. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховникова, Д.А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 352 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Тел.: +7(8202) 55-79-23.

Guzhavina T.A.

SOCIAL CAPITAL OF THE RURAL POPULATION: ASSESSMENT OF CONDITION⁴

The article is devoted to the study of the structural characteristics of social capital of the rural population. Rural areas, still being a source of material and human resources, are greatly affected by the economic crisis. Examples from modern life demonstrate that traditional values and the villagers' way of life is being destroyed. This leads to the weakening of social capital of rural residents, reduces the opportunities for realizing their human potential, does not contribute to the population's self-organization. The research object is the population of the region living in rural areas, the subject – their accumulated social capital. The methodological framework of the study of the condition of social capital of rural areas is the concept, whose foundations were laid by Bourdieu, Coleman, and Fukuyama. The empirical framework of the study is the results of the study conducted by the researchers at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in the Vologda Oblast, devoted to regional social capital. Trust and involvement in network interaction are used as indicators for analyzing the cognitive and structural component of social capital. Civil activity and locus of responsibility serve as indicators of external externalities. Analysis of the base component of social capital (trust) helps group the respondents according to the revealed level. The majority of the rural population has a narrow trust range, limited access to resources, and minimal social capital. Respondents with a wide range of trust demonstrate higher social activity, and involvement in activities of various organizations. They have more stable status positions. This group can become the support for the implementation of initiatives put forward by the population and local authorities.

Social capital, trust, open capital, closed capital, rural areas, social resources, capital conversion, solidarity, self-organization.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzhavina Tat'yana Anatol'evna – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher at the Department for Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Phone: +7(8202) 55-79-23.

⁴ The article is prepared with the support of the Russian Foundation for Humanities grant no. 16-03-00188/16 "Regional social capital amid crisis".

Территориальная организация и управление

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.10

УДК 332.01 | ББК 65.012.43

© Шкулова Е.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ОПЫТА ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

ШКУЛОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

Независимая лаборатория ИНВИТРО

Россия, 107023, г. Москва, ул. Малая Семеновская, д. За

E-mail: ashkulova@gmail.com

В современных условиях территории становятся полноценными участниками рыночных отношений и конкурируют за различные виды ресурсов. Понятия конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности территории включают не только физические характеристики местности, параметры ее экономики, но и социокультурные элементы, отражающие квалификацию трудовых ресурсов, ценности и эмоциональное восприятие во внешней среде. Все более широкое применение в практике управления территориями находят элементы и инструменты маркетинга. Однако коммерческая природа классического маркетинга требует глубокого понимания и детального анализа для последующей модификации применительно к территориальному развитию. Несмотря на то что термин «территориальный маркетинг» нашел свое отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей, для его результативности и эффективности требуются дальнейшее развитие теории и методологии. Цель исследования заключается в выявлении ключевых сходств и различий классического и территориального маркетинга, оценке возможности трансформации корпоративного опыта применительно к разработке программ развития территорий. В рамках исследования рассмотрены концептуальные основы, инструментарий, методология и методы, применяемые в коммерческой деятельности, и возможности их адаптации применительно к территориальному развитию. Единство коммерческого и территориального маркетинга подтверждается сходством базовых принципов и законо-

Цитата: Шкулова Е.А. Трансформация корпоративного опыта для управления развитием территорий: возможности и ограничения // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 153–167. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.10

Citation: Shkulkova E.A. The transformation of corporate experience in territorial development management: opportunities and limitations. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 153–167. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.10

мерностей. При этом анализ и систематизация ключевых отличий отражают существенные расхождения в целеполагании и идеологической составляющей, особенностях управления маркетинговой деятельностью, понимании продукта, оценке результативности и эффективности, что является ограничением и требует обязательного учета при реализации стратегий и программ социально-экономического развития территорий с использованием инструментов маркетинга. Научная новизна исследования состоит в определении новых критериев сравнения корпоративного и территориального опыта маркетинга, глубоком анализе концептуальных и идеологических основ маркетинговой деятельности. Результаты исследования могут быть полезны руководителям территориальных органов власти, представителям гражданских общественных организаций, а также специалистам, практикующим в сфере маркетингового консультирования территорий. Перспективой исследований по данной тематике является дальнейшее развитие теории и методологии территориального маркетинга.

Территориальный маркетинг, маркетинговая деятельность, маркетинг-микс, территориальный продукт, социально-экономическое развитие.

Глобальные предпосылки

В современном мире глобализационные и интеграционные процессы постепенно сменяются тенденцией к глокализации. Территориальные единицы – населенные пункты, города, регионы, страны – стали полноценными самостоятельными участниками рынка и ведут конкурентную борьбу за различные виды ресурсов и внимание целевых групп.

Значительный рост пространственной мобильности населения и повсеместное внедрение современных интернет-технологий, изменение факторов, определяющих стабильность и экономическое развитие, возрастание роли нематериальных ресурсов [1, с. 21] – все это усиливает конкуренцию и заставляет территории «искать, культивировать и предъявлять миру свою уникальность» [2, с. 30].

Российская специфика

Для российских регионов и городов тема межтерриториальной конкуренции особенно актуальна. Трансформация экономики в 90-е годы привела к нарастанию асимметрии в региональном развитии. По ряду индикаторов социально-экономического развития территорий (в пересчете на душу населения) дифференциация между регионами РФ достигает 19–25 раз. К началу XXI века стало очевидным, что территории не могут полагаться на всестороннюю поддержку федерального и регионального центров и вы-

нуждены предпринимать самостоятельные шаги для обеспечения своего экономического развития.

Теория и практика стратегического управления территориями насыщается новыми категориями и характеристиками мест как объектов управления и субъектов экономики: инвестиционный климат, конкурентоспособность территории, инвестиционная привлекательность. При оценке конкурентных позиций утрачивают свое значение физические параметры территории – географическое положение, климатические условия, наличие полезных ископаемых. Потенциал территории теперь определяется «человеческой волей, квалификацией, энергией, ценностями и способностью к организации деятельности» [3, с. 47].

Территории в поиске новых подходов

В связи с этим возникает острая необходимость поиска и внедрения новых методов и инструментов эффективного управления социально-экономическим развитием за счет оптимального использования потенциала территории. Особенно перспективным представляется использование маркетингового подхода в управлении территориальным развитием.

Как отмечают отечественные авторы, «именно маркетинговый подход становится драйвером экономического развития как отдельных отраслей, так и всего территориально-народно-хозяйственного комплекса» [4, с. 73].

В.И. Беляев подтверждает: «В последние годы маркетинг стал находить все более широкое применение в практике управления не только бизнес-структурами ... его стали применять и в управлении городами и другими поселениями. Маркетинг территорий становится устоявшимся термином, а практические результаты его применения свидетельствуют о его высокой эффективности и результативности» [5, с. 3].

При этом реализация маркетингового подхода требует развития теории и методологии территориального маркетинга, формирования терминологического аппарата, инструментария и механизмов.

Необходимость существенной трансформации корпоративного опыта для последующего внедрения в практику управления территориями подтверждается рядом авторов. Я.С. Гладышева считает, что «несмотря на адаптацию инструментов, терминология осталась прежней, что иногда вызывает некоторые проблемы. Его [маркетинг территорий] часто путают с процессом организации рекламной компании города, что не соответствует действительности. Маркетинг территории является более сложным и комплексным процессом» [6, с. 128]. А.М. Лавров, Л.М. Поликарпова отмечают, что «имея общее методологическое единство с традиционным маркетингом, маркетинг территорий обладает рядом специфических свойств и новых возможностей использования» [7, с. 67], «специфика территории как объекта маркетинга обуславливает невозможность простого наложения корпоративных маркетинговых шаблонов на региональную экономику» [8, с. 111].

По мнению автора, специфика применения маркетингового подхода в управлении развитием территории имеет более глубокий и концептуальный характер – различия в целеполагании, роль в системе управления, «носитель» стратегий, оценка эффективности и результативности и т. д. И если сходства в методологическом базисе и применяемом инструментарии действительно есть, то на идеологическом и управленческом уровне различия колоссальны.

В связи с этим целью и задачами данного исследования является изучение и систематизация знаний об основных сходствах и принципиальных отличиях территориального маркетинга от коммерческого. Таргетное и детальное понимание специфики территориального маркетинга позволит избежать ряда серьезных ошибок уже на стартовом этапе разработки концепций развития территорий и обеспечит повышение эффективности маркетинговой деятельности. Автором разработана система критериев и проведен глубокий анализ для выявления особенностей концептуальной и идеологической составляющих маркетинговой деятельности.

Базовые сходства

Для корректного и эффективного использования маркетинговых подходов применительно к территориальному развитию необходимо опираться на базовые методологические принципы классического маркетинга:

- комплексность подхода;
- обязательность глубокого анализа конъюнктуры;
- главенство целевой аудитории и ее сегментация;
- уникальность продукта или создание потребительской ценности;
- единство стратегии и тактики;
- таргетность каналов и форматов продвижения;
- непрерывность мониторинга и оценки эффективности.

Эти ключевые положения нашли свое отражение в трудах основоположников теории маркетинга, таких как Ф. Котлер, М. Портер, Д. Огилви, и представлены в работах отечественных исследователей – П.С. Завьялова, Р.Б. Ноздрева, А.П. Панкрухина, Д.И. Костюхина и многих других. Эти принципы являются едиными для любой маркетинговой деятельности вне зависимости от сферы применения. Именно они представляют сходства коммерческого и территориального маркетинга.

В классическом маркетинге наиболее распространенной является концепция Дж. Маккарти «маркетинг-микс» (4Р), включающая

управление продуктом, ценообразование, организацию сбыта и продвижение. Безусловно, реализация подхода в контексте территориального маркетинга «предполагает соответствующую модификацию комплекса «маркетинг-микс» [8, с. 113] преимущественно в части содержания каждого из элементов с учетом специфики территориального продукта.

Сходной в данном случае является именно комплексность подхода, которая предполагает системную и глубокую проработку всех составляющих. Игнорирование принципа комплексности в настоящее время является одной из частых ошибок в реализации концепций территориального маркетинга. А.П. Панкрухин отмечает, что «из четырех классических компонентов «комплекса маркетинга» в последнее время непропорционально большое внимание уделяется коммуникациям» [9, с. 39], то есть продвижению, в то время как другими элементами пренебрегают. Но, как метафорично иллюстрирует Д.В. Визгалов, «конфетный фантик усиливает (или ослабляет) привлекательность самой конфеты, но не заменяет ее саму. То же самое касается и городов» [2, с. 45].

SWOT, STEP, GAP, ABC, ситуационный и конкурентный анализы давно и основательно вошли в практику корпоративного маркетинга. Именно с них начинается планирование маркетинговой деятельности компании по разработке и продвижению отдельных продуктов или корпоративного бренда в целом. Оценка внутренних условий и факторов внешней среды, анализ поведения «потребителей» и действий «конкурентов», оценка рисков и определение своего места в «рыночной конъюнктуре» составляют обязательный стартовый этап разработки концепции маркетинга территории [10]. Т. Мойланен и С. Райнисто отмечают: «SWOT-анализ обязателен для товаров и мест. Как и другие аналитические инструменты» [11; 12].

Определение целевой аудитории и максимально точная ее сегментация – критически важный аспект. Как и в коммерческом маркетинге, выявление целевых групп территории «предопределяет выбор маркетинговой стра-

тегии» [13, с. 41] и инструментов продвижения. В территориальном маркетинге целевая аудитория приобретает особую значимость ввиду ограниченности ресурсов и необходимости их максимально эффективного использования.

Как отмечает В.И. Беляев, «известно, что традиционный маркетинг – маркетинг предприятий – в своей методологической основе сводится к двум главным постулатам. Суть первого из них заключается в том, что производимому фирмой товару нужно придать уникальную потребительскую характеристику, выгодно отличающую его на рынке среди аналогичных товаров-конкурентов, суть второго в том, чтобы эта характеристика оказалась трудно преодолимой для конкурентов» [14, с. 48]. Именно эти принципы классического маркетинга с учетом необходимой трансформации необходимо использовать в методологии маркетинга территорий.

Единство стратегии и тактики является базовым принципом всех экономических дисциплин, и менеджмента как теории в целом. «Одно достижение не может быть отделено от результата в целом» [15, с. 291]. Маркетинговая тактика должна отличаться индивидуальностью и оригинальностью, при этом в полной мере соответствовать стратегическим целям. Это тождественно применительно как к маркетингу бизнес-структур, так и к территориальным маркетинговым концепциям.

С развитием интернет-технологий и их глубоким проникновением в сферу маркетинга и рекламы таргетирование стало более отчетливым и доступным. Однако максимальная нацеленность на конкретную группу потребителей всегда являлась неременным условием эффективности и результативности маркетинговых усилий. Вне зависимости от того, продаете ли Вы товары для молодых мам или продвигаете информацию об инвестиционной привлекательности города, выбор каналов и инструментов продвижения должен быть подобран с учетом особых характеристик целевой аудитории.

И, наконец, заключительным в рамках данной статьи, сходным принципом коммерческого и территориального маркетинга является

обязательность непрерывного мониторинга и оценки эффективности проводимых мероприятий. Д.В. Визгалов отмечает, что «оценку успешности желательно проводить на всех этапах маркетинга территории» [2, с. 66]: перед началом проекта, промежуточно (для анализа качества управления проектом) и в его завершении.

Общность трендов и тенденций развития

Еще одним подтверждением сходства коммерческого и территориального маркетинга является общность современных трендов развития. Корпоративные бренды и маркетинговые концепции территорий все больше уделяют внимание не только функциональной составляющей (например, технические характеристики товара или инфраструктура территории), но и созданию эмоционального фона восприятия. Культурные ценности, особый «стиль жизни», «правильные» поведенческие реакции – вот, что стремятся донести современные носители коммерческих и территориальных брендов.

В книге «Бренд Америка: мать всех брендов» авторы отмечают, что «как только люди объединяются в группы, будь то политические партии, армии, нации или корпорации, они попадают под власть одних и тех же сил, и потому для управления ими применимы одни и те же законы» [16, с. 45]. Автору хотелось бы обратить внимание на слово «законы» в данной цитате – речь идет именно о базовых основах реализации маркетинговой деятельности. При этом «принимая полезные уроки корпоративного маркетинга, понимая, что коммерческий и территориальный маркетинг имеет сходные мультидисциплинарные корни» [10] мы должны учитывать отличия и особенности территорий как объекта маркетинговой деятельности.

Ключевые отличия

Теоретико-методологическое сходство определяет единство подходов и принципов территориального и коммерческого маркетинга. При этом содержательное насыщение отдельных элементов имеет существенные

различия. Более того, ввиду специфики территории как объекта маркетинга коренным образом отличается целеполагание, идеологические составляющие программ развития, природа территориальных брендов – то есть концептуальные основы.

В исследованиях зарубежных авторов отмечается, что с точки зрения маркетинга «города и крупные коммерческие корпорации имеют большое количество сходных элементов, но кроме этих сходств более важными видятся различия в степени публичной политической и социальной ответственности, территории не могут быть забрендированы аналогичным с коммерческими компаниями образом» [10]. Как метафорично указывают С. Анхольт и Д. Хильдрет, «фундаментальная разница между продажей банки консервированной фасоли и продажей страны заключается в следующем: вам не нужно спрашивать у фасоли, что именно написать на этикетке» [16, с. 102].

Краткая сравнительная характеристика традиционного и территориального маркетинга представлена в таблице. Автором определены ключевые блоки различий:

- концептуальные основы, включающие идеологическую сущность, целеполагание и природу коммерческих и территориальных брендов;
- система управления маркетинговой деятельностью, то есть отличия по носителю бренда, роли в системе, субъектам и принципам менеджмента;
- разность в определении и взаимодействии с целевыми аудиториями;
- разнородность содержательного наполнения элементов маркетинг-микс;
- специфика креативной составляющей;
- особенности применения методов исследований и анализа;
- специфичность понимания результата и оценки эффективности.

Концептуальные различия

Основой деятельности коммерческой компании является извлечение прибыли, маркетинг в данном случае формирует «оболочку» – удовлетворение потребностей клиента. При-

чем речь идет как об осознанных потребностях, и тогда в задачи маркетинга входит их выявление и максимальная детализация, так и о формировании новых – создание дополнительной ценности, продвижение иного образа жизни и т. д.

В свою очередь, территориальный маркетинг нацелен на получение и максимизацию социального эффекта, продвижение интересов территории для обеспечения роста качества производимых общественных благ и ее социально-экономического развития. Идеологические основы маркетинга территории предполагают комплексное единовременное решение задач, связанных с внутренней аудиторией – жителями и предполагающих активное взаимодействие с внешними целевыми группами – инвесторами, туристами. В основе целеполагания территориального маркетинга лежит стремление к созданию благоприятных рыночных условий для развития.

Ряд исследователей более сдержанно рассматривают различия целей коммерческого и территориального маркетинга. Так И.Н. Бабак, сохраняя комплексность подхода в обоих случаях, говорит о смещении приоритетов: «для бренда предприятия будут доминировать экономические [цели]: максимизация доходов, рост или поддержание стоимости компании. (...) Для брендинга территории, наоборот, будут доминировать социальные: рост качества жизни населения» [17, с. 12]. В свою очередь, Ю.И. Дубова предлагает трансформировать понятие «прибыль» применительно к территориальному маркетингу, которое «в этом контексте включает также много косвенных и не так легко измеримых социальных выгод» [8, с. 112].

Рассматривая цели, необходимо отметить, что для традиционного маркетинга они характеризуются возможностью высокой конкретизации и измеримостью, тогда как в территориальном маркетинге носят качественный характер.

Природа коммерческого маркетинга искусственна, «бренды, такие как Coke (...), создают вселенную и демонстрируют ее (...) Воображаемая вселенная создается для упо-

ребления также, как и сама кола. А город – это человеческая реальность, близкая и постоянная в краткосрочной перспективе. Город тесно связан с историей, культурой, экосистемой, что придает ему реальность, силу, неподвластную времени. Все это необходимо адаптировать к текущим экономическим условиям, и тем не менее именно это составляет ДНК города» [18, с. 141].

В то время как для продуктов коммерческого сектора необходимо донести свои конкурентные преимущества до потребителя, территориальные «слоганы» рождаются внутри, ее жителями. Территориальный маркетинг ассоциирован с историей, культурой, он опирается на чувство принадлежности к местности, самосознание и гордость.

Отличия в системе управления

Основные разногласия коммерческого и территориального маркетинга возникают из-за трудностей в определении, кто является носителем, субъектом маркетинга или, говоря на языке управленческих дисциплин, лицом, принимающим решения.

В рамках коммерческой организации наиболее активными участниками маркетинговой деятельности выступают производители продуктов, в территориальном маркетинге единого производителя продукта нет, их большое количество, причем все они руководствуются собственными взглядами и целями. «Таким образом, территория в целом как совокупность людей, органов власти и объектов инфраструктуры является производителем территориального продукта, ориентированным на потребителей, развитие их спроса и потенциала территории» [19, с. 289].

Одновременно с этим если рассматривать бренд как впечатление от города или набор представлений о нем, то носителем бренда становится внешний «потребитель» города – инвестор, потенциальный житель, турист [20, с. 37].

Ж.Р. Фрейре отмечает, что «бренды продуктов и услуг обычно принадлежат организациям, которые управляют ими особым образом, чтобы достичь определенных целей. Более того, брендированные продукты,

Таблица. Ключевые отличия коммерческого и территориального маркетинга

Блок	Параметр	Коммерческий маркетинг	Территориальный маркетинг
Концептуальные основы	Идеология	Прибыльное для компании удовлетворение потребностей клиента	Рост качества производимых общественных благ Социально-экономическое развитие территории
	Цель	Максимизация прибыли Цели измеряются преимущественно количественными показателями	Продвижение интересов территории <i>Цели измеряются скорее качественными параметрами, не всегда обладающими количественными показателями</i>
	Природа	Искусственная – формирование синтетического восприятия для отстройки от конкурентов и/или создания новых потребительских предпочтений	Естественная – раскрытие реальной внутренней идентичности территории и представление ее потенциала целевым группам
Система управления	Носитель	Компания-обладатель Носитель в большинстве случаев представлен одним или несколькими конкретными (зафиксированными) лицами	Городское сообщество <i>Носители представляют собой широкий зачастую неустойчивый круг лиц (жители, предприниматели, культурные деятели, инвесторы-резиденты, туристы и т. д.)</i>
	Субъекты управления маркетинговой деятельностью	Подразделение компании (или аутсорсер) в лице специалистов-маркетологов, имеющее конкретное место в организационной иерархии Ключевые требования к специалистам – креативность, аналитический склад, системность подхода	Городское сообщество, включающее разные группы участников, нет одного актора, способного полностью осуществить управление самостоятельно Ключевые требования к участникам – симпатия (любовь) к территории, максимальная разносторонность и готовность к консолидации усилий, комплексность подхода
	Роль в системе управления	Элемент системы управления компанией или продуктом	Элемент управления развитием территории
	Принципы управления и принятия решения	Демократия Авторитаризм	Социальное партнерство Ни демократический вариант принятия решений, ни авторитарный невозможны
Объекты маркетинговой деятельности	Целевая аудитория преимущественно внешняя – потребитель Как правило, целевые группы точно определены и детально отсегментированы. Ориентация на обслуживание наиболее прибыльных сегментов	Целевая аудитория преимущественно внутренняя – жители. Более того, потребитель и производитель в ряде случаев совпадают <i>Целевые группы определяются более широко и включают, в том числе, обслуживание экономически невыгодных, но социально значимых сегментов</i>	
Маркетинг-микс	Продукт	Продукт – это товар, услуга, корпоративный бренд. В задачи маркетинга в том числе входит разработка продукта, он сравнительно легко изменяем В большинстве случаев коммерческий продукт удовлетворяет конкретную потребность клиента. Продукт измеряем и оцениваем	Продукт (мегапродукт) – совокупность региональных продуктов – локальные товары и услуги, физические характеристики места, идентичность Искусственно создать продукт невозможно, его можно «выбрать» из существующей среды, он малоизменяем <i>Продукт характеризуется комплексностью и мультиполезностью Продукт достаточно трудно измерить, а иногда он не существует (продается «идея»)</i>
	Цена	Цена определена В большинстве случаев стоимость определяется рынком Чем ниже цена в сегменте, тем привлекательнее	Цену определить трудно. Возможны неоднозначные оценки <i>Цены формируются нерыночными методами, а гос. регулированием Низкая цена может иметь негативные имиджевые последствия для территории</i>
	Распространение	В первую очередь предполагает движение товаров и места предоставления услуг	В первую очередь включает распространение информации о территории
	Продвижение	Максимально таргетированно под целевую аудиторию. Ключевой инструмент – прямая реклама. Роль говорящего менее незначительна	В настоящее время (особенно в России) носит общий характер Ключевой инструмент – PR Роль говорящего пока высоко значительна

Креатив	Визуальная политика	Выбирается свободно	Предпочтительно использование достопримечательностей, элементов геральдики и других ассоциированных с территорией символов
Методы и методики исследования и анализа	Логика разработки маркетинговых стратегий	Продукт – сегментация целевой аудитории – стратегия продвижения	Территория – выбор целевой аудитории – продукт, основанный на конкурентных преимуществах, – стратегия продвижения
	Механизмы и методы	Ассортимент Цена Логистика Сбыт	Стратегическое управление Инвестиционная деятельность и продажи Кооперация
	Конкурентный анализ	Конкуренты – другие коммерческие организации, предлагающие подобные продукты	Конкуренты – другие территории, которые сложно сопоставить, так как они могут иметь специфические черты
Результат и оценка эффективности	Оценка эффективности	Результат – прибыль компании Результат измерим и имеет количественные параметры Запланированные результаты в большинстве случаев имеют небольшое отклонение от фактических, т. е. усилия соответствуют результату Существуют корректные и подтвержденные методики оценки	Результат трактуется более широко и включает финансовые ресурсы, решение социальных проблем территории, рост самосознания жителей Результат измеряем косвенно, через рейтинг территории (инвестиционную привлекательность), могут также возникнуть отрицательные результаты. Результат гораздо менее управляем (сложнее достичь запланированного, заранее определенного, результата) Методы оценки эффективности имеют опосредованный характер (рейтинги)
	Устойчивость	Низкая Быстро устаревает	Высокая (кроме стран, т. к. они подвержены политическому воздействию) Инертность
	Критерии успеха	Скорость, яркость, многоканальность продвижения	Концепция, стратегия, комплексность, вовлечение широкого круга участников

услуги или идеи защищены правовыми механизмами, предоставляющими компаниям эксклюзивное право владения» [18, с. 126], чего нельзя сказать о регулировании в сфере территориального маркетинга.

Кто является разработчиком маркетинговых программ развития? Между кем и как распределяются бенефиты? Применительно к территориальному маркетингу ответить однозначно на эти вопросы затруднительно.

«Территориальные власти не имеют в этом вопросе монополии, а могут лишь стимулировать и организовывать весь процесс, в котором участвует множество действующих лиц (стейкхолдеров – stakeholders)» [21, с. 209]. Органы власти становятся модераторами и особого рода партнерами бизнес-структур и местного сообщества.

Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предполагает самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно

и (или) через органы власти вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций. Соответственно субъектами маркетинговой деятельности являются жители соответствующей территории и органы местного самоуправления. Однако, как показывают отечественные и зарубежные исследования, население в настоящее время не является самостоятельным и суверенным участником процессов разработки и реализации программ маркетингового развития территорий. В частности, в результате исследований, проведенных Институтом экономики переходного периода в ряде регионов, «не было выявлено ни одного примера успешной реализации проектов, организованных по инициативе граждан» [22, с. 6].

Маркетинг территории может быть реализован только на принципах социального партнерства, с включением максимально широкого круга участников. «Ни один из общественных или государственных институтов в

рамках города не обладает достаточными ресурсами, полномочиями и профессионализмом для того, чтобы осуществлять маркетинг и брендинг самостоятельно» [20, с. 64].

В рамках коммерческих организаций сотрудники подразделения, отвечающего за маркетинг, должны обладать высоким уровнем креатива, системностью при выборе каналов продвижения и оценке эффективности.

В свою очередь, требования к организационному обеспечению управления территориальным маркетингом более расширенные и высокие. Руководство осуществляется органом, консолидирующим различных участников – представителей всех групп местного сообщества. При этом он должен одновременно иметь представление обо всех ресурсах территории, ее социальном и экономическом (инвестиционном) потенциале, обладать глубокими знаниями в области территориального развития, а также иметь соответствующие властные полномочия для осуществления своих функций.

С учетом различий в целях традиционного и территориального маркетинга становится очевидной разница ролей в системе управления компаниями и территориями соответственно. Коммерческий маркетинг – элемент системы управления операционной деятельностью и аналитическая основа для формирования стратегических ориентиров [23, с. 56], в то время как маркетинг территории определяет развитие места в рыночных условиях, его социальную, финансовую, инвестиционную политику.

Маркетинг в компаниях носит централизованный характер и финансируется за счет средств предприятия. «Для территории же характерны: низкая централизация, высокая несогласованность в силу наличия большого количества заинтересованных сторон, совместное финансирование» [17, с. 13].

Если в рамках компаний решения в области маркетинга могут приниматься как на основе демократических принципов, так и авторитарно, в зависимости от личности руководителя и особенностей корпоративной культуры, то в рамках территории реализация любого из подходов оказывается ошибочной.

Авторитарные решения могут принадлежать представителям органов власти, но при этом быть отторгнуты жителями или другими заинтересованными сторонами; кроме того, деятельность политиков ограничена сроком действия полномочий. В свою очередь принять решения на демократических принципах крайне сложно, так как среди участников нельзя выстроить иерархию и оценить степень влияния и вклад каждого в отдельности.

Разность определения и взаимодействия с целевыми аудиториями

Среди сходств в территориальном маркетинге, как и в коммерческом выделяют внутреннюю и внешнюю целевые аудитории. При этом, если в коммерческом маркетинге приоритетной и преобладающей по количеству является внешняя целевая группа – потребители, причем в большинстве случаев, наиболее прибыльный сегмент, то в территориальном маркетинге акцент делается на внутреннюю целевую аудиторию – жителей. Ю.И. Дубова считает это «типичной российской особенностью территориального маркетинга (...), так как перспектива «переманивания» потребителей из других территорий, как правило, даже не рассматривается» [8, с. 116]. Вместе с тем территориальный маркетинг нацелен, в том числе, и на экономически невыгодные субъекты рынка.

Целевая аудитория (или ее сегмент) в коммерческом маркетинге характеризуется высокой однородностью и управляемостью. Территориальный маркетинг практически всегда обращен к достаточно широкой группе потребителей и не носит индивидуального характера, производимые общественные блага чаще всего гарантируются всем членам сообщества вне зависимости от потребности и значимости данного продукта для конкретного человека. Соответственно целевая аудитория в территориальном маркетинге неоднородна и низко управляема; выгоды от потребления территориального продукта часто имеют опосредованный характер и ощутимы во временной перспективе.

Разнородность содержательного наполнения отдельных элементов маркетинг-микс

Традиционный маркетинговый комплекс «4P» нашел свое отражение и в территориальном маркетинге. При этом большинство авторов настаивают на необходимости модификации и адаптации каждой из составляющих «маркетинг-микс» в рамках контекста территории.

Ряд зарубежных исследователей предлагает пересмотреть состав элементов. Так, М. Труман и Дж. Корнелиус представили подход, включающий 5P территориального маркетинга, С. Анхольт, автор территориального рейтинга GMI City Brands Index, основывается на 6 ключевых элементах (6P) [10].

С учетом того, что автором в рамках данной статьи поставлена задача определить ключевые сходства и отличия коммерческого и территориального маркетинга, далее будет рассмотрена модификация классических составляющих комплекса «маркетинг-микс» (4P – product, price, place, promotion) при их реализации в контексте территорий.

В экономической теории продукт – это материальный (товар) или нематериальный (услуга) результат человеческого труда. При этом территория – это одновременно комплекс всех ресурсов, совокупность производимых различными акторами товаров и услуг, историческое и культурное наследие. Ее нельзя отнести ни к товарам, ни к услугам. Территория является мегапродуктом, включающим инвестиционную, жилую, социальную, туристическую, событийную, культурную и образовательную составляющие.

Очевидно, что территория как объект маркетинга – крайне специфичный продукт, «неоднородный и многовекторный» [17, с. 12], «как товар она представляет собой особую сложную потребительскую стоимость, обладающую свойством мультиполезности для потребителей территории» [22, с. 69], в то время как продукт в коммерческом маркетинге удовлетворяет конкретную потребность покупателя. Одновременно с этим традиционный маркетинг предполагает возможность

улучшения продукта в зависимости от запросов потребителя, в территориальном маркетинге продукт «формируется на протяжении истории и закрепляется в традициях и культуре» [8, с. 114], модификация чрезвычайно трудна и зачастую невозможна.

«В отличие от товаров территории не могут свободно участвовать в обмене» [18, с. 288]. Если «обычными товарами потребители всего лишь пользуются, то на территории, в конкретном месте они живут» [24, с. 69], «в городе потребители и производители местного продукта часто являются одними и теми же людьми, то есть нет четкого разделения на покупатель-производитель» [6, с. 127].

Фундаментальной экономической категорией является цена. В коммерческой организации цена продукта является фиксируемой в денежном выражении и определяется, в существенной мере, посредством рыночных механизмов. Несколько сложнее стоит вопрос определения стоимости корпоративных брендов, однако и в этой сфере разработан ряд методик оценки, которые также являются ориентированными на рынок.

Ценообразование в контексте территориального маркетинга является крайне трудной и многоаспектной задачей. Оценить в стоимостном выражении возможно лишь части территориального продукта, однако при их консолидации, общая стоимость не является суммой цен отдельных элементов. Как отмечает ряд исследователей, «цены в контексте территории, как правило, косвенные, нематериальные и часто выражаются не денежными единицами, так как они больше связаны с созданием привлекательных стимулов для потребителей товаров и услуг региона» [8, с. 115].

В настоящее время, говоря о цене территориального продукта, исследователи подразумевают затраты потребителя при осуществлении деятельности на данной территории. В связи с этим важнейшими составляющими являются стоимость жизни (жилье и ЖКХ, транспортные расходы и пр.); инвестиционный климат и условия ведения бизнеса (рынок труда, сырья, кредитов

и т. д.); особенности финансового рынка (налогообложение, субсидирование, софинансирование и пр.). А.П. Панкрухин дополняет, что «немаловажны также и психологические компоненты «цены территории». Прежде всего это оценка степени комфортности (включая безопасность) и вовлеченности компании в жизнь города» [24, с. 68], оценить эти параметры в денежном выражении видится маловероятным.

В условиях российской специфики цена территориального мегапродукта определяется с помощью государственного регулирования, а не рыночными методами. В связи с этим в ряде случаев данная стоимость является завышенной либо имеет универсальные (одинаковые для всех территорий) значения. При этом если для коммерческих продуктов наименьшая цена в сегменте рынка является конкурентным преимуществом, то на рынке территориальных продуктов «дешевизна» может стать негативным имиджевым фактором.

Распространение в классическом маркетинге включает все этапы и элементы движения товаров и услуг. Говоря о локализации территориального продукта, необходимо учитывать, что «с одной стороны, это – статичная точка на карте, не подлежащая изменению, а с другой – динамическая характеристика, заключающаяся в рамках рассмотрения территории как звена коммуникационной системы, через которое движутся материальные, финансовые, сырьевые, человеческие и информационные потоки» [25].

На современном этапе, когда близость к источникам ресурсов и физические характеристики местности теряют свое значение, а особую актуальность приобретает развитие высокотехнологичных производств, информационных технологий и рост стоимости интеллектуального труда, распространение в рамках территориального маркетинга ориентировано на выбор объема и направленности информации, продвигаемой с целью повышения привлекательности территории для целевых групп.

С учетом того, что объекты и атрибуты территории могут использоваться одновре-

менно разными акторами для нескольких целевых групп [26], корректное и продуманное распределение информации играет особую роль.

Продвижение – элемент маркетинг-микс, наиболее сходный в корпоративном и территориальном маркетинге. Информирование потребителей о конкурентных преимуществах товаров осуществляется через те же каналы, что и популяризация отличительных характеристик и ценностей территории. Однако в этой сфере также есть ряд отличий.

Коммерческий маркетинг максимально детализирует и таргетирует каналы продвижения. Используемые в территориальном маркетинге форматы продвижения носят более общий характер. Особенно это касается российской действительности. Многочисленные брошюры, презентации регионов и городов похожи друг на друга, а контентное наполнение ориентировано одновременно и на жителей, и на инвесторов, и на туристов.

В продвижении товаров ключевым инструментом является прямая реклама, роль «говорящего» в последнее время приобретает значение, но пока остается вторичной. В территориальном маркетинге наиболее эффективным является PR во всей широте возможных инструментов, где роль «говорящего» крайне значительна. С учетом того, что продвижение интересов территории является обязанностью должностных лиц, в большинстве случаев именно они становятся «лицами» территории, имея при этом ряд ограничений. Нередко это становится причиной сниженной эффективности маркетинговых мероприятий в области продвижения территории.

Одной из сложнейших задач как в коммерческом, так и в территориальном маркетинге является подбор каналов и форматов продвижения. Как отмечает Д.В. Визгалов, «город должен каждый раз «с нуля» подбирать для себя комбинацию маркетинговых инструментов. Это та сфера деятельности, где неприемлемы шаблоны и повторения» [13, с. 13].

Специфика креативной составляющей маркетинговых концепций

Элементом креативной составляющей маркетинговой концепции является фирменный стиль (логотип, товарный знак и др. визуальные элементы). В данном контексте отличие традиционного и территориального маркетинга заключается в том, что при разработке креативных составляющих коммерческого продукта субъекты маркетинга абсолютно свободны в выборе символов и обозначений.

Территориальные визуальные концепции имеют связь с событиями, персоналиями, объектами местности, выступающими в роли универсальных идентификаторов территории. При этом возникает удвоенная сложность: с одной стороны, необходимо использовать только территориально ассоциированные символы, а с другой – их количество может быть достаточно велико (например, символы Москвы или Санкт-Петербурга), что затрудняет процесс выбора или необходимости сочетания нескольких смысловых значений в одной визуальной концепции.

Особенности применения методов и методик маркетинговых исследований и анализа

Коммерческий и территориальный маркетинг оперируют сходным инструментарием исследований и анализа. Однако последовательность реализации маркетинговых задач отличается. Причина этого заключается в разности в подходах к продукту и в том, что в территориальном маркетинге он малоизменяем и менее гибок.

Если в классическом маркетинге последовательность использования маркетинговых инструментов соответствует логике «разработка продукта – сегментация потребителей – стратегия продвижения», то в территориальном маркетинге первым этапом является анализ и оценка потенциала территории, затем – выбор целевой аудитории (сегмента), далее – формирование предложения (продукта), в завершение – разработка стратегии продвижения.

Очевидно, что территориальный маркетинг гораздо более сложный процесс, предполагающий трансформацию восприятия территории, без возможности существенных изменений ее физических характеристик.

При этом конкурентный анализ применительно к территориям также имеет ряд отличий в сравнении с оценкой конкурирующих продуктов или компаний. На рынке товаров и услуг продукты-аналоги имеют конкретный набор измеримых характеристик, территории в данном контексте могут обладать различными конкурентными преимуществами, а параметры сравнения зачастую являются несопоставимыми.

Кроме того, «конкурентоспособность [территории] определяется не только наличием ресурсных конкурентных преимуществ (при рассмотрении ее как объекта), но и уровнем их использования (при рассмотрении территории как субъекта рыночных отношений). Территории, имеющие схожие ресурсы, начинают отличаться друг от друга уровнем и качеством территориального менеджмента и маркетинга» [7, с. 67].

Специфичность результата и оценки эффективности

Основополагающим в любой деятельности является ее результат. Относительно целеполагания автором выше уже приводились различия в направленности усилий коммерческого и территориального маркетинга. Результатом и критерием эффективности корпоративного маркетинга является прибыль, а также рост других финансовых показателей. Результат с точки зрения территориального управления – гораздо более широкое понятие – рост качества производимых общественных благ и социально-экономическое развитие, включающее качественные параметры.

Соответственно, в территориальном маркетинге намного более сложным является вопрос оценки эффективности. Безусловно, экономические параметры нашли свое отражение как в классическом, так и в территориальном маркетинге. ВРП, объем капитальных вложений, розничный товарооборот

на территории или размер экспорта также измеримы и отслеживаются в динамике, как и прибыль, рентабельность, маржинальность бизнеса. И.Д. Маркова отмечает, что «в качестве показателя эффективности маркетинга территорий выступает ее привлекательность, которая оценивается, например, как отношение темпов роста валового продукта на данной территории к темпам его роста в целом, допустим, в стране» [19, с. 289].

Реализация маркетинговых концепций как в коммерческой деятельности, так и применительно к территориям ставит перед собой качественные задачи. Практика коммерческого маркетинга уже предлагает инструменты измерения лояльности или уровня сервиса, например, NPS или методика ANA, в то время как методик измерения локальной идентичности в настоящее время не существует.

С учетом пока непродолжительного (особенно в нашей стране) опыта внедрения маркетинговых подходов в управление территориями прогнозирование результатов является недостаточно точным, возникают расхождения между ожидаемым и реальным результатами. Более того, в территориальном маркетинге возможны и отрицательные результаты, особенно при оценке в краткосрочном периоде. В классическом маркетинге в большинстве случаев результат соответствует вложенным усилиям и ожиданиям авторов, многолетняя практика позволяет с высокой точностью спрогнозировать результат.

При этом результаты маркетинговой деятельности на территории являются гораздо более устойчивыми и сохраняемыми в длительной перспективе, за исключением страновых брендов, крайне уязвимых в политическом контексте. «Корпоративные бренды подвержены многим рискам; они, как правило, быстрее устаревают. (...) В отличие от них город или регион как бренд не только трудно вырастить, но и почти так же трудно разрушить: он гораздо менее подвержен политическим и экономическим факторам риска» [24, с. 68].

Отсюда следуют и ключевые различия в факторах успеха маркетинговой деятельности.

Для коммерческих компаний – это яркость, скорость, использование многоканального продвижения; для территорий – это, прежде всего, стратегия, комплексность и широкий круг вовлеченных участников.

Выводы

Приведенный автором анализ ключевых сходств и различий коммерческого и территориального маркетинга отражает два основных момента: с одной стороны, территориям есть, чему поучиться у теории и практики корпоративного маркетинга, а с другой стороны, существует необходимость адаптировать такие модели под конкретные условия и особенности мест.

Научная новизна и практическая значимость исследования заключается в формировании новых критериев сравнения коммерческого и территориального маркетинга, в том числе на основе базовых идеологических и концептуальных составляющих.

С ростом востребованности территориального маркетинга в отрасли увеличивается количество специалистов, пришедших с рынков различных товаров и услуг. В связи с этим особую актуальность приобретает необходимость проведения различий в коммерческом и территориальном маркетинге. Современные практики должны учитывать теоретико-методологические предпосылки, чтобы избежать возможных ошибок и обеспечить достаточную эффективность маркетинговой деятельности применительно к гораздо более сложному продукту – территориям.

Имея сходный базис и опираясь на аналогичные принципы ведения деятельности, категории существенно отличаются друг от друга и предполагают значимые различия при реализации концепций и программ развития. Использование методов и инструментов классического маркетинга может способствовать повышению эффективности управления территориальным развитием, при этом требует вдумчивого и диверсифицированного подхода к применению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Govers R., Go F. *Glocal, virtual and physical identities, constructed, imagined and experienced*. 2009, 269 p.
2. Визгалов Д.В. Пусть города живут / сост. М. Губергриц, Н. Замятина, М. Ледовский. М.: Сектор, 2015. 272 с.
3. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер [и др.]. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с.
4. Бибикина Н.В. Теоретические аспекты маркетинга территории // Современные тенденции развития теории и практики управления в России и за рубежом: сб. докладов и тезисов IV (IX) международ. науч.-практ. конф. Ч. I / под общ. ред. В.Н. Парахиной, Л.И. Ушвицкого, Е.Ф. Бобровой. Ставрополь: Фабула, 2015. С. 73–75.
5. Маркетинг территорий: методология и методы обоснования стратегических решений развития регионов: монография / В.И. Беляев [и др.]. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 244 с.
6. Гладышева Я.С. Стратегическое развитие городов: маркетинговый подход // Вопросы управления. 2014. № 5 (30). С. 122–129.
7. Лавров А.М., Поликарпова Л.М. Маркетинг территорий как основа формирования многоуровневой системы управления территориальным развитием // Вестник Кемеров. гос. ун-та. Серия «Политические, социологические и экономические науки». 2016. № 2. С. 66–72.
8. Дубова Ю.И., Франк Е.В., Ермолина Л.В. Маркетинг территорий: ограничения применения в российских условиях // Вестник Перм. ун-та. Серия «Экономика». 2017. Т. 12. № 1. С. 110–123.
9. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий: российский прорыв // ЭКСПО-Новости. 2012. № 4. С. 36–43.
10. Kavaratzis M. Cities and their brands: lessons from corporate branding. *Place Branding and Public Diplomacy*, 2009, vol. 5, pp. 26–37.
11. Moilanen T., Rainisto S. *How to brand nations, cities and destinations. A planning book for place branding*. 2009. 202 p.
12. Anholt S. *Places: identity, image and reputation*. 2010. 179 p.
13. Визгалов Д.В. Маркетинг городов. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. 110 с.
14. Беляев В.И. Маркетинг территории и преодоление депрессивного состояния регионов России // Вестник Том. гос. ун-та. Серия «Экономика». 2008. № 3 (4). С. 46–61.
15. Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
16. Anholt S., Hildreth J. *Brand America. The mother of all brands*, 2004. 192 p.
17. Бабак И.Н. Территориальный маркетинг: общетеоретические аспекты внедрения и реализации брендинга территорий // Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука: сб. науч. ст. Минск, 2013, с. 10–13.
18. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под ред. К. Динни; пер. с англ. В. Сечной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
19. Маркова И.Д. Некоторые теоретические аспекты маркетинга территорий // Молодой ученый. 2015. № 2. С. 288–291.
20. Визгалов Д.В. Брендинг города / М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
21. Власова Н.Ю., Комаров А.Е. Особенности маркетинга закрытого административно-территориального образования // Известия Урал. гос. экон. ун-та. 2006. № 3 (15). С. 208–216.
22. Дороговцев А., Амелин Д. Территориальный маркетинг: новая идеология или адаптация корпоративного опыта? // Практический маркетинг. 2006. № 6. С. 5–6.
23. Ashworth G., Kavaratzis M. *Towards effective place brand management. Branding European cities and regions*. 2010, 240 p.
24. Панкрухин А.П. Территория как товар: общие установки, примеры, инструментарий маркетинга // Маркетинг PRO. 2010. № 7–8 (64). С. 67–71.
25. Анисимова П.М. Понятие территориального маркетинга и его возникновение // Сельское, лесное и водное хозяйство. URL: <http://agro.snauka.ru/2015/03/1844> (дата обращения 08.04.2018).
26. Muniz A.M., O'Guinn T. Brand community. *Journal of Consumer Research*, 2013, vol. 4, pp. 412–432.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шкулова Елена Александровна – кандидат экономических наук, руководитель отдела проектов. Общество с ограниченной ответственностью «Независимая лаборатория ИНВИТРО». Россия, 107023, г. Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3а. E-mail: ashkulova@gmail.com. Тел.: +7(495) 363-03-63.

Shkulova E.A.

THE TRANSFORMATION OF CORPORATE EXPERIENCE IN TERRITORIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

In modern conditions, the territories become full participants of market relations and compete for different types of resources. The concepts of competitiveness and investment attractiveness of a territory include both physical characteristics of a territory, its economic parameters and socio-cultural elements reflecting the skills of human resources, values and emotional perception in the external environment. Marketing tools and elements become more and more widespread in territorial management. However, the commercial nature of traditional marketing requires deep understanding and detailed analysis for further modifications in territorial development. Despite the fact that the term territorial marketing is reflected in works of domestic and foreign researchers, its effectiveness and efficiency requires further development of theoretical and methodological aspects. The purpose of the research is to identify the key similarities and differences between traditional and territorial marketing, assess the opportunity of transforming corporate experience related to the elaboration of programs for territories' development. The study covers the conceptual framework, tools, methodology, and methods used in commercial activity, as well as their possible adaptation to territorial development. The unity of commercial and territorial marketing is confirmed by similar basic principles and laws. The analysis and systematization of key differences reflects significant differences in goal setting and ideological component, peculiarities of marketing activity management, product understanding, effectiveness and efficiency assessment, which is a limitation and requires mandatory consideration when implementing the strategies and programs of socio-economic development of territories using marketing tools. The research novelty consists in identifying new criteria for comparing corporate and territorial marketing experience, as well as in-depth analysis of conceptual and ideological foundations of marketing activities. The research results may be useful to heads of territorial authorities, representatives of civil society organizations, as well as to specialists practicing marketing consulting of territories. The prospect of research into this subject is further development of theoretical and methodological aspects of territorial marketing.

Territorial marketing, marketing activity, marketing mix, territorial product, socio-economic development.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shkulova Elena Aleksandrovna – Ph.D. in Economics, Head of Department for Projects. OOO INVITRO. 3a, Malaya Semenovskaya Street, Moscow, 107023, Russian Federation. E-mail: ashkulova@gmail.com. Phone: +7(495) 363-03-63.

Зарубежный опыт развития региональной экономики

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.11

УДК 332.122 | ББК 65.9

© Киреева А.А., Нурланова Н.К.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА

КИРЕЕВА АНЕЛЬ АХМЕТОВНА

Институт экономики Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29
E-mail: anele19@mail.ru

НУРЛАНОВА НАИЛЯ КАПЕНОВНА

Институт экономики Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29
E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

В Казахстане среди современных проблем пространственного развития на первое место выходят структурная асимметричность и социальная поляризация. Между тем кардинальные перемены последних лет были столь динамичны и многоплановы, что требуется научное осмысление новых подходов и возможных перспектив развития регионов Казахстана. Мировая экономическая система становится все более неустойчивой, поэтому интерес к пространственным закономерностям развития экономики Казахстана и к новым механизмам управления территорией научно оправдан. В связи с этим возникает необходимость корректировки основных положений и принципов пространственного развития экономики Казахстана с учетом новых глобальных вызовов и трендов инновационного развития, разра-

Цитата: Киреева А.А., Нурланова Н.К. Организационно-экономические механизмы реализации технологической модернизации регионов Казахстана // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 168–180. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.11

Citation: Kireeva A.A., Nurlanova N.K. Institutional and economic mechanisms for technological modernization of regions in Kazakhstan. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 168–180. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.11

ботки эффективных механизмов, направленных на сглаживание социально-экономических диспропорций территорий страны, и формирования новых «точек роста» с наукоемким производством, что обуславливает актуальность данного исследования. Целью представленной работы является изучение концептуальных основ пространственного развития экономики, а также разработка механизмов реализации технологической модернизации регионов Казахстана. Новизна научного исследования состоит в том, что будет решена задача теоретико-методологического обоснования политики пространственного развития, основанной на новых принципах инклюзивности и «умной специализации», и выработки рекомендаций по выбору стратегических направлений и механизмов ее реализации с учетом национальной специфики. Данное научное исследование, в отличие от предыдущих, основано на использовании нового мультисекторного подхода к реализации политики пространственного развития экономики Казахстана, направленного на создание «точек роста» в стремительно развивающихся отраслях и «подтягивание уровня развития отсталых (депрессивных) регионов. Результатом проведенного научного исследования станут научно-практические рекомендации, стратегические направления и механизмы реализации технологической модернизации регионов Казахстана.

Регион, региональная экономика, пространственное развитие, полюса роста, модернизация, Казахстан.

В начале XXI века происходит радикальное изменение парадигмы регионального управления и региональной политики, осуществляется поиск новых способов, методов и механизмов повышения уровня эффективности управления пространственным развитием экономики. Уже сейчас сглаживание межтерриториальных различий, содействие в развитии отсталых регионов и «подтягивании» их до среднего уровня следует считать нормой региональной политики. Подобная политика учитывает различные региональные особенности, инструменты, ориентированные на решение самых острых проблем с опорой на внутренние специфические факторы, и имеющиеся ресурсные возможности.

В условиях глобализации и усиления конкуренции устойчивое развитие регионов по большей части зависит от использования собственного потенциала и преимуществ, влияющих на модернизацию технологий и активное внедрение различных инноваций (нововведений). Сложности, возникающие в процессе выравнивания развития регионов, требуют повышенного внимания к оценке наличия и эффективности использования потенциала региональной социально-экономической системы.

Идеи выравнивания уровней социально-экономического развития регионов были важ-

ны всегда и регулярно поднимаются и в современных условиях. Так, в соответствии с посланием Президента страны Назарбаева Н.А. народу Казахстана «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции» от 10 января 2018 года. Главой государства поставлен «первый приоритет – индустриализация должна стать флагманом внедрения новых технологий» [1]. При этом важным аспектом ускоренной технологической модернизации является положение о том, что «индустриализация должна стать более инновационной, используя все преимущества нового технологического уклада 4.0» [1]. Таким образом, требуется решение ряда важных задач по повышению конкурентоспособности национальной экономики и переходу к индустриально-инновационному вектору развития. Для этого следует, прежде всего, преодолеть сырьевую доминанту и сложившуюся практику непринятия нововведений реальным сектором экономики.

В связи с вышеизложенным предлагаемое научное исследование особенно актуально сейчас, поэтому целью данной работы является изучение концептуальных основ пространственного развития экономики, а также разработка механизмов реализации технологической модернизации регионов Казахстана

на основе мультисекторного подхода, ориентированного на формирование «точек роста» и прогрессивные структурные сдвиги.

Наиболее важной становится региональная политика, использующая новые подходы, направленные на выявление и развитие «полюсов роста» (на англ. *growth poles*). Более того, такие «полюса роста» первоначально использовались для организации экономического пространства и отраслевого подхода. В основе концепции «полюсов роста» лежит суждение о том, что лидирующие отрасли способны транслировать свой ресурсный потенциал и на слаборазвитые регионы. Эта теория получила свое развитие и в других значениях в области пространственного развития, например, в рамках исследования эффекта воздействия городских агломераций, модели «диффузии инноваций» (т. е. концепция регионального развития, основанная на зарождении новых идей и технологий в центре, которые могут распространяться на периферию).

В связи с этим особое внимание следует уделять вопросу технологической модернизации национальной экономики, которую целесообразно начинать с выявления и развития «полюсов роста», которые могут сыграть роль трансляторов инноваций на широкую периферию страны. Иными словами, «полюса роста» будут образовываться не автономно и дадут толчок для динамичного развития территории, на которой они расположены.

Как отмечалось ранее в наших исследованиях, мировая практика свидетельствует, что инновационный рост будет эффективнее в тех регионах, в которых он основан на принципе «умной» специализации (на англ. «*smart specialization*»), то есть выявлении и развитии уникальных инновационных отраслей региона [2]. Для того чтобы определить целевые векторы «втягивания» отсталых в экономическом развитии регионов Казахстана в процесс ускоренной технологической модернизации, необходимо, прежде всего, содействовать развитию стабильных экономических связей между регионами. Особую актуальность приобретает разработка стратегических направлений структурных пре-

образований регионов Казахстана на основе «умной специализации» с выделением возможных «полюсов роста».

Анализ зарубежных научных исследований показывает, что одним из эффективных механизмов интенсификации создания и внедрения новых технологий является формирование территориальных инновационных систем, или экосистем [3; 4]. При этом эффективной считается региональная политика, которая направлена на выявление и поддержку возможных «точек роста», обладающих наибольшим потенциалом [5; 6]. В научной среде исследование потенциала территорий основано на концепции неявных знаний и «перетока знаний» [7]. Особенность этих знаний в их неделимости, возможности использовать неограниченное число раз и ограниченной возможности исключить других агентов из процессов пользования ими.

Центр-периферийная модель (на англ. «*core-periphery model*») пространственного развития предполагает, что между центрами и периферией существует подвижная зона полупериферии, которая более активна и при резком изменении условий развития может перехватить функции центра. В основе этой теории лежит представление о ведущей роли отраслевой структуры экономики и в первую очередь лидирующих территорий – так называемых точек роста [5; 8]. Теория «точки роста» явилась базовой основой для появления концепции поляризованного развития, в рамках которой наблюдается стремление объединить разнообразные воззрения, связанные с активизацией экономической деятельности на отсталых, периферийных и проблемных территориях.

По сути, концепции пространственного развития работают на всех этапах: от крупных городских агломераций до региональных и местных районов. Важным трендом пространственного развития многих стран в последние десятилетия стал переход от политики экономического выравнивания уровня социально-экономического развития территорий к дифференцированной политике развития отдельных территорий, способных обеспечи-

вать высокие темпы роста с помощью использования инноваций. Поэтому необходимо разрабатывать компромиссную региональную политику страны, в которой будут выделены четкие приоритеты концепции диффузии инноваций. При этом диффузия инноваций происходит эволюционно по двум траекториям:

1) по существующей иерархической системе от городов-центров (т. е. от наиболее крупных городов к меньшим городам по размеру и статусу);

2) по системе от прилегающих центров в соседние или прилегающие города (т. е. «растекаясь» на соседние города, что особенно интенсивно происходит в пределах крупных агломераций) [9].

На сегодняшний день казахстанские регионы разнородны по качеству человеческого капитала и инвестиций, уровню креативности и инновативности, т. е. существуют различные возможности быстро осваивать новые технологии. Чем выше неоднородность страны в региональном плане, тем сложнее ее развитие, тем больше требований к региональной политике [10]. Поэтому реальный уровень инновационного развития регионов слабо подвержен изменениям из-за эффекта «унаследованного пути» (на англ. «path dependence»). А для вовлечения отстающих в экономическом развитии казахстанских регионов в процесс ускоренной технологической модернизации требуются существенные затраты и многолетние усилия. Например, для создания Силиконовой долины в США потребовалось несколько десятилетий. Это один из успешных примеров эффективного использования потенциала региона-лидера.

В Казахстане «точки роста» формировались издавна, этому способствовала специфическая территориальная структура экономики, дифференциация которой явилась объективной предпосылкой хозяйственного освоения территорий регионов путем формирования отдельных центров. В результате казахстанское региональное и экономическое пространство изначально сильно поляризовано, т. е. фактически представляет собой

определенную схему «точек роста», где какой-либо ключевой город выполняет функцию организующего начала для всей прилегающей территории [11; 12]. Кроме того, в Казахстане имеются отсталые (депрессивные) регионы, что приводит к усилению поляризации экономического пространства [13].

Современное технологическое развитие экономики регионов Казахстана также имеет ярко выраженную пространственную специфику, которая проявляется в следующем:

- наличие технологической многоукладности и многоотраслевой специализации секторов экономики;

- преобладание в экономике регионов Казахстана технологий II–III технологических укладов;

- многофункциональный характер процессов регионального управления;

- существенное доминирование монополизированных структур и крупных промышленных предприятий;

- ограниченное участие органов местного самоуправления в механизмах управления развитием ресурсно-сырьевого потенциала территории.

В результате можно выделить основные проблемы технологического развития и технологической модернизации регионов Казахстана:

1) замедление процесса перехода к новым технологиям VI–V технологических укладов;

2) невозможность реализации новых форм взаимодействия региональной власти с экономическими агентами системы «наука – образование – производство» как ключа к созданию национальной инновационной системы;

3) сложность реализации региональной политики структурных преобразований путем преобладания процесса «фрагментарного» развития институциональной среды.

Таким образом, в Казахстане вследствие неравномерности экономического пространства и межтерриториальных различий (природно-географических, социально-демографических, экономических и т. д.) унифицированный подход к регионам невозможен. Таким образом, в Казахстане требуется разработка новой поли-

тики пространственного развития, основанной на сочетании разных подходов:

- ориентированных на использование базовых факторов роста (наличие богатых природных ресурсов, благоприятное географическое положение);
- нацеленных на формирование новых «точек роста» по принципу «умной» специализации;
- обеспечивающих сглаживание социально-экономических диспропорций территорий страны по принципу инклюзивного развития.

В целом необходим новый мультисекторный подход к формированию механизмов реализации политики пространственного развития, обеспечивающий использование преимуществ «первой природы», формирование возможных «точек роста» по принципу «умной» специализации и сглаживание социально-экономических диспропорций территорий страны по принципу инклюзивности.

Новый мультисекторный подход к формированию механизмов технологической модернизации экономического пространства Казахстана может быть представлен в схематичном виде (рис. 1).

Новый мультисекторный подход к реализации политики пространственного развития экономики Казахстана призван обеспечить не только создание «точек роста» в одной из стремительно развивающихся отраслей (на англ. «booming evolving industry»), но и «подтягивание» до ее уровня экономики отсталых (депрессивных) регионов. Он предполагает осуществление прогрессивных структурных преобразований (т. е. поиск новых источников экономического роста) регионов Казахстана по двум принципам:

1) совершенствование отраслевой структуры экономики регионов по принципу «умной» специализации, предполагающей:

- масштабную технологическую модернизацию традиционных секторов экономики на базе современных технологий;
- создание производств в IT-индустрии и других стремительно развивающихся отраслях для формирования новых рынков или рыночных ниш;
- разработку и применение прорывных технологий и технологий «экономики знаний»;
- достижение мультипликативных эффектов для развития экономики региона за счет мультиотраслевого характера;

Рис. 1. Схема мультисекторного подхода к пространственному развитию экономики Казахстана

Источник: составлено авторами.

2) «подтягивание» потенциала отсталых (депрессивных) регионов по принципу инклюзивности:

– структурные преобразования экономики региона за счет «вытягивания» производственной цепочки, заимствования и адаптации новых технологий, технологий «экономики знаний» и профессиональных компетенций;

– внедрение нового качества экономического роста и качества жизнедеятельности населения за счет использования технологических решений и удовлетворения внутреннего спроса региона, потребление происходит в месте производства;

– поддержание социальной стабильности в регионе.

В целом под механизмами технологической модернизации регионов Казахстана в нашем научном исследовании будет пониматься совокупность институциональных, экономических, инвестиционно-финансовых, социальных и инновационных методов, мер и инструментов, реализуемых с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики. Перечень возможных задач весьма многообразен:

– задачи структурно-технологического развития – создать условия для ориентации экономики региона на поступательный рост и перестройку ее структуры, с тем чтобы достичь увеличения доли отраслей, производящих конечную продукцию, в общем объеме регионального производства, одновременно снизив долю производства первичного передела (решаются путем включения в стратегии развития республики, программные документы регионов, отдельных городов, территорий, в различные планы развития и прогнозы);

– задачи институционального характера – содействовать демонополизации экономики региона, опережающему развитию малого и среднего бизнеса, венчурного предпринимательства, поиску и принятию решений в отношении наукоемких производств; эти задачи решаются путем совершенствования системы действующего законодательства, касающегося распределения полномочий и ответственности между исполнительной вла-

стью и органами местного самоуправления (Конституция РК, Законы РК «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан», «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» и другие нормативно-правовые акты, регламентирующие решение различных проблем экономического, социального и экологического характера на региональном уровне);

– задачи социального характера – обеспечить развитие социальной инфраструктуры, подготовку и систематическое повышение квалификации молодых специалистов для отраслей специализации данного региона (профобразование, магистратура, докторантура); сократить уровень структурной безработицы в регионе;

– инвестиционно-финансовые задачи – увеличить объем инвестиционных вложений в отрасли специализации региона (определение наиболее эффективных сфер деятельности, поиск нестандартных схем привлечения внешнего финансирования, поддержка проектов за счет государственных программ на основе безвозмездного финансирования (гранты), условно-возвратного, льготного кредитования, долевого финансирования, на основе государственно-частного партнерства, беспроцентного субсидирования и т. д.);

– задачи, направленные на повышение конкурентоспособности, – рост и рациональное размещение производительных сил, повышение конкурентоспособности экономики региона, селективная реструктуризация производства в отраслях промышленности с целью увеличения выпуска конкурентоспособной продукции, активная поддержка кластерных проектов и таргетирование наукоемких отраслей;

– задачи инновационного развития – усилить инновационную активность региона, создать условия для перехода отраслей производства к IV и V технологическим укладам, «подтягивать» отстающие в технологическом плане отрасли, содействовать взаимодействию научно-исследовательских и образовательных учреждений, обеспечить поддержку малого бизнеса и конкретных проектов в

рамках соответствующих государственных программ и проектов, разработанных для развития новых индустрий с применением цифровых технологий.

В целом задачи реализации технологической модернизации регионов Казахстана многообразны и представляют собой определенную взаимосвязанную структуру (рис. 2).

Приведенные выше задачи реализации технологической модернизации экономического пространства Казахстана имеют разные методы воздействия, т. к. преследуют разнообразные цели. Следует отметить, что данный перечень задач является далеко не исчерпывающим, но в совокупности составляет определенную систему, в рамках которой в дальнейшем может проводиться политика пространственного развития. Далее предлагаем к рассмотрению стратегические направления технологической модернизации экономического пространства Казахстана.

1. Первое направление – это активная поддержка инновационных предприятий по принципу «умной» специализации. Ведущие регионоведы отмечали, что существует некая связь между инновационным развитием и предпринимательством, т. е. предприниматели-инноваторы создают новые рынки продукции и услуг [14]. При этом склонность к предпринимательству укореняется в местных сообществах, поэтому предпринимательская активность сильно варьируется по регионам на протяжении многих лет [5; 15; 16]. Возникает необходимость в развитии инновационного предпринимательства, в особенности средних и малых инновационных компаний.

Немаловажным является тот факт, что положительное влияние предпринимательства на региональный рост за рубежом проявляется лишь через 5–8 лет после повышения деловой активности.

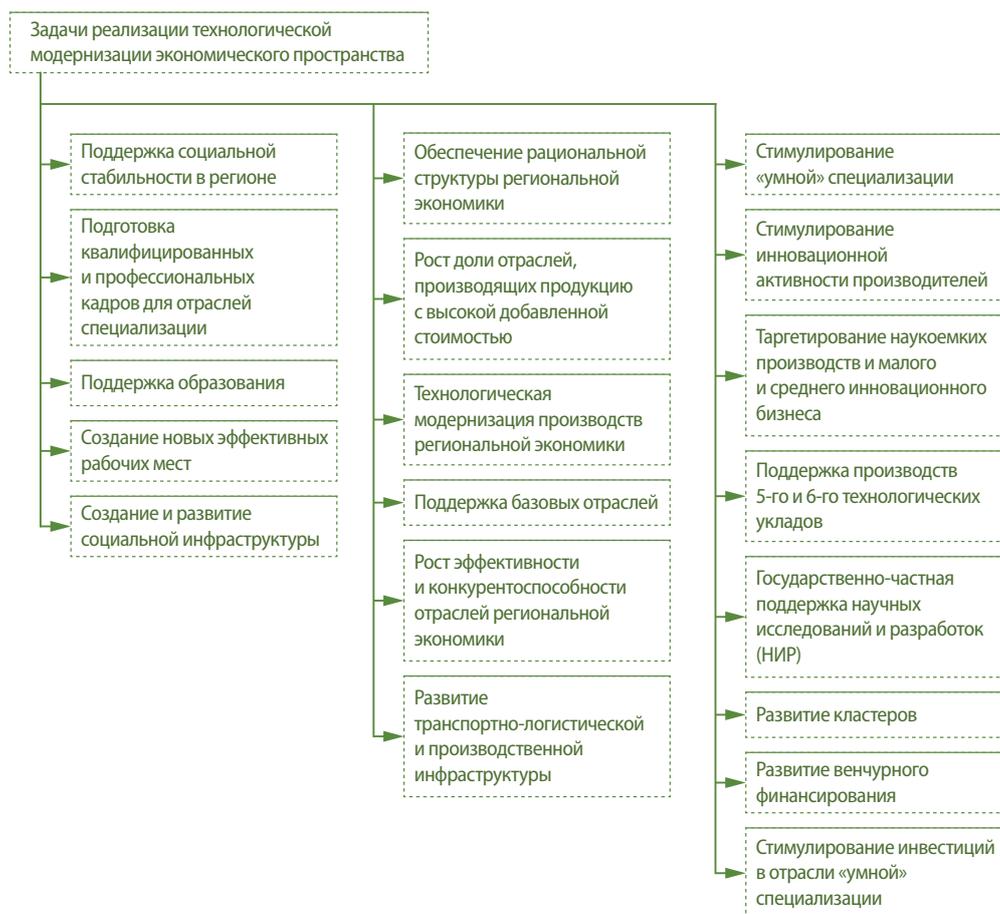

Рис. 2. Задачи реализации технологической модернизации экономического пространства Казахстана

Источник: составлено авторами.

2. Важным направлением должно стать формирование и интенсификация сетевых взаимодействий путем стимулирования предпринимательской активности на основе концепции «четвертной спирали» (на англ. «quadruple helix model»). Сетевые проекты, направленные на объединение деловых сетей (на англ. «networks of networks»), создаются с расчетом на расширение масштаба сотрудничества. Ключевыми моментами «четвертной спирали» являются предпринимательская активность и развитие через взаимодействие независимых субъектов (групп субъектов) инновационного процесса (бизнеса – государства – науки – представителей гражданского общества) в рамках открытых инновационных систем.

Модель «четвертной спирали» является элементом, сочетающим в себе элементы концепции «умной» специализации, а именно:

- стимулирование предпринимательской активности региона, т. е. развитие стремительно развивающихся отраслей;
- обеспечение взаимодействия между четырьмя независимыми субъектами инновационного процесса (т. е. выявление у региона преимуществ, возможностей и слабых сторон);
- использование технологических инноваций, адаптированных к условиям региона и стадии его развития;
- формирование взаимосвязей между регионами, развитие внутреннего рынка и межрегионального сотрудничества.

При этом концепция «четвертной спирали» применима к территориям, отстающим в инновационном развитии, исчерпавшим потенциальные возможности, а также плохо «вписывающимся» в глобальные рынки и систему межрегионального сотрудничества.

С позиции стратегии развития казахстанской экономики перспективными являются не только производственные и инфраструктурные сети, но и информационные и коммуникационные сети, активизация формирования которых будет способствовать переходу казахстанской экономики на инновационный путь развития. В итоге развитие экономики казахстанских регионов по принципу «ум-

ной» специализации позволит прирастить приток капиталов и технологий, прямых инвестиций, которые принесут в регион, не считая инвестиций и новых технологий, умственные и креативные ресурсы, а также всемирно известные тренды.

Важной проблемой при реализации политики пространственного развития по принципу «умной» специализации является слабая интегрированность казахстанской науки и международных сетей. Закрытость научной среды может вести к снижению продуктивности и качества фундаментальных и прикладных исследований. Поэтому особое внимание в региональной политике следует уделять обеспечению участия и поддержки научно-исследовательского состава в международных грантах, фундаментальных, прикладных и программно-целевых проектах, например, посредством формирования соответствующих критериев эффективности научных руководителей проектов.

3. Третье направление – это активизация человеческого капитала на территориях регионов путем наращивания объемов, повышения его качества и совершенствования структуры. Многие ведущие экономисты отмечают, что одним из важных инструментов развития современных регионов становится их способность привлекать творческих профессионалов [17; 18]. В большинстве развитых стран активизация человеческого капитала – один из немногих механизмов, позволяющих лидирующим регионам занимать относительно высокие позиции в международных рейтингах инновационного развития.

В Казахстане эффективность человеческого капитала с точки зрения создания новых знаний ниже, чем в развитых странах. Это связано с низким уровнем государственного и частного финансирования научно-исследовательского сектора (фундаментальных и прикладных проектов) и низкой конкуренцией на рынке технологий. Доля занятых в НИОКР в большинстве регионов Казахстана сокращается. В результате происходит «утечка мозгов», получившая новый толчок с раз-

витиём кризисных явлений в экономике. Для активизации человеческого капитала требуется создание новых рабочих мест в высокотехнологичных и наукоемких секторах экономики, стимулирование научных исследований и поддержка частных лабораторий в регионах-лидерах.

В рамках концепции «четверной спирали» университеты и НИИ выступают как отдельные субъекты стимулирования инновационной деятельности, выполняя функции создания новых знаний и технологий. Для реализации модели «четверной спирали» в регионах Казахстана требуется создание предпринимательских университетов и взаимодействие с НИИ, способными выполнять фундаментальные и прикладные научно-исследовательские проекты, на основе которых будут создаваться малые инновационные компании [19]. Университет путем взаимодействия с НИИ постепенно будет создавать предпринимательскую среду, становясь ядром региональных инноваций.

4. Четвертое направление – разработка региональной типологии (или пространственная дифференциация) на основе результатов оценки конкурентных преимуществ. В научных исследованиях известных экономистов приведены примеры дифференциации и типологии регионов Европейского Союза. В работе Марсана и Магвайра предложена дифференциация регионов с помощью кластерного анализа: центры концентрации знаний, промышленные регионы и средние регионы (экономическое развитие которых не основано на создании или внедрении новых технологий) [20].

Следует отметить, что, поскольку инновационные процессы частично локализуются и влияют на периферию, а экономический потенциал концентрируется в агломерациях, была выполнена дополнительная типология регионов и городов Казахстана:

- крупнейшие агломерационные центры «экономики знаний»;
- агломерации с развитой высокотехнологичной и среднетехнологичной промышленностью, т. е. крупные промышленные центры;

- крупные и большие города преимущественно с промышленной специализацией, т. е. центры производства;

- малые регионы и города, т. е. региональные центры с низким экономическим и инновационным потенциалом.

В *таблице* представлены типология регионов и городов Казахстана по уровню развития инновационных процессов, их краткая характеристика и механизмы реализации новой пространственной политики.

Предложенные выше типология регионов и городов Казахстана и механизмы их поддержки разработаны с учетом особенностей мультисекторного подхода. Мультисекторный подход позволяет учесть следующее:

- глобальную синхронизацию, конвергенцию различных областей науки и технологий;
- транснационализацию экономики, глобализацию бизнес-процессов и внешнеэкономическую интеграцию;
- смену модели управления региональным и городским развитием от типа «сверху» к модели «сетевому» развитию;
- внедрение концепций «умных» и экологически чистых технологий (на англ. «smart solution»), появление «умных городов» (на англ. «smart city»).

В целом разработанная типология регионов Казахстана, прежде всего, учитывает особенности развития каждой территории: от регионов-лидеров до отсталых регионов. Основной набор организационно-экономических механизмов направлен на переустройство национальной экономики, ориентирован на локальное стимулирование развития казахстанских научно-исследовательских разработок, фундаментальных и прикладных исследований, а также ориентацию на наиболее перспективные регионы («точки роста»). В частности, фундаментальные и прикладные научные исследования сегментируются и концентрируются вокруг тех направлений, которые имеют научно-практическую значимость и коммерческое применение.

По сути, предложенные типы регионов Казахстана сопоставимы, поэтому для близких категорий целесообразно применять схожие ме-

Таблица. Типология регионов и городов Казахстана по уровню развития инновационных процессов и механизмы их поддержки

№	Тип региона	Краткая характеристика	Механизмы поддержки
1	Центры «экономики знаний» (города Алматы и Астана)	Значительный экономический потенциал, специализация на производстве инновационной продукции, концентрация всех стадий инновационного цикла. Крупнейшие города, участвующие в процессах создания и распространения новых знаний, технологий и продуктов. Развитая автономная инфраструктура (наличие СЭЗ, технопарков, научных центров, вузов и т. д.)	Поддержка научно-исследовательских проектов и международного взаимодействия. Формирование в экономике регионов новых стремительно развивающихся секторов на базе разработки и применения прорывных технологий и технологий «экономики знаний». Создание новых производств для формирования новых рынков или рыночных ниш. Всеобщая информатизация и роботизация (создание «умных» городов). Тактика: для данной группы регионов требуются финансовые средства для поддержания высокого уровня инновационного развития, создание «умных ареалов», активизация научно-исследовательских разработок, фундаментальных и прикладных исследований
2	Специализированные промышленные центры (Карагандинская, Павлодарская и Усть-Каменогорская области)	Высокий уровень промышленного развития (по показателям, характеризующим объемы производства горнодобывающей, обрабатывающей и металлургической продукции Казахстана). Эти регионы обладают средним уровнем инновационного потенциала. Для них характерны высокая концентрация человеческого капитала и развитая инфраструктура	Активная промышленная политика, в том числе поддержка кластеров в горнодобывающих и обрабатывающих отраслях. Технологическая модернизация основных средств. Поддержка предпринимательства, создание предпринимательских университетов и взаимодействие с НИИ. Подготовка технических специалистов, инженеров. Тактика: правовая поддержка предпринимательских структур, привлечение инвестиционных ресурсов и развитие сетевого взаимодействия (сети технопарков, бизнес-инкубаторов, сети трансфера технологий и научно-исследовательских центров)
3	Специализированные креативные Центры (города Актобе, Актау, Атырау, Караганда, Павлодар, Усть-Каменогорск)	Средний уровень промышленного развития, но сохраняется высокий инновационный потенциал. Наличие сильных технических вузов и крупных предприятий. Активное внедрение новых технологий и методов в обрабатывающих секторах. Наличие крупных городов и агломерационных эффектов	Структурная перестройка экономики за счет «вытягивания» производственной цепочки. Активная поддержка со стороны органов местного самоуправления. Создание условий для формирования инновационных кластеров в отраслях специализации. Развитие предпринимательских университетов и взаимодействие с НИИ, поддержка креативных индустрий. Тактика: активизация внешнеэкономической интеграции, научно-исследовательских разработок, фундаментальных и прикладных исследований, развитие концепций «умных» и экологически чистых технологий и выявление стратегических планов для формирования кластеров креативных индустрий
4	Среднеразвитые регионы (Актюбинская, Западно-Казахстанская, Костанайская, Кызылординская области)	Регионы этой группы относятся к сырьевым и аграрным и имеют средний потенциал. Больше заимствуют и внедряют новые технологии и продукты, чем создают. Высокая зависимость от государственных заказов. Уровень инновационного развития растет, но требуются дополнительные средства для поддержания социальной стабильности в регионе	Активные мероприятия по реализации социальной политики по повышению человеческого капитала и его мобильности. Улучшение предпринимательской активности. Диверсификация экономики, поддержка проникновения информационно-коммуникационных технологий, создание индустриальных парков, готовых инвестиционных площадок. Тактика: привлечение инвестиционных ресурсов, масштабная модернизация традиционных секторов экономики на базе современных технологий
5	Слаборазвитые агропромышленные регионы (Акмолинская, Алматинская, Джамбулская, Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская области)	Низкий потенциал промышленного и инновационного развития. Не создаются новые технологии и продукты. Диффузия инноваций из-за удаленности и несовершенства институциональных факторов ограничена, новые технологии внедряются с наименьшей интенсивностью. Ориентация на традиционные рынки с невысокими темпами роста	Активные меры социальной политики, направленные на повышение человеческого капитала и мобильности. Поддержка проникновения информационно-коммуникационных технологий. Тактика: активизация поддержки со стороны государственной власти и эффективные социальные меры, привлечение инвестиционных ресурсов, включение в региональные планы и программы развития

Источник: составлено авторами.

ханизмы поддержки. При этом по данной типологии выделяются регионы, где поддержка инноваций приоритетна, в других же необходима активная политика заимствования разработок из регионов-лидеров. Также выделена группа регионов, развитие которой не основано на создании и внедрении новых технологий, для них требуются иные механизмы поддержки, прежде всего активизация мер социальной политики.

Выбираются эффективные и адекватные организационно-экономические механизмы структурных преобразований регионов Казахстана на основе мультисекторного подхода, ориентированного на формирование «точек роста» и прогрессивные структурные сдвиги в экономике регионов Казахстана. Новый мультисекторный подход к управлению пространственным развитием сочетает в себе использование преимуществ «первой природы», формирование возможных «точек роста» по принципу «умной специализации» и сглаживание социально-экономических диспропорций территорий страны по принципу инклюзивности. Данный подход позволит учесть как специфику регионов (инвестиционно обеспеченные и сырьедобывающие регионы-лидеры; индустриально развитые,

имеющие высокий экономический потенциал; агропромышленные, характеризующиеся активизацией индустриально-инновационной деятельности, – развивающиеся регионы; депрессивные, утратившие значительный инновационный потенциал, но с признаками возрождения и оживления инновационных процессов – неустойчивые), для которых он разрабатывается, так и особенности привлекаемых ресурсов (бюджетные, заемные, собственные средства и т. д.).

Таким образом, теоретическая значимость научного исследования заключается в том, что в нем обоснованы концепции, принципы, основные направления размещения и территориально-структурной модернизации национальной экономики, которые могут послужить научным обеспечением политики пространственного развития, сформированной по принципам «умной» специализации и инклюзивного развития. Практическая значимость исследования заключается в том, что разработаны механизмы реализации технологической модернизации на основе мультисекторного подхода, ориентированного на формирование «точек роста» и прогрессивные структурные сдвиги в экономике регионов Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции: Послание Президента РК Н.А. Назарбаева от 10 января 2018 г. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1800002018> (дата обращения 15.03.2018).
2. Satybaldin A.A., Nurlanova N.K., Kireyeva A.A. A new policy of spatial development in Kazakhstan on the principles of inclusiveness and smart specialization. *Journal of Asian Finance Economics and Business*, 2016, no. 3 (2), pp. 93–102.
3. Пилясов А.Н. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и потоки знания. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.
4. Fujita M. Structural stability and evolution of urban systems. *Regional Science and Urban Economics*, 1997, no. 27 (4–5), pp. 399–442.
5. Fritsch M., Mueller P. Effects of new business formation on regional development over time. *Regional Studies*, 2004, no. 38 (8), pp. 961–975.
6. Perroux F. Note sur les notion de pole de croissance. *Economie Appliquee*, 1955, no. 7 (1–2), pp. 307–320.
7. Richardson H.W. *Regional Growth Theory*. London: Mccmillan, 1973.
8. Romer P. Increasing returns and long run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, no. 94, pp. 1002–1038.
9. Storper M. *The Regional World: Territorial Development in Global Economy*. New York: Guilford Press, 1997.
10. Bertinelli L., Decrop J. Geographical agglomeration: Ellison and Glaeser's index applied to the case of Belgian manufacturing industry. *Regional Studies*, 2005, no. 39, pp. 567–583.
11. Гранберг А., Зайцева Ю. Темпы роста в национальном экономическом пространстве // Вопросы экономики. 2002. № 9. С. 4–17.

12. Пермякова Е.С. Полюса роста приграничных территорий – новая парадигма развития региональных экономик России и Казахстана // Вестник ИНЖЭКОНа. 2011. № 5. С. 451–454.
13. Kireyeva A.A. The problems of spatial modernization of the economy and new approaches to way out from crisis: Kazakhstan's experience. *Journal Distribution of Science*, 2013, no. 11 (3), pp. 39–48.
14. Schumpeter J.A. The creative response in economic history. *The journal of economic history*, 1947, no. 7 (2), pp. 149–159.
15. Schott T., Sedaghat M. Innovation embedded in entrepreneurs' networks and national educational systems: A global study. *Small Business Economics*, 2014, no. 43 (2), pp. 463–476.
16. Земцова С., Баринова В. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к умной специализации // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81.
17. Fritsch M. Measuring the quality of regional innovation systems: a knowledge production function approach. *International Regional Science Review*, 2003, no. 25 (1), pp. 86–101.
18. Florida R. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent. *Liberal Education*, 2006, no. 92 (3), pp. 22–29.
19. Etzkowitz H. The evolution of the entrepreneurial university. *International Journal of Technology and Globalisation*, 2004, no. 1, pp. 64–77.
20. Marsan G.A., Maguire K. *Categorisation of OECD Regions Using Innovation-related Variables*, Regional Development Working Papers, OECD Publishing. Paris, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киреева Анель Ахметовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник. Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. E-mail: anele19@mail.ru. Тел.: +7(727) 261-01-75.

Нурланова Науля Капеновна – доктор экономических наук, профессор. Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com. Тел.: +7(727) 261-01-75.

Kireeva A.A., Nurlanova N.K.

INSTITUTIONAL AND ECONOMIC MECHANISMS FOR TECHNOLOGICAL MODERNIZATION OF REGIONS IN KAZAKHSTAN

In Kazakhstan, structural asymmetry and social polarization are the main problems in modern spatial development. Meanwhile, radical changes of recent years were so dynamic and multi-dimensional that scientific understanding of new approaches and possible prospects for the development of regions in Kazakhstan is required. The global economic system is becoming increasingly unstable so the interest in spatial patterns of economic development in Kazakhstan and new mechanisms of territory's management is scientifically justified. In this regard, there is a need to adjust the basic provisions and principles of spatial economic development in Kazakhstan taking into account the new global challenges and trends in innovative development, develop effective mechanisms aimed at smoothing the socio-economic imbalances in the country, and form new "growth poles" with high-tech production, which makes the study relevant. The purpose of the present paper is to study the conceptual foundations of spatial economic development, as well as develop mechanisms for implementation of technological modernization in regions of Kazakhstan. The novelty of the research lies in that it solves the problem of theoretical and methodological substantiation of the policy of spatial development based on new principles of inclusiveness and "smart specialization", and develops recommendations

for selecting strategic directions and mechanisms for its implementation taking into account national specific features. The present study, unlike the previous ones, is based on using a new multi-sector approach to implementing the policy of spatial economic development in Kazakhstan aimed at creating "growth poles" in rapidly developing industries and "tightening the level of development in backward (depressed) regions". As a result, the research provides scientific and practical recommendations, strategic directions, and mechanisms for implementing technological modernization in the regions of Kazakhstan.

Region, regional economy, spatial development, growth poles, modernization, Kazakhstan.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kireeva Anel' Akhmetovna – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate. Institute of Economics of the Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 29, Kurmangazy Street, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan. E-mail: anele19@mail.ru. Phone: +7(727) 261-01-75.

Nurlanova Nailya Kapenovna – Doctor of Economics, Professor. Institute of Economics of the Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 29, Kurmangazy Street, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan. E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com. Phone: +7(727) 261-01-75.

Актуальная информация: цифры и факты

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.12

УДК 316.42(470.12) | ББК 60.527(2Рос-4Вол)

© Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮНЕ 2018 ГОДА

МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ
Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

ДЕМЕНТЬЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА
Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: irinika_74@mail.ru

ЛЕОНИДОВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА
Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: leoele@mail.ru

Цитата: Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2018 года // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 181–187. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.12

Citation: Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in June 2018. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 4 (96), pp. 181–187. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.12

В мае – июне 2018 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе¹. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале.

В июне 2018 года по сравнению с апрелем 2018 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составляет 72–73% (табл. 1), удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску» – 23%. В различных социально-демографических категориях населения оценки социального настроения сохранились на уровне апреля 2018 года, за исключением 20%-й группы наименее обеспеченных, в которой соответствующий индекс снизился на 5 пунктов (со 130 до 125 п.)².

Оценки запаса терпения также сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Авг. 2017 г.	Окт. 2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
		2017 г.	2011 г.	2007 г.														
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	70,4	73,8	71,0	70,5	68,6	71,5	72,5	71,3	+1	+8	+7
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	26,5	24,9	25,9	26,2	24,2	21,1	22,8	24,0	23,4	23,1	22,8	22,9	-1	-6	-5
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	142,1	144,5	142,8	143,8	146,2	152,7	148,2	146,5	145,2	148,4	149,7	148,5	+2	+14	+13
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,0	77,7	80,5	74,4	77,1	76,2	79,0	76,5	77,3	0	+3	+3
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	14,2	12,5	14,5	15,6	15,8	13,5	17,5	16,2	16,3	14,8	16,6	15,8	0	+1	+2
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	165,1	168,3	164,0	162,4	162,0	167,0	156,9	160,9	159,9	164,2	159,9	161,5	-1	+2	+1

2007 г. – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 г. – последний год президентства Д.А. Медведева.
2007, 2011, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг. – среднегодовые данные.
* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

¹ Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

² В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

77–79%, удельный вес отрицательных оценок – 15–17%. Наиболее значительное снижение индекса запаса терпения в апреле – июне 2018 года отмечается среди 20% наименее обеспеченных (на 23 п., со 146 до 123 п.), в возрастных группах до 30 лет (на 11 п., со 171 до 160 п.) и от 30 до 55 лет (на 8 п., от 168 до 160 п.), среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 7 п., со 151 до 144 п.).

В среднем за последние 6 опросов (август 2017 года – июнь 2018 года) показатели социального самочувствия примерно соответствуют уровню 2017 года: индекс социального настроения составляет 149 пунктов, индекс запаса терпения – 162 пункта.

В динамике самооценок материального положения за период с апреля по июнь 2018 года произошли неоднозначные изменения.

С одной стороны, за последние два месяца возрос уровень дохода среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категории 20% наименее обеспеченных (с 6372 до 6905 руб.) и 60% среднеобеспеченных жителей области (с 13367 до 13534 руб.; табл. 2).

С другой стороны, в апреле – июне снизился размер фактического дохода в 20%-й группе наиболее обеспеченных (с 27185 до 26230 руб.). В этой категории соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума уменьшилось с 2,7 до 2,5 раза.

В среднем за последние 6 опросов, по сравнению с 2017 годом, соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в среднем по области существенно не изменилось (1,4 раза). При этом в высокодоходной категории населения данный показатель ниже, чем в 2007 и 2011 гг.

В период с апреля 2018 года по июнь 2018 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок в отношении ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 15 и 12% соответственно, отрицательных – на уровне 25 и 35% (табл. 3). Наиболее заметное повышение индекса оценок экономической ситуации в стране и области наблюдалось в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 5 пунктов, с 88 до 93 п. относительно экономической обстановки в стране и с 76 до 81 п. – на территории области), среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 6 пунктов, с 78 до 84 п. и с 65 до 71 п. соответственно), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 4–5 пунктов, с 89 до 93 п. и с 75 до 80 п.), в Череповце (на 4 пункта, с 87 до 91 п. и с 71 до 75 п.).

Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 14%, негативные суждения высказывали 28% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения рост индекса наблюдался в возрастной группе старше 55 лет (на 7 п., с 75

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Авг. 2017 г.	Окт. 2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
	2017 г.	2011 г.	2007 г.														
Доход на одного члена семьи, руб.																	
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4531	5191	5432	5679	5584	6358	5902	4974	5698	6372	6905	6035	+451	+2130	+3949
60% среднеобеспеченных	4633	8425	10112	11187	11708	11707	12154	12563	12456	12094	12315	13367	13534	12722	+568	+4297	+8089
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	21730	23937	23627	25292	25360	23922	26151	26465	26904	27185	26230	26143	+783	+8506	+14925
Среднее по области	5440	9363	11319	12538	12837	13220	13479	13593	13861	13531	13911	14723	14745	14061	+582	+4698	+8621
Прожиточный минимум, руб.	3765	6514	7270	8039	10066	10102	10511	11015	11015	10718	10234	10234	10507	10621	+110	+4107	+6856
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																	
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	0,5	0,6	0,5	0,5	0,6	0,6	0,7	0,6	+0,1	0	0
60% среднеобеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,4	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3	1,2	0	-0,1	0
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	3,0	2,3	2,5	2,4	2,2	2,4	2,5	2,6	2,7	2,5	2,5	+0,1	-0,2	-0,5
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,6	1,3	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,3	0	-0,1	-0,1

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Авг. 2017 г.	Окт. 2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
															2017 г.	2011 г.	2007 г.
Экономическое положение России																	
Хорошее	20,9	10,0	10,6	9,6	6,2	7,5	11,5	13,1	11,2	12,3	13,1	14,7	15,4	13,3	+2	+3	-8
Среднее	49,2	49,7	47,3	49,6	46,6	41,0	41,6	41,4	42,6	40,5	40,6	42,9	45,3	42,2	+1	-8	-7
Плохое	15,0	28,5	29,0	26,0	35,5	37,5	32,2	32,7	31,6	30,3	29,7	26,5	25,0	29,3	-3	+1	+14
Индекс	105,9	81,5	81,6	83,6	70,7	70,0	79,4	80,4	79,6	82,0	83,4	88,2	90,4	84,0	+5	+3	-22
Экономическое положение области																	
Хорошее	22,5	10,4	8,6	7,4	5,2	6,5	9,5	10,5	10,3	10,3	11,2	10,7	12,3	10,9	+1	+1	-12
Среднее	49,5	48,2	44,0	44,0	39,9	35,5	36,9	39,3	40,3	37,9	37,9	38,1	41,1	39,1	+2	-9	-10
Плохое	14,2	30,2	36,1	36,0	43,0	46,0	39,5	39,3	37,4	36,1	35,9	36,4	35,4	36,8	-3	+7	+23
Индекс	108,3	80,2	72,5	71,4	62,2	60,5	70,0	71,2	72,9	74,2	75,3	74,3	76,9	74,1	+4	-6	-34
Материальное положение семьи																	
Хорошее	14,7	9,6	10,5	11,2	7,9	9,3	10,7	11,9	11,2	11,0	10,7	11,1	13,5	11,6	+1	+2	-3
Среднее	52,7	50,3	52,3	52,6	49,5	50,0	49,7	50,6	51,1	48,8	48,3	49,3	49,8	49,7	0	-1	-3
Плохое	22,2	29,8	28,2	28,1	31,2	32,6	31,9	31,3	29,6	30,7	30,5	29,8	27,9	30,0	-2	0	+8
Индекс	92,5	79,8	82,3	83,1	76,7	76,7	78,8	80,6	81,6	80,3	80,2	81,3	85,6	81,6	+3	+2	-11

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Авг. 2017 г.	Окт. 2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
															2017 г.	2011 г.	2007 г.
В России																	
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	41,5	35,8	25,6	25,5	33,9	35,8	35,7	39,3	38,1	38,3	42,0	38,2	+4	-6	-10
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	41,3	50,2	58,7	56,0	49,3	48,5	48,6	46,9	45,6	45,4	43,3	46,4	-3	+9	+12
Индекс	114,3	106,3	100,2	85,6	66,9	69,5	84,6	87,3	87,1	92,4	92,5	92,9	98,7	91,8	+7	-15	-23
В области																	
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	52,2	50,5	46,0	44,2	52,0	53,8	53,9	56,0	54,9	55,3	56,6	55,1	+3	+3	-5
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	34,2	36,2	39,1	39,5	33,8	32,9	33,4	31,8	32,3	32,0	31,5	32,3	-2	+6	+8
Индекс	135,4	125,3	118,0	114,3	106,9	104,7	118,2	120,9	120,5	124,2	122,6	123,3	125,1	122,8	+5	-3	-13

до 82 п.), среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 7 п., с 69 до 76 п.), среди представителей 20%-й группы наиболее обеспеченных (на 8 п., с 99 до 107 п.), в Череповце (на 7 п., с 71 до 78 п.).

За последние 6 опросов по сравнению с показателями 2017 года характер суждений об экономике России и области незначительно улучшился: индексы возросли на 5 п. (с 79 до 84 п.) и на 4 п. (с 70 до 74 п. соответственно). Индекс материального благополучия семьи установился на отметке 82 п. против 79 п. в 2017 году.

За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России существенно не изменился: доля тех, кто считает обстановку в стране «благополучной, спокойной», составляет 42%, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 43%. Стабильными сохранились и оценки политической ситуации в регионе: доля положительных суждений составляет 57%, отрицательных – 32% (табл. 4).

В некоторых социально-демографических категориях населения отмечается рост индексов оценки политической обстановки в стране и области, прежде всего, в возрастной группе от 30 до 55 лет (индекс оценки политической ситуации в стране возрос на 9 пунктов, с 92 до 101 п.; в области – на 5 пунктов, со 123 до 128 п.), среди представителей 20%-й группы наименее обеспеченных (в стране – на 21 пункт, с 82 до 103 п.; в области – на 29 пунктов, со 108 до 137 п.), а также среди жителей Череповца (в стране – на 10 пунктов, с 79 до 89 п.; в области – на 6 пунктов, со 108 до 114 п.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2017 годом характер суждений о политической ситуации в стране и регионе стал более благоприятным: индекс оценки политической обстановки в России увеличился на 7 пунктов (с 85 до 92 п.), в области – на 5 п. (со 118 до 123 п.).

РЕЗЮМЕ

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в апреле–июне 2018 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном настроении жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 90 п. и 77 п.);
- не претерпели изменений оценки материального положения семей (86 п.);
- не произошло существенных изменений в оценках политической обстановки в России и регионе (99 и 125 п. соответственно);
- значительно не изменились показатели социального настроения (150 п.) и запаса терпения (160 п.).

В некоторых социально-демографических группах населения за последние два месяца оценки улучшились. При этом наиболее существенные улучшения были зафиксированы:

- в возрастной группе от 30 до 55 лет: в данной категории увеличились индексы оценки экономической ситуации в стране и области (на 5 п.), а также политической обстановки в России и регионе (на 9 и 5 п.);
- в 20%-й группе наиболее обеспеченных жителей области: в данной группе возросли индексы материального положения (на 8 п.), политической ситуации в России и области (на 22 и 30 п.);
- среди жителей Череповца: в данной группе увеличились индексы оценки экономического положения в стране и области (на 4 п.), материального положения (на 7 п.), политической обстановки в стране и регионе (на 10 и 6 п.).

В отдельных категориях населения за последние два месяца отмечались негативные изменения. Прежде всего обращает на себя внимание ухудшение оценок в 20%-й группе наименее обеспеченных жителей области. В данной группе снизились индексы оценки социального настроения (на 5 п.) и запаса социального терпения (на 23 п.).

Стабилизация оценок населения по ключевым параметрам (оценка экономической и политической ситуации, самооценка благосостояния семьи и социального самочувствия) во многом обусловлена замедлением экономического спада и улучшением ситуации в промышленном производстве, сельском хозяйстве, розничной торговле, на рынке труда, которые наблюдались в последние месяцы. По данным официальной статистики, в мае 2018 года наблюдалось увеличение темпов роста основных макроэкономических индикаторов: по отношению к предыдущему месяцу индекс промышленного производства составил 102,2% (в апреле 2018 года по сравнению с мартом 2018 года – 96,9%), объем производства продукции сельского хозяйства – 100,9% (100,8%), оборот розничной торговли – 108% (99%). Данные статистики демонстрируют также улучшение показателей уровня и качества жизни населения. Так, в апреле 2018 года по отношению к марту 2018 года реальные располагаемые денежные доходы населения соста-

вили 105,2% (в марте 2018 года к февралю 2018 года – 91,2%), при этом индекс потребительских цен и тарифов на товары и услуги существенно не изменился – 100,3% (100,2%)³.

Социальное самочувствие жителей области формировалось на фоне значимых событий, которые происходили в общественно-политической жизни страны в мае-июне текущего года.

Определенный оптимизм и надежды людей на улучшение ситуации во много связаны с подписанием новых «майских указов» Президента РФ. 7 мая в день инаугурации В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором в числе приоритетных направлений развития страны выдвигается решение ряда социальных задач: обеспечение роста реальных доходов граждан, роста пенсионного обеспечения выше уровня инфляции, улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно, снижение в два раза уровня бедности и др. Подобные заявления Главы государства оказывают благоприятное воздействие на общественное мнение.

Позитивный эмоциональный фон создавали и настроения населения в преддверии предстоящего Чемпионата мира по футболу – 2018, трансляций которого, по данным ВЦИОМ, ожидали более половины россиян (52%)⁴. Резонансным событием стало также открытие Крымского моста, что особенно актуально в начале отпускного сезона, поскольку Крым третий год подряд лидирует в рейтинге наиболее желанных мест отдыха для россиян⁵. Более того, по мнению аналитиков, Крымский мост представляет собой не только объект транспортной инфраструктуры юга России, но и является предметом гордости россиян⁶. Положительные эмоции вызвала и сама церемония вступления в должность избранного президента страны, которая, по данным ВЦИОМ, привлекла внимание большинства населения (57%), при этом более половины россиян (53%), следивших за инаугурацией в прямом эфире или по выпускам новостей, испытали чувство гордости за страну⁷.

Несмотря на положительный общественный настрой, дальнейшая динамика общественного мнения будет зависеть в первую очередь от того, насколько эффективными окажутся мероприятия Правительства РФ и органов государственной власти субъектов по исполнению новых «майских указов» Президента РФ, прежде всего в части повышения уровня и качества жизни населения.

В каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ФГБУН ВолНЦ РАН, который пройдет в августе 2018 года.

³ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

⁴ Кубок мира по футболу – 2018: Россия победит? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9154> (дата обращения 27.06.2018).

⁵ Лето-2018: отпускные планы и предпочтения россиян. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9131> (дата обращения 27.06.2018).

⁶ Крымский мост: есть контакт! // Пресс-выпуск ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9124>

⁷ Инаугурация Владимира Путина: первые впечатления. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9097> (дата обращения 27.06.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Дементьева Ирина Николаевна – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: irinika_74@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Леонидова Елена Эдуардовна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: leoele@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

MAIN TRENDS IN THE SOCIAL WELL-BEING OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION IN JUNE 2018

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences", 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Dement'eva Irina Nikolaevna – Junior Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences", 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: irinika_74@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Leonidova Elena Eduardovna – Scientific Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences", 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: leoele@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Хроника научной жизни

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В НОВУЮ ЭПОХУ»

С 21 по 25 мая 2018 года в рамках сотрудничества Вологодского научного центра РАН и Академии общественных наук провинции Цзянси состоялся очередной визит делегации ученых ФГБУН ВолНЦ РАН в г. Няньчан. Ученые обменялись опытом по реализации стратегии социально-экономического развития сельских территорий, обсудили развитие научного сотрудничества и взаимодействия Академии и ВолНЦ РАН и посетили производственные сельскохозяйственные объекты («Новая социалистическая деревня» Xihu Li Family Village) и места культурно-исторического наследия (дворцовый комплекс «Запретный город», Храм Неба, пагода Tengwang pavilion).

В состав делегации вошли зам. директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук **Л.В. Бабич**, зам. директора ФГБУН ВолНЦ РАН – директор СЗНИИМЛПХ канд. экон. наук **К.А. Задумкин**, научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук **А.Н. Анищенко**, зав. отделом разведения сельскохозяйственных животных СЗНИИМЛПХ канд. с.-х. наук **Н.И. Абрамова**.

Программа семинара «Стратегия развития сельского хозяйства и сельских территорий в новую эпоху» включала в себя выступления ученых ФГБУН ВолНЦ РАН и Академии общественных наук провинции Цзянси по актуальным проблемам развития сельского хозяйства:

- Теория и практика сельского строительства за последние 100 лет в Китае (Ши Юмин);
- Стратегические направления и приоритеты развития сельского хозяйства России (А.Н. Анищенко);
- Общие идеи о реализации стратегии «оживления» деревни в провинции Цзянси (Конг Фанбин);

- Подходы к разработке и реализации стратегии социально-экономического развития сельских территорий (К.А. Задумкин);
- О важности ранней профориентации школьников при подготовке кадров для сельского хозяйства (Л.В. Бабич);
- Исследование экологического развития сельского хозяйства в провинции Цзянси в рамках стратегии «оживления» деревни (Ли Чжименг);
- Современное состояние и перспективы развития молочных пород КРС в условиях Вологодской области (Н.И. Абрамова).

По итогам визита с учетом взаимной заинтересованности и общей высокой оценки достигнутого уровня взаимодействия, стороны договорились продолжить активное научное сотрудничество по ряду направлений. Также были запланированы ответный визит делегации Академии общественных наук провинции Цзянси и проведение российско-китайского научного семинара в ФГБУН ВолНЦ РАН в октябре 2018 года.

Материал подготовила

С.Л. Неустроева

младший научный сотрудник

ФГБУН ВолНЦ РАН

ОБ УЧАСТИИ СОТРУДНИКОВ ВОЛНЦ РАН В ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ

В период **24–26 мая 2018 года** состоялся Петербургский международный экономический форум, в котором приняли участие сотрудники ФГБУН ВолНЦ РАН мл. науч. сотр. **Е.Г. Леонидова**, мл. науч. сотр. **Н.О. Якушев**, ст. науч. сотр. канд. экон. наук **К.А. Устинова**.

Программа насчитывала более 90 мероприятий, среди которых деловые сессии, панельные дискуссии, тематические бизнес-завтраки, теледебаты и прочее. Обозначенные выше формы обсуждений были объединены одной проблематикой, посвященной созданию экономики доверия, предполагающей совместное решение ключевых задач, стоящих перед мировым сообществом, поиск новых точек роста для развития экономик разных стран.

На форуме сотрудники ФГБУН ВолНЦ РАН посетили следующие мероприятия:

24.05.2018 – панельные сессии с участием помощника Президента РФ **А.А. Фурсенко**, министра науки и высшего образования **М.М. Котюкова** «Технологический прорыв и пространственное развитие страны», «Природоподобные технологии – ответ на большие вызовы», а также сессии «Денежный турпоток. Туризм на экспорт» и «Глобальные цепочки поставок: формирование новой системы» с участием заместителя Генерального секретаря ООН **Шамшада Ахтара**, члена Коллегии (министра) по торговле ЕЭК **В.О. Никишиной**, руководителя ФТС России **В.И. Булавина**, президента Американской торговой палаты в России **Алексиса Родзянко**;

25.05.2018 – панельная сессия с участием первого вице-премьера правительства **А.Г. Силуанова**, вице-премьера **Т.А. Голиковой**, председателя комитета ГД по бюджету и налогам **А.М. Макарова**, ректора РАНХиГС **В.А. Мау** «Станут ли бюджетная и налоговая политика факторами экономического роста?»; мероприятие в формате «Беседы о будущем», на котором журналист **Владимир Познер** и бизнесмен **Олег Тиньков** рассуждали о технологическом предпринимательстве в России;

26.05.2018 – панельная дискуссия с участием **А.А. Фурсенко** «Математика в эпоху цифры».

Сотрудники ВолНЦ РАН отметили полезность участия в форуме с точки зрения получения актуальной информации не только в области современных трендов и проблем развития мировой и отечественной экономики, но и в отношении отдельных отраслевых направлений. Кроме того, они смогли установить деловые контакты с молодыми учеными, представляющими различные научные организации ФАНО России, сотрудничество с которыми видится перспективным при организации научных мероприятий и подготовке совместных публикаций.

*Материал подготовили
старший научный сотрудник
кандидат экономических наук
ФГБУН ВолНЦ РАН
К.А. Устинова*

*младший
научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН
Е.Г. Леонидова*

*младший
научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН
Н.О. Якушев*

К ИТОГАМ II РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

С 25 по 29 июня 2018 года на базе ФГБУН ВолНЦ РАН состоялась II Российская научная интернет-конференция «Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства».

Одним из значимых резервов обеспечения устойчивого экономического роста страны является реализация внутреннего потенциала развития территорий. Его объективное измерение, развитие и эффективное использование возможно на основе применения актуальных научных знаний и современных технологий.

Для России традиционно характерно неравномерное распределение научно-технического и инновационного потенциалов по территории страны. Эта проблема, как отмечено в проекте Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года, входит в число значимых диспропорций пространственной организации страны, которые в обозримой перспективе могут привести к ухудшению ее геополитического и геоэкономического положения под воздействием новых глобальных вызовов и рисков.

Снижение негативных эффектов, связанных с неравномерным распределением научно-технического и инновационного потенциалов, можно обеспечить путем сбалансированного развития научно-технологического пространства страны, в которое были бы интегрированы раз-

личные субъекты, связанные с генерацией, передачей и использованием (коммерциализацией) знаний. С одной стороны, речь идет об активизации научно-технической политики в регионах и планомерном развитии региональных инновационных систем. С другой стороны, на национальном уровне необходима реализация системы мер, направленных на снижение внутренних барьеров (нормативно-правовых, административных, экономических и т. д.), препятствующих свободным «переливам» знаний, технологическому трансферу и диффузии инноваций.

Отдельное внимание целесообразно уделить стимулированию регионов в направлении активизации международного сотрудничества в научно-технической и инновационной сферах, в том числе в рамках формирующегося евразийского экономического пространства.

Обсуждению этих вопросов была посвящена II Российская научная интернет-конференция «Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства», организованная ФГБУН ВолНЦ РАН в период с 25 по 29 июня 2018 года.

Основная идея конференции заключалась в поиске и обосновании путей развития научно-технологического пространства, активизации инновационных процессов в регионах с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики и создания условий для повышения качества жизни населения и развития человеческого потенциала.

Работа конференции была организована по 4 направлениям:

1. Научно-технологическое развитие территорий: региональные тенденции и практики.
2. Проблемы организации научно-технологической и инновационной деятельности в реальном секторе экономики.
3. Инфраструктурное обеспечение научно-технологического развития территорий.
4. Цифровая экономика: современные вызовы и возможности развития.

На конференции было представлено 59 докладов 76 авторов из России, Донецкой Народной Республики, Беларуси, Украины.

25 июня 2018 года состоялось пленарное заседание в режиме вебинара. На заседании выступили ст. науч. сотр. лаборатории инновационной экономики ФГБУН ВолНЦ РАН **В.С. Усков** (доклад «Тенденции формирования цифровой экономики в России»), гл. науч. сотр. Института проблем рынка Российской академии наук **Ю.А. Ковальчук** («Проектный офис как координатор разработки и реализации сетевого взаимодействия в высокотехнологичной промышленности»), доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова **М.С. Соколов** («Направления интеграции инновационных инфраструктур России и Беларуси в рамках Союзного государства»), вед. науч. сотр. Центрального экономико-математического института РАН **А.А. Кобылко** («Системный подход к формированию стратегии научной организации экономического направления»), вед. науч. сотр. Государственного учреждения «Институт экономических исследований» (Донецк, ДНР) **Г.В. Астапова** («Социальные инновации профессиональной реабилитации инвалидов в процессе научно-технологического развития Донецкой Народной Республики»).

В рамках секции 1 «Научно-технологическое развитие территорий: региональные тенденции и практики» было представлено 15 докладов. На секции поднимались вопросы союзного государства в мировом научно-технологическом пространстве (Р.А. Абрамов, И.В. Морозов); структуры регионального инновационного потенциала (В.Н. Василенко); факторов эффективности региональной инновационной политики Российской Федерации в условиях международной экономической интеграции (М.Н. Сурилов); финансового состояния аграрного бизнеса региона (Д.Ю. Самыгин, Э.И. Данилушкина); активизации инновационной деятельности в системе образования: управленческий аспект (В.П. Коваленко); промышленных городов в условиях новой индустриализации (Е.Б. Дворядкина, Е.И. Кайбичева); проблем и перспектив регионального научно-образовательного развития (Е.В. Пустынникова); научно-технологического развития территорий в оценках экспертов (Ю.В. Уханова, И.Н. Дементьева) и др.

В рамках секции 2 «Проблемы организации научно-технологической и инновационной деятельности в реальном секторе экономики» было представлено 11 докладов. Рассмотрены вопросы теоретических аспектов исследования инновационного процесса (А.В. Грузан); инновационного развития Донецкой Народной Республики на основе применения «Умного производства» (А.В. Половян, К.И. Сеницына); проблем учета затрат на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (Е.А. Кузьмичева); технологии взаимодействия служб в гостинично-ресторанном комплексе (П.Г. Николенко, А.В. Терехов); проблем организации стратегической и инновационной деятельности на промышленных предприятиях (И.С. Костюк); социально-экономических факторов, влияющих на предпринимательскую активность населения (К.А. Устинов); перспективных направлений государственной поддержки малых инновационных организаций (А.Е. Кремин) и т. д.

В рамках секции 3 «Инфраструктурное обеспечение научно-технологического развития территорий» было представлено 14 докладов. Предметом обсуждения стали вопросы роли инновационной инфраструктуры в системной организации и устойчивом развитии региона Дальневосточная Арктика (Б.Х. Краснопольский); проблем кадрового обеспечения инновационного развития (С.В. Крошилин, Е.И. Медведева); создания организационно-правовых условий стимулирования прикладных исследований и разработок на региональном уровне как необходимого условия научно-технологического развития России (Е.А. Мазиллов); внедрения профессиональных стандартов как основы проведения сертификации персонала (Т.В. Коваленко, А.В. Федирцан); развития технопарков Республики Беларусь в контексте евразийской интеграции (Л.Г. Тригубович, Н.В. Кудревич); магистратуры в системе высшего образования Вологодской области (С.Ю. Егорихина); проблем обеспеченности России кадрами для инновационной экономики и зарубежный опыт их подготовки (Ю.О. Ушакова).

В рамках секции 4 «Цифровая экономика: современные вызовы и возможности развития» было представлено 14 докладов. Обсуждались вопросы формирования цифровой экономики в России в условиях четвертой промышленной революции и новой экономической реальности (В.С. Усков); влияния цифровой экономики на развитие социально-экономических производств региона на примере Курской области (С.М. Клевцов, А.С. Тевяшова); развития цифровой экономики в Республике Беларусь (Н.Г. Лопатова); искусственного интеллекта – технологии XXI века (Д.А. Алферьев); построения и использования модели данных для систем экономических показателей с применением нереляционных подходов с OLAP-технологий (И.Г. Басов, Н.Н. Шеремет); формирования информационной среды технологической поддержки малых машиностроительных предприятий (В.Ф. Булавин, Т.Г. Булавина, В.В. Яхричев); развития муниципальной цифровой экономики как источника роста местных доходов (М.А. Печенская); цифровых валют и перспективы их правового регулирования в России (О.И. Ларина); внедрения информационного ресурса в деятельности компании ОДО «Свидрава» (А.А. Васильевич, Н.В. Марковская).

Научное сообщество дало высокую оценку проведенному мероприятию и обратило внимание на то, что участие в конференции предоставило возможность обобщить и выразить собственный научный опыт, ознакомиться с результатами изысканий коллег, а также ведущих ученых-экономистов. Участники отметили, что проведение мероприятий подобного рода будет способствовать решению важнейших социально-экономических задач современной России и ЕАЭС.

С полными текстами докладов и материалов можно ознакомиться на форуме конференции <http://fic.vscs.ac.ru>. Также планируется подготовка сборника докладов конференции с присвоением УДК, ББК, ISBN и размещением в РИНЦ.

Материал подготовил

Е.А. Мазиллов

*кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
заведующий лабораторией ФГБУН ВолНЦ РАН*

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА

Заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН 31.05.2018

31 мая 2018 года состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН, на котором старший научный сотрудник, зав. лабораторией канд. экон. наук **С.А. Кожевников** представил обоснование темы диссертационного исследования «Управление пространственной интеграцией экономики регионов России» и индивидуальный план по его подготовке. Докладчик обозначил область своего исследования, основные этапы научной деятельности, а также те результаты, которые удалось достичь на данный момент.

Научный руководитель организации чл.-кор. РАН **В.А. Ильин** сообщил об итогах командировки делегации ФГБУН ВолНЦ РАН в Национальную академию наук Республики Беларусь. Владимир Александрович кратко рассказал о передовом опыте развития сельского хозяйства в Беларуси, обозначил перспективы сотрудничества в этом направлении.

В рамках доклада об итогах визита делегации ФГБУН ВолНЦ РАН в Академию общественных наук провинции Цзянси (Китай) зам. директора, зав. отделом канд. экон. наук **Л.В. Бабич** рассказала о прошедшем научном российско-китайском семинаре, о возможностях дальнейшего сотрудничества.

В завершение с информацией об итогах участия в первом Крымском социологическом форуме «Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию» выступила зам. директора, зав. отделом канд. экон. наук **О.Н. Калачикова**. Ольга Николаевна представила программу форума и темы докладов участников от ФГБУН ВолНЦ РАН.

В обсуждении материалов доклада приняли активное участие д-р экон. наук **В.А. Ильин**, д-р экон. наук **А.А. Шабунова**, канд. экон. наук **С.Н. Ткачук**.

Материал подготовила

Л.М. Сухарева

инженер-исследователь ФГБУН ВолНЦ РАН

Заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН 28.06.2018

28 июня 2018 года состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН, на котором научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук **А.Н. Анищенко** представила научное сообщение на тему «Потенциал сельского хозяйства Европейского Севера России и проблемы его реализации в рамках Стратегии развития Арктической зоны РФ».

Алеся Николаевна раскрыла актуальность обращения исследовательского интереса к территориям Арктической зоны РФ, которые обладают существенными экономическими возможностями и экономическим потенциалом, представила теоретические аспекты исследуемой проблемы, подходы к определению сущности «производственного потенциала» (в т. ч. в сфере сельского хозяйства), к оценке его использования, а также авторский взгляд на сущность рассматриваемой категории.

В основной части доклада Алеся Николаевна остановилась на результатах анализа развития и потенциала сельского хозяйства субъектов Европейского Севера России, выделила проблемы, характерные для аграрного сектора Арктики, среди которых сложная ситуация с обеспеченностью удобрениями, дефицитность квалифицированных кадров, снижение фондоотдачи и энергообеспеченности производств, раскрыла аспекты межрегиональных связей. Оценка роли и потенциала сельского хозяйства Вологодской области в развитии Европейского Севера и Арктики показала, что наряду с негативными тенденциями в развитии аграрного сектора (сокращение посевных площадей и поголовья сельскохозяйственных животных, проблемы с ресурсной обеспеченностью) в сельском хозяйстве региона наблюдается интенсификация производства (особенно по молочному скотоводству) и развивается экономическая интеграция с другими территориями. Алеся Николаевна сделала вывод о растущей значимости сельского хозяйства Вологодской области в развитии Европейского Севера и Арктики в части обеспечения продовольственной безопасности и социально-экономического развития данных территорий, а также обосновала приоритетность развития молочного скотоводства в регионе. В ходе обсуждения вопроса о государственной поддержке сельского хозяйства регионов Европейского Севера докладчик детально изложила специфику субсидирования сельхозтоваропроизводителей, акцентировав внимание на недостаточном объеме и несовершенном механизме предоставления бюджетных средств.

На основании проведенного анализа выявленных проблем докладчик предложила приоритетные направления повышения эффективности использования производственного потенциала территорий Европейского Севера России, среди которых разработка комплекса организаци-

онных и экономических мер, способствующих активизации аграрного потенциала территорий Европейского Севера и Арктики, мероприятий по финансовому оздоровлению предприятий отрасли, повышению уровня социально-экономического развития данных территорий. Непременным условием эффективности централизованных мероприятий по поддержке территорий Европейского Севера и Арктики, с точки зрения докладчика, является увеличение объемов государственной поддержки. Для Вологодской области Алеся Николаевна предлагает разработку специальной Программы ускоренного развития агропромышленного комплекса Вологодской области на период 2020–2030 гг. с обоснованным комплексом мер, направлений и инструментов повышения эффективности использования аграрного потенциала региона по таким направлениям, как земля, труд, основные производственные средства сельскохозяйственного назначения, энергетические ресурсы и материальные оборотные средства.

В заключение были обозначены перспективные направления развития в ФГБУН ВолНЦ РАН научных исследований в области агропромышленного комплекса субъектов Европейского севера России и Арктики.

В обсуждении материалов доклада приняли активное участие д-р экон. наук **В.А. Ильин**, д-р экон. наук **М.В. Селин**, д-р экон. наук **К.А. Гулин**, канд. экон. наук **К.А. Задумкин**.

Материал подготовила

Г.В. Белехова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

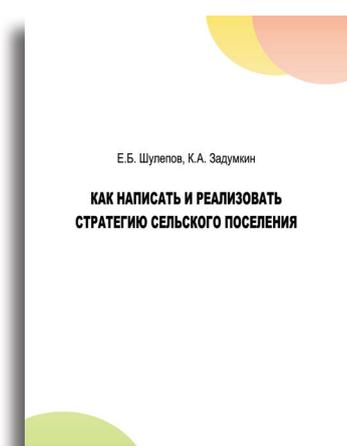
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВолНЦ РАН

Электоральная география партийных предпочтений по итогам выборов в Государственную Думу РФ (2007, 2011, 2016 гг.): препринт / М.В. Морев [и др.]; под науч. рук. чл.-кор. РАН, д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 105 с. (Проблемы эффективности государственного управления).

В препринте представлены сведения об избирательной явке и результатах голосования на Парламентских выборах 2007, 2011 и 2016 гг. в разрезе федеральных округов и субъектов Российской Федерации. Настоящее издание носит справочный характер, его целью являлись сбор и систематизация официальных данных по результатам прошедших голосований, а также краткий анализ их динамических изменений. В нем представлены анализ избирательной явки на выборах в Государственную Думу V, VI и VII созывов; результаты голосования за четыре парламентские партии: «Единая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России, «Справедливая Россия».

Книга предназначена научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся общественно-политическими проблемами.

Шулепов Е.Б., Задумкин К.А. Как написать и реализовать стратегию сельского поселения: метод. рекомендации. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 48 с.

Методические рекомендации подготовлены на основе многолетнего практического опыта авторов в сфере разработки и реализации муниципальных стратегий и предназначены для глав муниципальных районов и сельских поселений, которые находятся в поиске путей развития вверенных им территорий за счет преимущественно собственных ресурсов и искренне стремятся к тому, чтобы сельские жители нашей страны жили долго, достойно и счастливо. Кроме того, рекомендации могут быть использованы студентами, бакалаврами, магистрантами и аспирантами, изучающими вопросы стратегического планирования и управления на муниципальном уровне по направлению подготовки «Экономика».

Динамика населения России в XXI веке. Социодемографический анализ: монография / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 270 с.

В монографии изложены основные тенденции и причины демографической динамики в мире XXI в. Рассмотрены детерминанты процессов рождаемости, воспроизводства и старения населения в России и ее регионах, перспективы ее демографического развития. Особое внимание уделено особенностям учета демографических характеристик территорий в управленческой практике и стратегическом планировании на различных уровнях. Исследование проведено с учетом ранее полученных и описанных результатов работ демографов, социологов, экономистов и представителей других общественных и гуманитарных наук, проанализированы данные международной и российской статистики, результаты мониторинговых социологических опросов, посвященных изучению физического здоровья, демографического и витального поведения населения Вологодской области.

Издание может быть полезным для работников науки и образования, представителей органов власти, а также студентов и аспирантов, чьи научные интересы связаны с социальной проблематикой и ее осмыслением с позиций экономики, демографии и социологии.

Экономика региона глазами старшеклассников: сб. конкурсных работ. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. Вып. 14. 98 с.

Одним из основных направлений деятельности Научно-образовательного центра ФГБУН ВолНЦ РАН является вовлечение обучающихся в научно-исследовательскую деятельность в сфере экономики. В рамках реализации данного направления в Научно-образовательном центре ежегодно проводится научно-практическая конференция «Экономика региона глазами старшеклассников», по итогам которой выпускается сборник конкурсных научно-исследовательских работ и эссе школьников. В данном выпуске опубликованы работы победителей и лауреатов конкурса научно-исследовательских работ и эссе по экономике 2016/17 учебного года.

Сборник представляет интерес для школьников, студентов, аспирантов, а также может быть использован преподавателями образовательных учреждений экономического профиля при работе с обучающимися и специалистами в сфере экономики.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля:** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт:** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация:** номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

М.В. Чумаченко
И.В. Артамонов
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.07.2018.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,4. Тираж 500 экз. Заказ № 264
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru, pdt.isert@mail.ru